

sf_detective
sf_fantasy_city

Анна
Велес

Семь колец Пушкина

Ева Куракина – уважаемый маг-артефактор. Вот и на этот раз ее двоюродный брат, глава Тайной Стражи Москвы, попросил ее помощи в важном деле. Убит один из наследников императорского рода Романовых, Николай. Ник был давним другом Евы и возлюбленным ее лучшей подруги, ведьмы Ли. Более того, его смерть связана с артефактами – загадочными кольцами Пушкина. Поэтому Ева соглашается сопровождать Стража Даниила Нарышкина в Петербург...

смертельная опасность, расследование преступлений, мистические тайны
2019

ru

Alesh

Colourban

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-05-29
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648711
Текст предоставлен издательством
e1679653-8226-11e9-94d9-0cc47a5f3f85
1.01

v 1.0 – создание fb2 – (Alesh)
v 1.01 – оптимизация обложки и дополнительное форматирование – (Colourban)

Семь колец Пушкина
Эксмо
Москва
2019
978-5-04-102719-3

Анна Велес

30 августа. Юг Франции

Был вечер. Где-то половина седьмого. Жара наконец-то начала ослабевать, но солнце еще светило во всю мощь, и казавшееся утром таким прекрасным бескрайнее синее небо теперь уже просто раздражало. На площади перед церковью Святого Мартина стало значительно меньше народу. Туристы разъехались прочь на своих ярких и неуклюжих автобусах.

На одной из широких лавочек, примостившихся в тени деревьев, прямо напротив веранды летнего кафе, сидела молодая женщина в легком воздушном шелковом платье цвета молодой травы с расшитой явно вручную юбкой. Ее золотисто-медные волосы были убраны в тяжелый низкий узел на затылке, верхнюю часть лица скрывали так необходимые здесь и сейчас солнцезащитные очки. Женщина лениво оглядывала площадь, рассматривала проходящих мимо людей и лишь изредка аккуратно проверяла прислоненную к ее бедру матерчатую сумку из мягкой сероватой замши.

В какой-то момент, когда женщина изучала – правда, без особого интереса – столики кафе напротив, на нее упала тень. Рядом с лавочкой будто ниоткуда появился мужчина. Он был одет в легкие льняные брюки, кожаные мокасины и белую обычную рубашку с коротким рукавом. На вид мужчине было чуть больше сорока. Белобрысые волосы коротко острижены, кожа покрыта почти оливковым загаром. Глаза также скрывают очки. На запястье красуется массивный браслет из чистого золота с несколькими довольно крупными топазами. Это украшение так блестело на солнце, что больно было смотреть. А в руках мужчина держал нечто прямоугольное, завернутое в черный пакет.

– Здравствуйте, Георгий Сергеевич, – чуть иронично поздоровалась женщина. – Вы слегка опоздали.

Он сел на лавочку на некотором расстоянии от нее, смотрел куда-то через площадь.

– Почему не в Тулузе? – коротко и не слишком довольный задал вопрос.

– Там сейчас, знаете ли, слишком многолюдно, – в том же тоне ответила ему женщина. – А нам это надо?

– Жарко, – несколько апатично отреагировал он.

– В Тулузе сейчас еще жарче, – певуче отозвалась его собеседница. – Да и я как-то устала нынче. После ночных гуляний. Порте-сюр-Гарон был мне ближе.

– Значит, у вас что-то есть для меня. – Он впервые за разговор мельком глянул на женщину.

– Естественно. – Ирония стала веселой. Если бы тут был хоть кто-то из ее знакомых, они могли бы только по этому тону понять, насколько эта женщина не уважает своего собеседника. Но совершенно чужой человек слышал лишь эти чуть задорные нотки.

Женщина в очередной раз чуть коснулась своей сумки.

– Вот. – Все так же не глядя, мужчина вынул из кармана брюк небольшой предмет круглой формы. Женщина взяла эту вещь в руки. Нажала почти незаметную кнопку. Из металлического футляра выскочило лезвие. Не более полутора сантиметров в длину. Но явно отлично заточенное.

– Какая прелесть! – восхитилась женщина.

– Это стропорез, милочка, – нравоучительно и чуть раздраженно пояснил мужчина. – Им при желании можно перерезать горло одним движением. Он отлично заточен.

– Да, – как-то довольно подтвердила женщина и продемонстрировала порез на пальце, где набухла кровь.

Вот теперь мужчина обратил на нее все внимание. Вернее, на этот самый порез. А женщина аккуратно открыла сумку другой рукой, неторопливо достала оттуда некий предмет, завернутый в какую-то мягкую, ворсистую, но плотную ткань. Потом поднесла к предмету раненую руку. Мужчина неотрывно следил за ее действиями.

– Как легко можно избавиться от последствий такого обращения с колюще-режущими предметами, – проворковала женщина и показала собеседнику раненую руку.

Недавний порез затягивался на глазах.

Мужчина кивнул, встал, оставив странный пакет на лавочке. Протянул руку. Женщина вложила в нее странный предмет, залечивший ее рану. Она в последний момент отняла тряпку, в которую ранее была завернута эта вещь. Ее странный собеседник сжал в ладони очень старый большой гвоздь с чуть загнутым концом. Весь этот металлический предмет покрывал толстый слой ржавчины. А на загнутом крае виднелись бурые пятна неизвестного происхождения.

– Прощайте, – бросил мужчина и поспешил прочь.

– Не буду врать, что рада была знакомству, – безмятежно проговорила женщина себе под нос, забирая пакет.

Она убрала его в сумку, встала и неторопливо побрела через площадь к кафе.

За крайним столиком, накрытым кипенно-белой скатертью, в удобном кресле из ротанга сидел другой мужчина. На вид это был стопроцентный итальянец. Вьющиеся черные волосы в некотором живописном беспорядке. Небольшая курчавая борода, высокие скулы, карие, темные, почти черные глаза. На нем была белая рубаша с закатанными рукавами и простые синие джинсы. На запястье мужчины висел кожаный браслет из шнурков, соединенных какими-то замысловатыми узелками и парой простых деревянных бусин.

– Отлично смотрите, – заявила ему женщина, присаживаясь на кресло напротив. – Хотя ваш обычный облик нравится мне больше. Доброго дня, Даниил Нарышкин, старший дознаватель Тайной Стражи Москвы.

– Ева Куракина, – мужчина чуть улыбнулся. – Одна из вечных нарушителей спокойствия древней фамилии. Как вы меня узнали?

Женщина улыбнулась. На этот раз искренне и даже тепло.

– Во-первых, вы слишком похожи на итальянца, – сказала она со смехом. – Во-вторых, этот обманчиво ленивый вид, в-третьих, слишком серьезный и зоркий взгляд. И последнее, только магам Стражи дозволено ходить с оружием.

Она указала на его браслет.

– Вы узнали Стража, – с некоторым азартом, ничуть не рассердившись, возразил он. – Но как вы узнали именно меня, Ева?

– У вас уникальный дар хамелеона, – уже серьезнее продолжала объяснять женщина. – И я помню об этом, Даниил.

– Дан, – поправил он ее.

– Хорошо, Дан, – покладисто согласилась Ева. – Я знаю, что вы можете менять свою внешность без всякой косметики или таких модных среди смертных пластических операций. Но и у меня свой дар, Дан. Очень нужный мне, как магу-артефактору. Я всегда вижу суть. Вещей, существ или людей. Так что вас я смогла бы узнать в любом обличье. Но это, конечно, с учетом того, что мы были знакомы раньше.

– Свадьба вашего кузена и моего непосредственного начальника, Михаила Куракина, Главы Тайной Стражи Москвы, – легко вспомнил Дан. – Пять лет назад.

– Да, – подтвердила Ева. – Мы с вами тогда много разговаривали.

– И танцевали, – он улыбнулся.

– Как мило. – Ева рассмеялась. – Ну, вернемся к делам. Вы, надеюсь, все видели.

– Покажите вашу руку, – тут же нахмурившись, велел он.

Ева послушно вытянула руку.

– Вы так спокойно... сделали это, – Дан был недоволен. – Этот ваш заказчик не самый надежный человек. И не добрый. Не стоило иметь с ним дел. Стража давно мечтает устроить ему переезд в Подземелья.

– Именно потому я позвонила кузену, – согласно кивнула Ева. – Этот тип мне тоже очень несимпатичен. Думаю, теперь Стража получит желаемого гостя.

– Но вы заключили с ним сделку! – напомнил Дан.

– Конечно. – Она беззаботно пожала плечами.

– Ладно. – Он устало вздохнул. – Что вы ему передали?

– Ну, – она лукаво улыбнулась. – Это железный гвоздь, датируется где-то началом первого века нашей эры...

Брови Дана взлетели вверх, демонстрируя его удивление и возмущение.

– Ева! – Он даже чуть повысил голос. – Вы сумасшедшая? Вы передали ему гвоздь с Креста Господня? Одну из величайших страстных Святынь?

– Да. – Она продолжала мило улыбаться.

– Так. – Старший дознаватель потер виски. – Вы заставили кузена направить меня сюда, чтобы я стал свидетелем передачи реликвии, место которой в сокровищнице Хранителей Равновесия, какому-то преступнику? Который заставляет женщин резать себе руки до крови? И...

– Это он считает, что я передала ему святыню. – Ева явно забавлялась.

– Но... – Дан растерялся. – Это подделка?

Ева кивнула.

– А как же... – Он смотрел на ее руку.

– Все очень просто, – сообщила ему любительница приключений. – Небольшой трюк, который я освоила буквально за пять минут. Сами понимаете, никакой явной магии использовать было нельзя. А потому я просто намазала часть тряпицы, в которую завернула этот гвоздь, волшебным кремом.

– Чем? – вопрос прозвучал несколько скептически.

– Кремом, – пояснила Ева. – Его делает для меня моя подруга Ли. Она ведьма, Глава Небесного ковена.

– И? – кажется, он ей не слишком верил.

– Да все просто, смотрите! – жарко заверила его молодая женщина и выхватила из сумки точно такой же стропорез, какой был у ее заказчика. Ева тут же провела пальцем по его лезвию. И вновь порез начал набухать кровью.

– Что вы творите! – Дан попытался вскочить, схватил ее за руку. – Сумасшедшая! Это же...

– Спокойно. – Ева достала из сумки все ту же тряпицу, потеряла об нее раненый палец и продемонстрировала дознавателю затягивающуюся на глазах рану.

– Нет, вы не сумасшедшая, – как-то обреченно решил Дан. – Вы яркая представительница своей безбашенной семейки. А вот я с вами точно рискую сойти с ума. Зачем? Ева, скажите мне, зачем эти рискованные фокусы?

– А как я могла бы еще доказать ему якобы подлинность гвоздя? – развела женщина руками. – Было бы хуже, если бы он притащил с собой какого-то калеку и велел бы его излечить. Хотя я знала, что это не в характере моего заказчика. Такие благие дела забесплатно он не делает.

– Он мог сам порезать руку, – возразил дознаватель уже значительно спокойнее. – Что бы вы делали тогда?

– Ошибаетесь, Дан. – Она вновь улыбнулась. – Такие, как он, никогда не ставят на себе подобных экспериментов. Я всегда изучаю не только тот предмет, который мне заказывают достать, но и самого заказчика.

– Угу, – он кивнул. – Так вы передали ему подделку?

– Конечно. – Ева легко пожала плечами.

– Еще лучше. – Он выглядел угрюмым. – Сначала вы сознаетесь в сомнительной сделке. Теперь в откровенной афере. Вы хотите составить ему компанию в Подземельях?

– Дан! – Ева чуть подалась вперед, голос ее стал серьезным. – Я представитель древнего дворянского рода. Впрочем, как и вы. Мы оба знаем, что такое честь! К тому же я никогда не поставила бы своими действиями под угрозу репутацию моего кузена Михаила, Главы Тайной Стражи Москвы. Я рада, что вы видели первую мою встречу. Теперь я хочу, чтобы вы остались здесь еще на десять минут и стали свидетелем второго моего делового свидания. Это очень важно. А вот после... Какие у вас планы на вечер? Я готова буду все вам рассказать, но... правда, у меня будет не так много времени...

– Если вы все-таки достали настоящую реликвию... – Он подождал ее подтверждающего кивка. – То это значит, что прошлой ночью вы посетили некий заброшенный монастырь милях в пятидесяти отсюда. Откуда ранее никто не возвращался. Надеюсь, вы расскажете мне все и об этой вылазке.

Ева опять кивнула.

– А ваши планы? – Он чуть саркастично усмехнулся. – Тут рядом еще и Монсегюр. В эту ночь вы отправитесь за Граалем?

– Нет. – Ева встала с кресла. – Во-первых, Грааля там нет. А во-вторых, мне срочно нужно в Москву.

– Встретимся в десять вечера в аэропорту, – бросил он ей вслед устало.

Ева вновь пересекла площадь. Все на той же лавочке ее уже ждали. И это опять был мужчина. Чуть выше среднего, коренастый и жилистый. В обрезанных джинсах, открывающих испещренные старыми шрамами ноги, в обрезанной майке. Руки его украшали те же шрамы. В густой черной шевелюре блестели нитки серебра. С обветренного лица смотрели из-под насупленных бровей азиатские раскосые глаза. На носу была заметна характерная горбинка. Удивляла странная бледность этого человека. Будто он никогда не встречался с солнечными лучами. Здесь, среди южан, он невольно привлекал внимание белизной кожи.

– Привет, – поздоровался он.

Пусть приветствие было довольно дружеским, смотрел он на Еву сурово.

– Доброго вечера. – Ева присела рядом, чуть задев подолом широкой юбки его колени. – У меня все получилось.

– Слава Богам! – Скиф, а именно к этому древнему народу принадлежал этот собеседник, тут же расслабился и улыбнулся. – Ты... ты такая умница, девочка. Я твой должник!

– Магнус, не начинайте. – Ева чуть надула губки. – Мы же не чужие друг другу! Вы и так пошли на риск. Солнце еще не село, а вы здесь. Вы же все-таки вампир!

– Я переживу. – Он приобнял молодую женщину за плечи. – Ради Марселины все, что угодно.

– Это точно. – Ева раскрыла свою сумку и достала еще одну тряпицу. – Вот.

Магнус развернул святыню. И чуть вскрикнул, увидев, что она собой представляет.

– Ева! – Он посмотрел на нее, чуть нахмурив свои густые брови. – Это...

– Вы же скиф! – весело ответила любительница приключений. – Уж вы-то должны знать, что это такое. Удила.

– А гвоздь... – Магнус выглядел одновременно растерянным и встревоженным.

– Вот что, – распорядилась Ева. – Уберите его. И пойдем куда-нибудь в тень. Если ваша кожа начнет дымиться на солнце, мы привлечем слишком много внимания.

Магнус быстро завернул святыню в тряпицу, сунул ее в поясную сумку, и они побрели к церкви Святого Мартина, где росли тенистые раскидистые деревья.

– Итак, – шагая рядом с ним, начала маг-артефактор. – Легенда гласит, что мать римского императора Константина, позже прозванного Великим, императрица Елена, отправилась в Иерусалим в поисках Креста, на котором был распят Иисус.

– Знаю, – коротко известил ее скиф.

– И там вместе с Крестом она нашла четыре гвоздя, коими он был к этому кресту и прибит, – продолжала Ева.

– Три, – коротко бросил Магнус.

– Верно, – улыбнулась молодая женщина. – На самом деле их было три. Но якобы она нашла четыре. И вот первый из них Елена бросила в море, чтобы успокоить ужасную бурю, мешающую императрице вернуться домой. Это важно. Так легенда намекает на чудодейственную силу гвоздей. Далее, еще один гвоздь был передан первосвященникам на хранение. Он позже был дарован Грузинской церкви. А уж в семнадцатом веке привезен Петру Первому. Теперь гвоздь хранится в Московском Кремле. Осталось два. Но вы же знаете, насколько на самом деле был верующим Константин?

Скиф ехидно усмехнулся.

– Верно, – с иронией подхватила Ева. – Крайне мало верующим. Если мы говорим о христианстве, конечно. На самом деле он был предан Митре. И войне. И зная силу гвоздей, Константин велел один перековать в козырек для своего шлема, дабы стать неуязвимым в бою и мгновенно излечивать раны. А второй был перекован в удила для его коня. Истинный воин ценит своего коня дороже золота. Это его самый верный друг... Ведь так?

– Истинно так, – с явным удовлетворением заметил скиф. – И эти удила лежат сейчас в моей сумке. Ты гениальна, девочка. Ты спасла жизнь Марселине и огородила меня от неприятностей с этим мошенником. И напомним, мы твои должники.

– Магнус! – Ева всплеснула руками. – Я люблю вас, как отца. Марселина мне как сестра. О чем вы говорите! Я знаю законы вашей касты. Но это просто дар семье!.. – Она чуть лукаво улыбнулась. – Тем более этот человек мне уже заплатил.

Скиф откинул голову и весело расхохотался.

– Я был бы горд считать такую достойную девочку своей названной дочерью, – тепло сказал он. – Но, Ева, законы чести превыше всего. Пусть ты и не нашей касты. Вот.

Он достал что-то из кармана шорт.

– Ой, божечки... – Ева с благоговением держала на ладони бронзовый браслет скифской работы.

С точки зрения ювелирного дела эта вещь практически ничего не стоила. С исторической – просто еще одна находка тех времен. А вот с точки зрения магии... На ладони Евы лежал артефакт огромной силы. В тонкую резьбу по бронзе, в простой растительный орнамент, было вплетено мощнейшее защитное заклинание. Старая школа. Сейчас даже все кованы ведьм Москвы, собравшись вместе со всеми магами-клириками, не смогли бы создать такое.

– Это... бесценно, – прошептала Ева.

– Как и то, что ты сделала для моей семьи, девочка, – серьезно ответил Магнус. – Я Хранитель Равновесия. А ты хранительница моих родных. Живи долго, названная дочь.

Скиф чмокнул ее в лоб, чуть потрепал по плечу и, резко развернувшись, исчез за ближайшим раскидистым кустом оливы. Минутой позже Ева услышала чуть слышный шелест закрывающегося портала. Вампир покинул маленький французский городишко Порте-сюр-Гарон.

Девушка надела браслет, посмотрела, как блестит древний металл в лучах солнца, а потом тоже поспешила по своим делам. Ей надо было успеть положить в банк сто тысяч евро, забрать вещи из отеля и добраться до аэропорта и... что-то еще... Только тут Ева вспомнила, что почти не ела весь день.

Ночь с 30 на 31 августа. Где-то на пути из Франции в Москву

– Я так и не поела, – сообщила Ева Даниилу, усаживаясь на удобное глубокое кресло в салоне первого класса самолета, только что отправившегося из Тулузы в Москву. – Кстати, приятно, что вы вернули себе свой истинный облик.

Теперь напротив нее сидел симпатичный молодой человек явно славянской внешности.

Широкие скулы, темно-русые волосы, спадающие ему на воротник рубашки, резковатые черты лица, глаза поменяли форму, казались крупнее, выразительнее. Только их цвет не изменился. Все тот же карий. Почти черный.

– Я тоже рад вновь стать собой. Ужин принесут через полчаса, – сообщил деловито старший дознаватель. – Если вы не способны говорить на голодный желудок, я смогу смиренно подождать еще немного.

– Будем честными, Дан, – в любимом ироничном тоне заметила любительница приключений. – Смирение не является вашей добродетелью. И я не буду рисковать. Начну рассказ уже сейчас. И с самого главного. Впереди долгий перелет, не хочу, чтобы вы чувствовали себя неуверенно в моем обществе, подозревая меня в каких-то преступлениях.

– Как мило с вашей стороны, Ева, позаботиться обо мне, – усмехнулся он. – И как же вы собираетесь доказывать свою невиновность?

– Исключительно юридически заверенными документами. – Она передала ему через стол договор. – Обратите внимание, все подписи скреплены магией. Я с этим юристом работаю уже лет тридцать. Со своего первого дела. Он не обычный смертный. Маг. Пусть и не из Высших. И в самом договоре записано, что я обязана предоставить заказчику аутентичный гвоздь для распятия, датированный началом нашей эры. Как видите, я этого Георга, не помню фамилии, не обманывала.

– Я потрясен, – серьезно признался дознаватель. – Так вы на самом деле оформляете все свои сделки?

– Естественно, – царственно кинула Ева. – У меня не первый раз попадаетесь сомнительный заказчик. И сразу обратите внимание на второй документ, – еще один файл с бумагами лег на стол. – Свидетельство о передаче артефакта Хранителю Равновесия Магнусу Скифу с условием использования святыни для излечения Марселины до момента передачи вещи в сокровищницу.

– Предусмотрительно, – благожелательно заметил Дан. – Но, Ева, может, вы уже расскажете, как вам удалось проверить все это? И зачем вы взялись вообще за это дело, если понимали, кто заказчик?

– Все это началось две недели назад, – покладисто начала женщина рассказывать. – Я вернулась из отпуска. Я была на раскопках в Финляндии. И Музее Академии помогла, и кое-чем смогла

пополнить личную коллекцию. И по прилете сразу меня встретил этот Георг. Он очень настаивал на сделке, и я быстро согласилась.

– Почему? – Он искренне не мог понять ее мотивов.

– Во-первых, я не раз слышала его имя от своего кузена, – пояснила Ева. – Георг имеет некий криминальный талант. Да и вы сами уже говорили, что он преступник. К тому же... Вот скажите, Дан, зачем совершенно здоровому человеку необходим, причем срочно, артефакт, способный излечить от любой, даже смертельной, болезни?

– Сильное проклятие? – тут же предположил ее собеседник. – Или заболел кто-то из родственников.

– Георг здоров как бык в свои триста с чем-то лет, – возразила Ева. – И у него шикарная коллекция оберегов. Да еще и личный предсказатель, который готов предупредить об опасностях магических атак. Что до семьи... У него лишь один сын, который не разделяет интересов родителя. Мальчик является вервольфом. Живет в клане. С отцом не общается уже лет пятьдесят. Друзей у Георга, к сожалению, нет. С учетом его деятельности вы можете предположить, зачем ему артефакт?

– Шантаж, – коротко решил Дан. – Или вымогательство. Хотя тоже не очень понятно, в чем именно может заключаться план. Кстати, нам несут обед.

Они помолчали, пока стюардесса накрывала стол. По заказу дознавателя им подали черепаховый суп и филе барашка в каком-то сладко-остром соусе.

– Итак, продолжим, – улыбнулась Ева, попробовав суп. – Вкусно. Спасибо за ужин. Георгу нужен был бы такой артефакт только для того, чтобы обменять его на что-то очень ценное. И выменять именно у того могущественного существа, кому артефакт необходим. Мне понадобилось только два часа, чтобы узнать... про Марселину. И тогда я сразу согласилась на сделку.

– Вы, как я понял, хорошо знакомы с Хранителем? – осторожно уточнил Дан.

– Более чем. – Ева чуть улыбнулась. – Он заменил мне отца. А Марси... мы выросли вместе. Они – моя семья. И знаете, что самое мерзкое? Георг прекрасно знал, что Марси моя подруга. Он сказал, что это лишь подстегнет дело. И тогда я решилась отдать ему то, что он просил. То есть гвоздь. А ради Марси найти настоящий артефакт.

– После нашей встречи сегодня, – сказал дознаватель, – я запросил данные о том месте, где, по легендам, лежал артефакт. Понадобился всего час, чтобы узнать историю того монастыря. Главное, самую опасную часть. Монастырь был razoren во время Великой французской революции. И за последние лет сто там бесследно исчезло пять экспедиций. Пять, Ева! Это дорога без возврата!

– Даниил! – Молодая женщина подалась вперед и заговорила быстро и жарко: – Магнусу более трех тысяч лет. Он воин. Всегда! Конечно, он любит своих дочерей. И Марси, и Рону. Но... он верен долгу Хранителя. Он не поддастся бы на вымогательство. И Марси бы погибла. Я пошла бы куда угодно, чтобы ее спасти... – И тут она улыбнулась. – Тем более все было не так страшно, как выглядит со стороны.

– Хорошо. – Дан улыбнулся в ответ. – Хотите, я закажу любой самый редкий деликатес для вас? Только расскажите, как это было!

– Каждое свое дело, – вкрадчиво сказала Ева, – я отмечаю пивом и вареными раками. Только чищеными!

– Все будет, как захотите, – рассмеялся дознаватель.

Он сделал заказ и приготовился слушать.

– Вы правильно заметили, – указала искательница приключений. – Никто оттуда не вернулся. Или... А если они смогли спастись, но иным путем? Я исходила из того, что вход там один, а вот выход... Давайте по порядку. Я собрала все сведения, какие только смогла найти об этом монастыре, поехала искать святыню. Сначала все шло легко, но хлопотно...

Она вспомнила ту ночь в монастыре...

Ева размышляла, что она ненавидит больше: пирамиды Египта или вот эти самые средневековые монастыри. Наверное, все-таки второе. Почему-то монахи оказались хитроумнее древних жрецов – наверное, дело во временной разнице в несколько веков. А еще у этих ребят в рясах явно было больше свободного времени. И они знали, как его потратить с умом и для пользы дела.

Даже сейчас, когда монастырь был заброшен и частично разворован, он все равно производил впечатление. Эти уходящие ввысь колонны, бесконечный, как небо, неф, тонкие элегантные линии, эти потрясающие тонкие стрельчатые арки... все то, чем так любят восхищаться туристы, оставалось здесь. И сейчас, в полумраке, без свечей и позолоты, древняя красота собора потрясала своей величественностью и загадочностью. Вот только это впечатление быстро может испортиться, если прийти сюда с такой же миссией, какая была у Евы. Она с тоской посмотрела на свои руки, поморщилась, вспоминая, в каком состоянии теперь находится ее «выходной» костюм. Идеально черные брюки были измазаны грязью, на коленях явно можно найти несколько мелких дыр. Ева проползала почти весь пол собора в этом забытом богом и людьми монастыре. Конечно, именно так поступали до нее сотни верующих. Так же, как и веков семь назад, Ева на коленях проделала весь путь по холодному и совсем не чистому полу вдоль извивающейся, изломанной линии, которая порой начинала казаться бесконечной. Это был лабиринт. Классический символ тайны и поиска. Века с двенадцатого стали украшать таким странным узором полы соборов. Легенда о страшном Минотавре, его жертвах, прекрасной Ариадне и ее неверном возлюбленном из античного мифа перекочевала в католичество. Проходя лабиринт на полу храма, вернее, проползая его на коленях, молясь всю дорогу, паломники верили, что их души следуют за «путеводной нитью» церкви в походе за отпущением грехов.

Ева проделала этот же путь с иной целью, пусть и тем же способом. В лабиринте прятались символы, получив которые, можно было открыть тайный вход в крипту. Ключ был найден. Это оказались четыре буквы латинского (а как же иначе!) алфавита. Она рассмотрела их в свете фонарика и чуть не рассмеялась. Конечно, в двенадцатом веке такой шифр для многих мог представлять сложность. Но вот в двадцать первом – его мог разгадать любой первокурсник Магической Академии. Эти самые буквы: S, U, E, I – они легко складывались в имя – Iesu. Осталось сообразить, где это применить.

Ева наконец-то распрямилась, посмотрела кругом. Итак... Двенадцатый век, собор, крипта... До десятого века тайные помещения с подобным названием всегда находились под алтарной частью храма. В переводе с греческого это слово означало «нижняя церковь». И там изначально были скрытые молельни – еще во времена гонений на христиан, а чуть позже – усыпальницы выдающихся деятелей церкви или святых. А вот уже после десятого века крипты стали приобретать статус скрытых сокровищниц. Хранили там чаще не золото и бриллианты, а предметы, имеющие мистический смысл, или святыни. Именно такой улов интересовал мага – специалиста по артефактам. То есть как раз Еву. Также девушка знала, что как раз после того самого десятого века крипты стали чаще строить под апсидами или под трансептами. То есть в боковых приделах собора. И?..

Апсида была пристроена с востока от центрального нефа. Ее традиционный полукруглый потолок все еще украшала древняя фреска. Но изображение сильно облупилось, промокло и выпцело. Зато стоящий в этом приделе каменный саркофаг казался не тронутым временем. Ева поспешила к нему. По краю каменного прямоугольника шли полуистертые письмена. Естественно, на латыни. На крышке еще можно было разобрать изображение некоего якобы захороненного тут старца. А вот на западной стороне, той, что была ближе к внешней стене здания, украшенной стрельчатыми окнами, надпись была всего одна. «Ente faciem tuam, Deus meus». Перевод был прост: «Перед ликом твоим, Господи».

Ева чуть нахмурилась. Вот эта задачка сложнее. В целом все понятно. Просто нужно нажать на буквы, которые совпадают с ключом. Но... упоминаются тут эти буквы далеко не один раз. А еще надпись сплошная. Ладно бы как на клавиатуре компьютера: каждая буква на своей клавише. Тогда выбирай самые потертые и жми. А тут просто вырезанная в камне надпись. Сплошная. Что-то не сходится. Ева еще подумала. Перед ликом твоим... А ключ складывается в имя... Еще одна нестыковка.

Девушка решила еще раз осмотреть саркофаг... Ничего выдающегося на нем больше не было. Интересно... А как в принципе может открываться вход в крипту? Предполагается, что тут крышка отъедет? Или боковина отвалится? Ева как-то слабо представляла себе монахов, которые лезут в саркофаг сверху или втискиваются в него сбоку, чтобы попасть к своим сокровищам. Значит, вход не здесь. Вообще, по идее, это должен быть люк. Причем он скрывает довольно обширный лаз...

Ева осмотрела пол. Вот эта плита между стеной и саркофагом отлично подошла бы для такой цели. Вопрос прежний, как ее открыть. Она опять встала на колени, включила фонарь и начала изучать плиту. Ага! Ну конечно! По углам плиты написаны те самые буквы ключа. Однако... а при чем тут подсказка с этой каменной коробки? Перед ликом твоим... А что является ликом Господа? Солнце. А где знак солнца? А нет такого.

Ева опять поднялась. Так. Это восточный придел. Солнце встает на востоке... Значит, первый же луч падает именно на эту плиту через окно. Ага! К великому счастью, тут даже сохранился витраж! Частично... Но главное – его верхняя часть, где хорошо виден такой кругляш прозрачного стекла! Ева представила, как луч солнца проникает через этот кругляш в апсиду и падает... Она провела вдоль вымышленного пути луча фонарем. Ровно к основанию саркофага и падает. Вот и почти детский рисунок солнышка!

Итак, по часовой стрелке... не иначе... нажать на буквы... По углам плиты знаки послушно сдвигались внутрь при нажатии. И потом... Ева удовлетворенно нажала на круг с неровными протуберанцами, нарисованный на полу каким-то древним монахом. Послышался гул, потом щелчок... И плита мягко отъехала куда-то под соседнюю такую же плиту! Вход открыт...

– Так удалось миновать самые простые загадки. – Ева улыбнулась Дану. – Согласитесь, пока ничего опасного нет?

– Скорее, это просто познавательно, – согласился дознаватель. – Вы любите кино? Я вот считаю, это одно из лучших достижений техники. Любимое развлечение смертных.

– Я тоже люблю фильмы. – Ева с удовольствием наблюдала, как перед ней ставят кружку холодного пива и пиалу с чищеными частями вареных раков. – Отлично!

– У вас интересные традиции, – не удержался Дан от иронии. – Так вот, пока ваш рассказ очень напоминает фильм про Индиану Джонса.

– Как и всегда. – Ева кивнула. – Первый этап, когда полагаешься только на интеллект. А вот потом все же приходится применить магию...

И она снова предалась воспоминаниям.

Открыв путь к крипте, Ева окончательно расстроилась. Именно вот за это она не любила монастыри еще больше, чем пирамиды. За темные подвалы, которых девушка всегда очень боялась, и за ужасный запах застарелой пыли и плесени. В пирамидах хотя бы сухо. Там было так темно! Еле видны ступени. Свет фонарика выхватывает лишь серый древний камень. Идти вперед и стараться не думать о возможных ловушках, о том, что сюда, в эту крипту, за последние двести лет уже спускались многие такие же охотники за сокровищами, как она. Не думать, что никто из них не вернулся назад, и, возможно, кто-то из прошлых гостей монастыря нашел вечный покой тут же, на этих ступенях или вот в этом узком коридоре, ведущем... в никуда?

И все же она прошла. И ступени, и коридор. Теперь Ева стояла в небольшом зале с красивыми круглыми сводами и тонкими изящными колоннами. Крипта найдена. Здесь могло бы быть даже уютно. Как-то по-домашнему. Вот небольшой алтарь, вот прекрасное распятие. Кстати, из чистого золота. Перед ним небольшая табуретка с мягкой подушкой, обитой когда-то дорожным алым бархатом. Легко представить себе какого-нибудь пожилого человека в рясе, который припадает на колени на эту подушку, складывает руки на кафедре и молится перед этим распятием. Даже открытая книга еще лежит на кафедре. А с двух сторон от нее – шикарные подсвечники, облепленные серым, уже, наверное, закаменевшим, воском. И, что удивительно, нигде нет ни следа паутины, только тонкий слой пыли.

Ева понимала, что эта милая личная молельня – явно не цель ее поиска. Главное – просто понять, куда двигаться дальше. Девушка осветила все пространство фонарем. Его луч выхватывал резные своды, терялся между колонн. Нет, такой прием ничего не даст. Пора было прибегать к магии. Хотя обычно Ева всегда оттягивала этот момент. Никто не знает, сколько здесь может быть спрятано именно магических ловушек. Малейшая искра сил, и... Лучше было об этом не думать.

Вообще, Ева, как и любой артефактор, обладала некоей способностью интуитивно чувствовать опасность. Правда, речь шла именно об опасности по магической части. Ловушки, чужое влияние, даже присутствие недоброжелательно настроенного мага или представителя любой другой касты волшебного мира, иного существа – все это Ева легко чувствовала заранее. В Академии их учили называть эту способность – «детект». И вот сейчас этот детект молчал. Значит, Еве ничего не грозило. Пока...

Девушка осторожно опустила фонарь, сняла перчатки, вытянула вперед правую руку. Легкое напряжение мысли, простой приказ – и на раскрытой ладони замерцал маленький шарик ее силы. Ева чуть улыбнулась. Ей всегда нравился этот почти детский трюк.

– Лети, малыш, – прошептала она и отпустила шарик в вольное путешествие.

Маленький сгусток силы быстро заметался по зале, начал скакать, прячась за полукруглыми сводами, замелькал между колонн. Он напоминал «ведьмин» клубочек из старых сказок, который многие современные представительницы этой касты использовали и по сей день. За огоньком потянулась тонкая ниточка. Сам шарик мелькал, пока вдруг не исчез где-то за алтарем...

Ева мысленно потянула за нитку, пошла за ней туда, где пропал ее проводник. Ага! Старый, как мир, прием! В одном месте стена крипты чуть зашла за другую, скрывая еще один проем.

Шарик мелькнул последний раз и растаял.

Девушка осмотрела вход. Просто дверной проем. Ева осветила стены рядом с проходом. Вроде бы ничего необычного. Потом она встала прямо напротив и посветила внутрь. Метра два обычного, даже почти чистого каменного пола. Девушка прислушалась к своим ощущениям. Детект все еще спал. Ева шагнула на небольшую ступеньку, зачем-то сделанную при входе. И вздрогнула. Страх моментально заполнил легкие, заставив затаить дыхание, волоски на руках встали дыбом. Ступенька под ее ногами тихо опустилась вниз, почти сровнявшись с полом. И... ничего. Девушка стояла, чуть живая, ожидая смертельных последствий. Но ничего не происходило.

– И что это было? – забыв про осторожность, недовольно спросила Ева вслух.

Конечно, никто ей не ответил. Девушка присела на корточки и стала изучать вдруг пропавшую ступеньку. Ну да. Это просто плита. Которая почему-то опустилась. Почти сровнялась с полом. Почти... Ева нахмурилась. Она еще раз начала изучать стены проема. Справа были какие-то царапины. Мелкие и частые. Вот только они явно нанесены человеческой рукой. Уж больно ровные царапины. Идут параллельно. Ровно горизонтально. И что это?

– Постойте... – Казалось, за разговором дознаватель окончательно расслабился, растерял облик сурового Стража. Он так увлекся приключением, что стал сам искать возможные разгадки. – Вот эти царапины на стене... Почему-то вспоминается детство. Мне исполнилось пять лет. Отец подарил мне первую шпагу... Она была такой длинной и тяжелой! Он тогда сказал, что я быстро до нее дорасту. Отец подвел меня к косяку двери в гостиную и замерил мне рост. Вот! Там с каждым годом появлялись такие же отметки. Ровные и горизонтальные!

– Все верно, – кивнула Ева доброжелательно. – Мама... пока была жива, так же отмечала мой рост... А та ступенька...

– Это весы! – догадался Дан.

– Именно так. – И тут она перестала улыбаться. – В этом основной неприятный момент. Я остановилась в той крипте и долго изучала все имеющиеся у меня бумаги. Это странные записи... Расходы монастыря, закупки и... списки выбывших. Знаете, что странно. Очень часто встречалось упоминание, что настоятелем взят в ученики отрок десяти лет... И спустя пять-шесть лет упоминалось о его смерти. А вот следующего ученика брали в день смерти предыдущего. Это всегда, естественно, были мальчики. И так же всегда – сироты. Понимаете? Дознаватель растерял свой радужный настрой. Он легко сопоставил факты.

– Они убивали детей? – все-таки уточнил он, хмурясь.

– Юношей, – грустно подтвердила Ева. – Эти метки и весы были для каждого нового ученика. Как я понимаю, этого мальчика держали при настоятеле на случай, если монастырь постигнет беда. Отрок тогда должен был бы вынести святыню тайным ходом. Как только он становился выше метра шестидесяти семи и тяжелее семидесяти килограмм... его умерщвляли. Оставить мальчика в живых и просто сделать послушником было нельзя. Он знал тайну. А потому... Они помолчали, каждый по-своему сочувствуя погибшим детям.

– Дальше была лестница, – сухо и чуть устало продолжала Ева. – Простой шифр. Псалом. На латыни. Вообще псалмов много, но почему-то все любят именно этот. «И пойду я дорогой смертной тени, да не убоюсь, ибо ты со мной». Конечно, надо было ступать лишь на те фрагменты ступеней, где было вырезано распятие. Но... Мой детект предупреждал об опасности. К тому же после весов я боялась рисковать. Мой рост всего метр и шестьдесят пять сантиметров, вес – шестьдесят пять. Я просто левитировала вниз. А там... Просто небольшой пятачок. Просто стена и три фигуры в рясах возле нее. Каждая фигура вытянула к стене

иссохшую левую руку. Каждая скрывала некий знак. Следующая подсказка указывала на имя Божие. Но вы же понимаете, Дан, один и тот же ответ здесь не подойдет. В каком имени четыре буквы?

– Их может быть множество, – пожал он плечами. – Вот тетраграмматон, как я помню, имеет около 52 вариантов расшифровки...

Ева рассмеялась.

– Вы уже назвали ответ, – указала она ему. – Тетраграмматон. Это из четырех букв... Это и есть ответ. Я просто выбрала нужный вариант из предложенных мне двадцати двух букв древнееврейского алфавита. Открылся лаз... Как будто специально для меня. Он же и закрылся за моей спиной. – Ева тяжело вздохнула. – Обратно дверь не открывалась. Конечно, можно было ее просто взорвать. Но те фигуры... Это были монахи, Дан. Мертвые, но... Любая попытка выйти, и... Они бы ожили. Все трое. И те, кто ждал меня внутри...

Она оказалась в совершенно круглом помещении. Здесь не было украшений, символов на стенах, только голый камень и шесть фигур монахов все в тех же черных рясах. Еще шесть мертвых. Одно неверное движение, любая ошибка, и... они бы бросились на искательницу приключений. А в середине комнаты стояла небольшая кафедра. На ней в каменном ларце лежал старый ржавый гвоздь.

– Я знала, что это подделка, – рассказывала Ева. – Но очень качественная. Гвоздь датировался тем же периодом. Сыродутный метод изготовления. Мало примесей, значительно меньше коррозии. И он ломкий. Потому тот конец, который вбивали в крест, был согнут. Но это не была реликвия, – она немного помолчала. – Я знала, что могут быть и механические ловушки. Какой-нибудь шип с ядом, уходящая вниз, в пропасть, плита... Я подготовила гвоздь того же веса. Замена прошла удачно. Но... на крышке ларца стояло скромное предупреждение: «Не создавай себе кумира». И я знала, о чем это. Конечно, настоящая святыня пряталась как раз в этой крышке. Просто надо было найти кнопку и открыть тайное отделение. И потом оставалось только уйти из этого проклятого места...

Тогда Ева не стала торопиться вынимать древние удила из тайника. Стоило ей изъять святыню, и мертвые оживут, кинутся на нее. Та стена, через которую женщина проникла внутрь, прочно встала на место. Даже если она взорвет ее, там тоже ожидают стражи тайника. Портал отсюда не выстроишь. Это требует времени, к тому же комната защищена магией. Так что прежде чем забрать то, за чем пришла искательница приключений, нужно было понять, как выбраться.

Ева оглядела комнату более внимательно. Почему фигур шесть? Они не указывают на стороны света, они просто стоят на равном расстоянии друг от друга. Может ли быть второй выход где-то между ними? Женщина прошла по кругу. На голом камне стены не было ни одного знака. Так... А вот на кафедре, в середине комнаты, символов хватало. На каждой грани были разные знаки. С юга – молитва на латыни. Естественно, Pater Noster. С севера красовалось распятие. С восточной стороны было изображение коленопреклоненного монаха. А вот с запада...

– Это была самая хитроумная ловушка. – Было видно, что женщина сильно устала, улыбка у нее получилась бледной. – Шесть фигур. Шестиугольник.

– Звезда Давида? – неуверенно предположил дознаватель.

– Верно. – Она кивнула. – Это два треугольника. И еще один был на кафедре. Абракадабра. Слово, написанное на древнееврейском, в каждой строке отнимается буква. И это один из сильнейших защитных символов! Оставалось лишь сдвинуть кафедру с западной стороны. Я схватила удила, кинула в сумку и прыгнула в люк.

Еве не слишком хотелось описывать эту часть ее приключения. Прямо из люка она попала в некую люльку, которая с бешеной скоростью тут же понеслась куда-то в полной темноте. Евин желудок с трудом пережил эти перегрузки. Она еще старалась сосредоточиться на своем детекте, чтобы не прозевать какую-нибудь опасность. И на самом деле ей крупно повезло, что она не погибла.

– Знаете, Дан, – к этому моменту в своем рассказе искательница приключений закончила ужин, удобно устроилась в мягком кресле с ногами и позволила стюардессе закрыть себя пушистым пледом, – вот есть дар, есть знания. Но этого мало. Нужно чутье, интуиция. Если бы не это... мы бы с вами сейчас не разговаривали. Помните, я описывала вам, что было изображено на каждой из сторон кафедры?

Дознаватель кивнул.

– Колонопоклоненный монах, – продолжила она. – Остальное – символы, тексты. К чему это? Так вот, сама я в тот момент не придавала этой картинке значения. Но когда не-мертвые двинулись ко мне, когда надо было прыгать в люк... Мое сознание само запомнило подсказку. Если бы я села в той люльке, подобрав колени... я была бы мертва. На бешеной скорости это транспортное средство вынесло меня по тоннелю к реке и резко перевернулось, ударившись о камень в конце пути. От такого удара голова сидящего должна была бы резко откинуться назад. Повреждение шеи, удар затылком о край люльки, потеря сознания. Когда человек попал бы в воду, он просто утонул бы. Я стояла на коленях, наклонившись вперед. И это меня спасло. Хотя ночное купание все-таки не доставило мне удовольствия.

– Зато вас явно порадовало, что вы выполнили свой грандиозный план, – чуть иронично отозвался Дан. – Спасли подругу, обманули преступника. И впутали во все это меня.

– Да. – Она почти спала. – Теперь вы сможете арестовать его за вымогательство и мошенничество, когда он придет к Магнусу. Марси будет жить, Хранитель не изменит долгу, а Тайная Стража Москвы заточит Георга в Подземелья. А я...

– А вы просто поспите, Ева. – Дан встал и поправил сползающий плед, укутав ей плечи.

– Спасибо, – сонно поблагодарила искательница приключений. – Рада была новой встрече...

Даниил с удивлением понял, что его собеседница заснула мгновенно. И теперь он просто сидел, смотрел на спящую женщину и думал, насколько он сам счастлив этой новой встрече. Тогда, пять лет назад, на свадьбе своего начальника и друга Михаила Куракина, Главы Тайной Стражи Москвы, Ева произвела на него сильное впечатление. В свои девять лет, а это по меркам Волшебного мира детский возраст, эта женщина уже была живой легендой. Это при том, что удивить мир Избранных хоть чем-то трудно.

Существа, наделенные магией и особыми способностями, всегда жили бок о бок с простыми смертными. Так что Волшебный мир – это не параллельная Вселенная, а цивилизация в цивилизации. Мало того, все эти уникальные создания когда-то были людьми. Представитель любой касты Волшебного мира всегда рождался человеком. И лишь в возрасте семи-восьми лет наступала трансформация, когда «вторая» природа брала свое. Дети резко и неожиданно заболели, недели две сражались с дикими болями неизвестного происхождения. Так проходила инициация. А потом, по выздоровлении, Волшебный мир получал нового обитателя. Представителям каст магов и ведьм везло больше. Болезнь была не столь уж жуткой. Она сопровождалась головными болями, ознобом, высокой температурой, а заодно – всплесками неконтролируемой силы, перемещением предметов, левитацией и прочими феноменальными способностями. А вот детям из каст вервольфов и вампиров везло меньше. Постоянные обращения или резкие всплески голода могли довести до безумия или даже закончиться смертью ребенка. Потому что эти две касты были не так многочисленны. Зато вампиры и оборотни жили намного дольше магов, на целые тысячелетия. Хотя и для первых двух каст среднестатистическое продолжение жизни растягивалось лет на пятьсот.

Дети с магическими способностями могли появиться как в самой обычной семье смертных, так и в результате смешанных браков. Существовали и целые династии исключительно магического происхождения. Удивительно то, что от брака мага с человеком мог родиться, например, оборотень. Или ведьма могла произвести на свет вампира. Будущее ребенка определялось только в период инициации, каким-то неведомым образом организм выбирал себе способности самостоятельно.

Даниил был магом и принадлежал как раз к одной из древнейших династий Волшебного мира. Хотя и в мире людей Нарышкины были знаменитым родом, представители которого жили и трудились на благо России. Не говоря уже о том, что когда-то одна из представительниц фамилии стала матерью первого из Романовых, будущего императора. Ее дочь, сестра Петра Первого, являлась первой в роду обитательницей Волшебного мира нашей страны. Дед Даниила так же самоотверженно трудился для улучшения жизни представителей Волшебного мира. Это при том, что Василий не принадлежал к Высшим. Так называли существ с каким-то ярко выраженным, мощным даром, у кого и магической энергии было больше. Василий Нарышкин был просто магом, но... мечтателем. Он добился порядка в собственной касте, учреждения гильдии магов и создания Высшего магического совета, контролирующего дела касты. Вслед за этим и другие обитатели их мира начали структурировать свои кастовые отношения. Вампиры и оборотни разделились по кланам, которые также управлялись советами. Ведьмы создали Армады, или кованы. Следующим шагом стало создание некоего Волшебного правительства,

где урегулировались межкастовые отношения. И основой всего этого было упорство деда Даниила Нарышкина.

Отец Дана был первым Высшим в роду, но не магом, а вампиром. Он входил в Совет кланов и был правой рукой Главы Тайной Стражи, внутренней полиции Волшебного мира. По стопам отца пошел и сам Даниил. С его редким даром хамелеона он к ста двадцати пяти годам уже стал старшим дознавателем. И другом нынешнего Главы Стражи. Михаил Куракин был Главой всей Стражи России, но чаще его называли Стражем Москвы.

Вспомнив о своем начальнике и друге, Дан опять посмотрел на спящую Еву. Да, эта молодая женщина приходилась Главе кузиной. И в полной мере обладала семейной чертой характера рода Куракиных – склонностью к риску и безрассудной смелостью. И она, как и ее кузен, очень серьезно относилась к понятию «честь». Даниил вспомнил, как пять лет назад, на свадьбе Михаила, Ева очаровала всех, не только преподнесла кузену и его жене подарок – бесценный артефакт, – так еще и поведала прекрасную историю. Ева умела рассказывать. Ее истории были похожи на древние легенды или сказки, и пока она говорила, каждый слушатель полностью окунался в историю, будто бы наяву видел события давних лет.

А еще Ева была дружелюбна. Что так редко можно было встретить в их кругу. Как только эта молодая женщина появилась тогда на свадьбе, к ней тут же поспешили с разных сторон представители всех четырех каст. И вот они уже смеются вместе, говорят, искренне веселятся, забыв все недомолвки и противоречия, всегда сопровождающие кастовые дела. Даниил знал от Михаила, что Ева так же легко общается и со смертными. Ее открытость и искренность привлекали всех. Потому что в Волшебном мире это было необычно. Тут каждый был уникален, каждый был сам за себя или в крайнем случае жил в пределах своего клана или гильдии. Были и те, кто вообще отрицал мир смертных. Ева... Она просто жила и радовалась жизни. А это заразительно и притягательно для тех, кто так не умел или не мог.

В тот вечер пять лет назад Даниил осмелился лишь раз пригласить ее на танец, вырвав из толпы друзей и знакомых. Она ему понравилась. И... тогда ему показалось, что она тоже испытывает к нему симпатию, но... на дальнейшее ему не хватило смелости, о чем Дан часто сожалел. Вторая встреча стала подарком. Вот только и теперь дознаватель не знал, как, не показавшись навязчивым, продолжить знакомство.

1 сентября. Москва, Магическая Академия

Когда две недели назад Ева вернулась с раскопок в Финляндии, ее ждало письмо от ректора Магической Академии Свинельда Варяга. Этот уважаемый всеми вервольф управлял учебным заведением уже более тысячи лет. И то, что он писал ей, еще совсем юной представительнице Гильдии артефакторов, привело Еву в волнение. Когда же в письме оказалось приглашение занять должность профессора по курсу истории артефактов, восторгу молодой женщины не было предела. Она тут же согласилась. И вот сегодня она должна была читать свою первую лекцию.

Ева безумно волновалась. Ее Гильдия была самой малочисленной. А Высших магов в ней было всего трое. Обычно артефакторы становились сотрудниками Музея при Академии или уезжали в бесконечные экспедиции. Некоторые работали над производством артефактов в лабораториях вместе с магами-клириками или с представителями ковеннов. Так что Ева думала, что на ее лекцию соберется от силы десять студентов. А оказалось, ее ждет целый Атриум – самый большой зал в Академии.

По правилам учебного заведения, студенты были вправе самостоятельно выбирать для себя список изучаемых дисциплин. И вот более сотни Избранных выбрало ее!

Она тщательно подготовила свою речь, облачилась в простое льняное белое платье, забрала волосы в высокую строгую прическу. Ева вообще практически никогда не носила украшений, хотя все обитатели Волшебного мира имели склонность к оберегам и талисманам. Сегодня новый профессор позволила себе надеть лишь браслет Скифа и небольшой незаметный кулон, придающий храбрость в правом деле, переданный ей когда-то в наследство от отца.

Она решительно вошла в зал, окинула взглядом переполненный амфитеатр и широко улыбнулась.

– Аве всем! – начала она и подняла руку в древнем римском приветствии гладиаторов.

Зал взорвался смехом, послышались аплодисменты.

– Сегодня ваш первый день учебы в этом году, – продолжала она, когда студенты успокоились. – Наверняка многие мои коллеги сегодня не слишком будут утруждать вас знаниями. Но не я. История артефактов так же длинна и извилиста, как вся история нашей цивилизации. Да и не только Волшебного мира, но и мира людей. Потому у нас мало времени, и начнем сразу с главного. Сегодня я хочу, чтобы мы с вами ответили на вопрос: а что есть артефакт?

Ева окинула аудиторию взглядом. Если в первые минуты зал казался ей одним расплывчатым пятном, то теперь молодой преподаватель различала лица студентов. Вот на первом ряду милая девушка. Светлые волосы забраны в аккуратный «хвост», на носу элегантные очки в тонкой оправе. Девушка делает какие-то пометки в блокноте. А справа парочка веселых оборотней, как всегда с непослушными густыми гривами волос. Одеты они в почти одинаковые футболки, на руках веревочные браслеты с гербом клана на медных бляшках. У двери серьезный юноша в костюмчике. А там, на галерке... Молодой человек в кожаной куртке с металлическими шипами по воротнику, из-под которой видна простая белая футболка. Черные длинные волосы забраны на затылке. Он внимательно следил за Евой темно-кариими глазами...

– Так что же такое артефакт? – еще раз спросила она у зала.

– Предмет, наделенный магической силой, – предположила веснушчатая студентка с копной рыжих кудряшек.

– А чем тогда артефакт отличается от обычного оберега? – тут же лукаво переспросила Ева.

– Ну, – чуть робко отозвался тот самый парнишка в костюме. – Это оберег, который сделал кто-то из Избранных. В древности.

– То есть, – решила уточнить преподаватель, – очень древний оберег?

– Вроде того, – отозвался еще один веселый студент с центра зала.

– Хорошо, – обманчиво покладисто согласилась Ева. – Давайте себе представим Мерлина.

В зале послышались ироничные смешки. Молодая женщина сдержала улыбку. Именно такой реакции она и добивалась.

– Так вот, Мерлин, – продолжила она, – создает некую шляпу для перемещений в пространстве. Или это его шляпа, в которой он часто перемещался. Это артефакт?

Теперь зал не спешил с ответами.

– А почему нет? – поинтересовался с вызовом один из оборотней.

– Потому что Мерлин перемещался и без шляпы, – предложила свой вариант Ева. – Или... у него было серийное производство таких шляп...

В зале засмеялись.

– Даже самый древний оберег не может быть артефактом, – продолжала она рассказывать. – Потому что в оберег вкладывается лишь готовая формула на удачу, здоровье, любовь и прочее. Кончилось действие формулы, и... нет оберега. Мы же с вами подзаряжаем свои талисманы? Несколько студентов серьезно кивнули.

– Что еще можно было бы попробовать назвать артефактом? – вновь спросила Ева.

– Меч Артура! – выкрикнул кто-то задорно.

– Маску Тутанхамона!

– Бриллиант «Орлов»!

– Стоп! – скомандовала Ева. – Теперь вы уже ближе к истине. В первом варианте есть легенда. Во втором реальный исторический факт. В третьем... природная сила. Остается прибавить еще один ингредиент, и мы сможем получить артефакт! Кто рискнет?

На этот раз зал молчал. Но напряжение и некий азарт просто висели в воздухе.

– Попробую немного подсказать, – решила Ева. – Когда Роберт Кольдевей проводил раскопки царского дворца в Вавилоне, в центральной зале стены были выложены из кирпичей с личным клеймом Навуходоносора. Так вот, археологам здорово мешали работать туристы, приезжающие взглянуть на легендарный дворец. Все эти люди хотели видеть, где таинственный перст вывел те самые страшные слова в ночь торжественного пира Валтасара. Знаете эту историю?

– Это из Библии! – донеслось с галерки. Там, рядом с парнем в кожаной куртке, сидела парочка в толстовках и солнцезащитных очках – вампиры.

– Все верно, – благожелательно подтвердила Ева. – По легенде, Вальтасар праздновал с тысячей своих вельмож, когда на стене появились слова: «Мене, мене, текел, упарсин». Считано, считано, взвешено, разделено. В ту же ночь царь погиб. И люди шли увидеть тень той легенды. Кольдевей раздавал им кирпичи с личной печатью совершенно другого исторического персонажа, но они верили, что получили бесценные артефакты, упомянутые в самой Библии. Представим, что тогда археолог раздал 100 кирпичей. Через несколько лет потомки восьмидесяти тех туристов уже знали, что это не часть легенды. А вот 20 семей пронесли веру до наших дней. Скажите, являются ли эти кирпичи теперь артефактами?

Зал задумался. Наконец девушка с первого ряда неуверенно кивнула.

– Конечно, являются, – подтвердила ее догадку преподаватель. – Эти кирпичи получили тот самый очень важный ингредиент. Веру!

Зал возмутился.

– Но эти кирпичи не имеют исторической ценности!

– Это же подделка!

– А где магия?

– Давайте сравнивать с вашими прежними примерами, – предложила им Ева. – Этот кирпич материален. Как и алмаз «Орлов». Это раз. Он имеет историю, как и маска Тутанхамона. Навуходоносор тоже был не последним человеком. Это два. Кольдевей снабдил кирпич легендой, привязал к культу. Есть легенда и о мече Артура. Это три. И самое главное, у хранителей этой вещи есть вера в чудодейственность этого артефакта. Это – самое главное, четвертое условие.

Некоторое время аудитория молчала.

– Но... – засомневался вдруг юноша в костюме. – Это же просто камень...

– И что? – усмехнулась Ева. – Возможно, вы слышали легенду о мече в камне? Это не про Артура. Когда-то скифы поклонялись своему богу войны. Они не строили храмов. Они просто втыкали оружие в землю и молились. Однажды очень сильный воин под влиянием своей фанатичной веры вогнал меч в камень. Бог, видя силу его веры, снизошел в этот алтарь. Кусок того камня хранится в сокровищнице Равновесия. И поверьте, это просто грубый кусок базальта. Артефакт не обязательно должен иметь, скажем так, ювелирную ценность. Тем более что эта ценность веками меняется.

– Но до того камня дотронулся Бог! – возразили с галерки.

– Верно. – Преподаватель явно выглядела довольной. – Так мы с вами можем составить классификацию артефактов. Есть вещи, которых касалось божество. К ним чаще всего относятся святыни. Например, – она не удержалась от лукавой улыбки, – гвозди с Креста, которыми был распят Христос. Вторая категория – магические артефакты. Тут все понятно. Это вещи, созданные великими Высшими. Третья категория – сильнейшие обереги. Вот к ним относим наши кирпичи. Вера в их силу вела целые поколения, даруя семьям благополучие. Отдельно можем выделить манускрипты и книги, рассматриваемые как артефакт. Книга Мертвых, свитки библиотеки Ивана Грозного и прочее. И есть еще одна, самая интересная категория – артефакты, созданные силой чувств или страстей. Проклятые алмазы, подарки царей, подарки любви.

Ева видела, что аудитория озадачена.

– Что ж, – она опять улыбнулась, – еще одна история. Пять лет назад мой любимый кузен, Глава Стражи, наконец-то женился. Их история любви с будущей женой была очень романтична. И по этому случаю я привезла им в подарок артефакты. Конечно, это было нечто, связанное с историей настоящей любви. Вы знакомы с такими историями?

И вновь аудитория задумалась.

– Ромео и Джульетта? – неуверенно спросила девушка из центра зала, встряхнув гривой черных длинных волос.

– И что это могло бы быть? – Ева не удержалась от иронии. – Пузырек из-под яда и кинжал? Это не настоящая история. А только литературный сюжет.

– Тогда Артур и Гвиневра, – более уверенно выдал второй из молодых оборотней, сидящих справа.

– Насколько я помню эту легенду, – преподаватель прогуливалась вдоль кафедры, – фея Моргана подарила своему брату на свадьбу кольца. В целом почти как я. Вот только... Там была одна оговорка. Моргана сказала, что от целостности брака, скрепленного кольцами, будет

зависеть и целостность государства Артура. И, как мы все знаем, Гвиневера изменила мужу, а Камелот чуть не пал. Вам не кажется, что такой подарок моему кузену был бы опасен не только для его семьи, но и для Волшебного мира в целом? Я люблю брата и хорошо отношусь к его жене. Не самый хороший вариант. Еще истории?

Зал молчал.

– Ладно, – сдалась Ева. – Это история короля Англии Генриха Третьего и его жены Элеоноры Прованской. Он любил ее так, что положил страну к ногам жены. Она в ответ подарила ему великое прошлое. Как раз ту самую легенду. Именно с ее легкой руки короли Англии якобы вели свою родословную как раз от Артура. Это пример одного из самых счастливых браков по любви. И, да, я принесла кузену и его жене кольца короля и королевы. Артефакт верности. Было видно, что эта история произвела на студентов сильное впечатление. Несколько девушек мечтательно вздохнули, парни немного смутились.

– И кстати, это были довольно простые кольца из серебра, – весело дополнила Ева. – Теперь мы с вами перейдем к темам наших следующих лекций. Мы начнем изучать артефакты, естественно, с начала цивилизации. С истории Междуречья и Египта. Заодно понемногу будем учиться определять, как отличить подделки от реальных артефактов, зная верный состав камня или металла, из которого делали вещи в те времена. Поверьте, вы будете здорово удивлены. А на сегодня достаточно. И спасибо вам всем за внимание к моей лекции.

Студенты стали подниматься с мест, и по залу пронеслись аплодисменты. Ева чуть шутливо раскланялась, стараясь скрыть, как ей приятна такая реакция ее учеников. Она была счастлива и смущена.

Зал понемногу опустел. И только на последнем ряду все еще сидел тот странный молодой человек в кожаной куртке.

– Рада снова вас видеть, Даниил, – послав ему веселую улыбку, произнесла Ева. – Сегодня у вас необычный облик.

– И мой маскарад опять оказался лишним, – заметил дознаватель, поднявшись с места и шагая по проходу ближе к ней. – Но я не смог удержаться от искушения побывать на вашей лекции. И я искренне впечатлен.

– Спасибо. – Она почувствовала, что смущается и щеки ее розовеют. – Это честь для меня.

– Это честь для меня прежде всего. Как и для многих присутствовавших сегодня здесь. – Дан чуть поклонился. – Студенты вами явно очарованы. А я... У меня ведь есть дело к вам, Ева. И даже еще не изложив его, я уже получил помощь, просто выслушав ваш рассказ.

– Дело? – молодая женщина удивилась.

– Видите ли, – дознаватель стал серьезен, – я лично и мой начальник, ваш любимый кузен...

Мы оба просим вас помочь нам в одном расследовании. Не могли бы вы на время стать консультантом Стражи Москвы?

– Вы серьезно? – Таких новостей Ева не ожидала.

– Более чем. – Дан явно не знал, как правильно себя вести в такой ситуации. – Кузен ваш, правда, уже подписал некий указ о вашем назначении... И сумму гонорара за помощь.

– Гонорара? – к удивлению дознавателя, молодая женщина явно разозлилась. – Даниил! Вы видели, какую сумму я получила за последний заказ? Неужели вы думаете, что я нуждаюсь в деньгах! Если Михаилу, да и вам, нужна помощь, можно просто сказать!

– Он не хотел вас обижать, – совсем смутился Дан. – Это... указ должен помочь. Чтобы вы могли присутствовать в местах, где ведется расследование. Вы же знаете, пропуск может быть ограничен. А гонорар... Михаил рассудил, что любая работа должна быть оплачена. Ведь помощь нам может отвлечь вас от ваших дел и... заказов.

– Ну, спорить с кузеном бессмысленно, – подумав, сказала она уже спокойно. – Так что... будем считать, что я согласна на вашу вакансию. А на зарплату куплю себе булавки. Хотелось бы только знать, чем я могу помочь.

– Я готов рассказать, – поспешил воспользоваться ее согласием дознаватель. – Только можно не здесь? Все-таки расследование...

– Тогда пригласите меня на поздний завтрак, – решила Ева. – Кажется, я проголодалась.

Они устроились в кафе недалеко от площади Маяковского. Ева с искренним удовольствием смотрела на горячие блинчики на своей тарелке, вдыхала аромат клубничного варенья и кофе.

– У вас по-настоящему счастливый вид, – заметил Даниил. Он вернулся в свой обычный облик, что явно понравилось его спутнице. – И вообще, у нас с вами складываются какие-то странные, гастрономические, отношения.

– Это честные отношения, – отозвалась она, приступая к еде. – С вас еда, с меня истории. И кстати, мне очень хочется узнать, о чем я буду рассказывать вам сегодня.

– Когда я стану очень старым, – Даниил сегодня тоже пребывал в отличном настроении и не спешил переходить к делам, – я напишу книгу. Назову банально. Тысяча и одно блюдо. И там будут все ваши истории.

– К тому времени я стану... безразмерной, – подумав, решила Ева. – Тысяча – это все-таки слишком много. Так что там за дело?

– Сначала хотел бы сообщить вам отличные новости. – Дознатель не спешил. – Хотя вы наверняка уже в курсе таковых. Но все же: Георг схвачен при попытке шантажа Хранителя Равновесия Магнуса.

– Я так и поняла. – Девушка кивнула, чуть улыбнулась. – Мне сегодня пришло послание от Скифа с просьбой посетить его жилище, приглашение на семейный обед.

– Вот и отлично. Это было благородное дело. А вот новое... – Дан немного замялся. – Вы слышали что-нибудь о кольцах Пушкина?

Ева перестала жевать, и все радостное настроение тут же улетучилось.

– Даниил, – тон у нее был сухим и явно недовольным, – вы взрослый и умный человек. Кольца Пушкина – это просто дурная шутка!

– Почему? – Дознатель остался невозмутим.

– Как это почему? – Искательница приключений отложила приборы и взмахнула руками. – Это же даже не миф! Это... газетная утка!

– Только за эту утку убивают, – сообщил ей Дан.

– Что?! – Ева была потрясена. – Вы уверены? Чтобы из-за этого... О Боже!

Она явно старалась взять себя в руки и как-то поверить в происходящее.

– Даниил, – чуть собравшись, вновь начала она. – Я понимаю, вы расследуете убийство, но... тут какое-то недоразумение. Никто в здравом уме и твердой памяти не будет убивать из-за якобы магических колец Пушкина! В конце концов, они таковыми не являлись!

– Во-первых, – он заставил себя чуть улыбнуться, – прошу вас называть меня Дан. Во-вторых, ни я, ни кто-либо другой не может быть уверен, что убийца находится в здравом уме и твердой памяти. И в-третьих, вы забываете, дорогая, артефакт должен обладать одним важным ингредиентом. В его чудодейственную силу должны верить.

– Думаете, поймали, да? – почти по-детски обиделась она. – Артефакт должен обладать данным ингредиентом. Но только тогда, когда эта сила есть на самом деле. В кольцах Пушкина этого нет. Вернее, сейчас стало модно считать, что семь его колец должны принести владельцу бессмертие и сделать его королем мира. Вот только... Никто, вообще, не забыл, что поэт погиб на дуэли?

– И все же кому-то эти кольца нужны, – со вздохом напомнил дознаватель. – Можете как-то рассказать мне об этих кольцах подробнее?

– Хорошо, – согласилась Ева. – Считается, у Александра Сергеевича было семь колец. Каждое из них он рассматривал в качестве некоего оберега. Собрав их вместе, можно было бы получить якобы бессмертие. Ему самому это не удалось. Теперь давайте рассмотрим эти кольца. Во-первых, поэт никогда не обладал всеми семью вместе. Или не носил их одновременно. Первое его кольцо – это небольшой перстень с сердоликом. Он был сделан для Пушкина его друзьями, которые входили в полумасонское общество «Зеленая лампа».

– Декабристы? – чуть хмурясь, переспросил Дан.

– Некоторые из членов клуба потом стали декабристами, – уточнила Ева. – Но «Зеленая лампа» – это скорее кружок по интересам. Творчество, мистика и немного знаний. Вы же знаете, многие смертные, сталкиваясь с каким-то проявлением нашего мира, начинают увлекаться всем необычным. К тому же в те времена в декабристском движении участвовали несколько десятков Избранных и даже кое-кто из Высших. Но вернемся к Пушкину. На этом кольце был вырезан треножник Пифийского оракула. Якобы это кольцо усиливало дар провидения.

– Это может быть правдой? – тут же поинтересовался Даниил.

– Возможно, – пожала плечами искательница приключений. – Все-таки в состав «Зеленой лампы» входили и Избранные. И в том кружке баловались разными вещами. Кольцо могло иметь силу. Но не для поэта.

– Зато оно подошло бы кому-то из магов или ведьм, – заметил дознаватель. – Не из Высших. Если дар уже есть, почему себе не помочь?

– В целом, да, – подумав, согласилась Ева. – Особенно, если верить в силу кольца.

– Что стало с этим кольцом? – тут же спросил он.

– Не знаю, – искренне ответила ему артефактор. – Понятно, что после 1825 года Пушкин это кольцо не носил. По идее оно должно было остаться в семье.

– Придется это проверить, – тяжело вздохнул Дан и записал напоминание себе в смартфон. – Что дальше?

– Обручальное кольцо, – продолжила рассказ Ева. – 1831 год. Известно, что во время церемонии кольцо упало на пол. Это считается плохой приметой. А потому Пушкин почти не носил его. И никакой легенды нет. Кольцо похоронено вместе с поэтом.

– Уже проще, – усмехнулся Дан.

– Следующее кольцо вообще мифическое, – продолжила рассказ искательница приключений. – В 1827 году якобы его подарила поэту Анна Керн. Проблема в том, что об этом кольце вообще ничего не известно. Якобы она прислала его Пушкину в знак благодарности за посвященные ей стихи. А он в ответ отправил ей кольцо с тремя бриллиантами.

– Ого! – искренне удивился дознаватель. – Я слышал, Пушкин был довольно бедным человеком... Откуда бриллианты?

– Не было их, – отмахнулась Ева. – Да, мода на алмазы приходит в Россию в начале девятнадцатого века. Но уже тогда это было слишком дорогое удовольствие. Семья Пушкиных была очень бедна. Съемные квартиры в нищем квартале, постоянные долги. Он нормально жил, по-моему, только в ссылках. Тут на бриллианты денег нет. К тому же у Пушкина не было вообще никаких причин посылать Керн подарки. Не было романа, не было и посвящений. Знаменитое «Я помню чудное мгновенье» – это не к ней. Керн должна была передать стихи одной из кузин Вульфов, но... Это уже позднее выдуманные истории, возникшие вокруг личности поэта. Думаю, кольца, якобы подаренного Пушкину Анной Керн, не существовало.

– Одного кольца не было, другое он не носил, третье прятал, – перечислил Дан. – Сомнительные артефакты бессмертия.

– Более чем, – согласилась Ева. – Пойдем дальше. У Пушкина было еще одно кольцо с сердоликом. Он всегда выбирал для себя этот камень. На золотом перстне вырезаны на камне амуры в ладье. Сам поэт считал, что перстень помогает в любви.

– Вот это уже хоть на что-то похоже, – обрадовался дознаватель. – Наш поэт был влюбчив, если не выразиться более цинично. Что-то же женщины в нем находили. Любовный амулет – это уже по нашей части.

– Только в 1820 году Пушкин отдал этот самый амулет как приз в шуточной лотерее, – не скрывая иронии, возразила Ева. – И выиграла его девица Раевская. Что же... В любви ей повезло. Она стала княгиней Волконской. И спустя пять лет после той лотереи уезжает вслед за мужем в ссылку в Сибирь.

– Сомнительное романтическое счастье, – помрачнел Дан.

– Отчего же, – искательница приключений пожала плечами. – Кольцо любви выполнило свое дело. Она была верной женой, да и муж любил ее до самой смерти. Кстати, это кольцо потомки ссыльного князя передали в фонд Пушкинского Дома в 1915 году. Хоть одно из колец Пушкина сохранилось до наших дней. Это второе кольцо из сердолика. Было и третье. Это самая интересная, но в то же время и анекдотичная история.

– В целом картина выглядит уже и так не слишком правдоподобной, – заметил дознаватель. – Вы, конечно, были правы, Ева. Ни о какой силе бессмертия семи колец поэта разговора быть не может. Но... дело это уже стоило одной смерти. Так что...

– Осталось еще три кольца, – напомнила его собеседница. – Амулет любви – это уже хоть что-то. Третий перстень с сердоликом тоже представляет интерес. Его подарила Пушкину Воронцова. С 1824 по 1827 год тянулся их тайный роман. Кстати, поэт был сослан в Михайловское именно за пылкие чувства к этой даме, она являлась женой его начальника.

– Скандальная история. – Дан поморщился. Он не переносил вот таких тем. Они не только казались дознавателю пошлыми, но и противоречили его чувству морали.

– Более чем скандальная. – По тону Евы было понятно, что она искренне разделяет его мнение на этот счет. – Кольца с сердоликом были парными. И ими влюбленные запечатывали письма друг к другу. Это, конечно, романтично, но... Такое чувство, что именно благодаря таким печатям переписка как бы выставлялась напоказ. Но не это важно. Кольцо Воронцовой Пушкин носил до самой своей смерти. Он считал его амулетом против предательства. На камне восьмиугольной формы были выгравированы виноградные лозы и некая надпись на иврите, которую Пушкин наивно считал каббалистическими знаками.

– Наивно считал? – переспросил Дан. – То есть на самом деле это не так?

– В том и состоит анекдотичность ситуации, – улыбнулась женщина. – Эта надпись гласит: «Симха, сын почетного Рабби Иосифа, да будет благословенна его память». Это погребально-поминальное кольцо. И кстати, у Воронцовой на ее перстне была похожая, но не идентичная надпись. В первой половине девятнадцатого века в Крыму и Одессе турки продавали множество таких колец. Это своего рода сувениры того времени. Вроде «глаза Фатимы» в браслетах сейчас. Опять же реального мистического предназначения у этого кольца не было. Его придумал и вложил в эту вещь сам поэт. Однако легенда прижилась.

– То есть? Это все-таки вещь с тем самым четвертым ингредиентом? – заинтересовался Дан.

– Вроде того, – подтвердила Ева. – По завещанию Пушкина кольцо было передано Жуковскому. Тот, в свою очередь, передал его Тургеневу. Далее кольцо должно было оказаться у Толстого, как у лучшего литератора своего времени. Но Полина Виардо после смерти Тургенева решила иначе. Кольцо было передано ею в музей Александровского лицея. Откуда в 1917 году оно было похищено.

– То есть есть шанс, что сейчас оно недоступно, – посчитал дознаватель. – Или?..

– Как знать, – поняв его намек, вновь пожала плечами Ева. – Там крайне странная была кража. Некий лицейский служащий, дядька, украл несколько вещей, принадлежавших поэту. Вернули все, кроме кольца. Люди живут недолго, Дан. А вот Избранные... Если предположить, что кто-то начал собирать кольца еще тогда, то... можно и задуматься на эту тему.

– А последние два кольца? – после некоторого раздумья спросил он.

– Было кольцо, которое должно уберечь хозяина от ран и смертельной опасности, – продолжала искательница приключений. – Самое дорогое. Серебро с бирюзой.

– Дорогое? – удивился дознаватель.

– По меркам того времени – да, – кивнула Ева. – Это мы с вами живем в золотой век. А посмотрите на наших более взрослых близких или коллег. Многие ли маги носят золотые украшения?

– Удивительно, – подумав, признал Дан. – Я как-то раньше и не задумывался об этом. Но вы правы, Ева. Маги предпочитают серебро. Но это может быть данью традиции. Все-таки лунный металл, всегда связанный с магией.

– В случае с Избранными это верно, – согласилась его собеседница. – Но дело еще и в простой привычке. Каким всегда был рубль?

– Серебряным? – уже зная, что ответ верен, переспросил Дан.

– Конечно. – Ева благожелательно улыбнулась. – До второй половины девятнадцатого века золото вообще было не в цене. Да и качество у этого металла, прямо скажем, было крайне низким. Знаете, что такое на самом деле легендарное червонное золото?

– Я даже боюсь спросить, оно же реально-то существовало? – засомневался дознаватель. – Или это тоже миф?

– Еще как существовало. – Этот вопрос Еву рассмешил. – Просто до чистого металла там ох как далеко! Золота пятьдесят процентов и столько же меди. Только во второй половине века появилось так называемое купеческое, или розовое, золото. Там меди всего 25 процентов.

– То есть остальные кольца Пушкина не только не имеют магических свойств, – подытожил Дан, – так еще и просто дешевка?

– В целом, да, – кивнула девушка. – Кроме двух последних. Итак, одно серебряное с бирюзой. Оберег от ран и смерти. В день дуэли, согласно... легенде, – тут она усмехнулась. – В день дуэли именно это кольцо Пушкин подарил своему секунданту Данзасу. А тот потерял кольцо спустя лет десять, уронив амулет в сугроб.

– Я уже вообще ничего не понимаю! – как-то по-детски возмутился Дан. – В этом мифе о кольцах бессмертия есть хоть одна логичная и не смехотворная история? Как можно отдать амулет от смерти секунданту в день дуэли?

– Непонятно, как, – улыбнулась Ева. – Могу предположить, что, возможно, Пушкин просто был должником Данзаса. И он вернул долг, подарив единственную более-менее ценную вещь. Или... это была наивная попытка защитить друга. Видите ли, секунданту на дуэли в те времена, согласно царскому указу, грозило повешенье. Такое наказание грозило и Данзасу. Однако вместо смерти он был приговорен всего к двум месяцам заключения в Петропавловской крепости.

– Ну, в каком-то смысле амулет сработал, – чуть усмехнулся дознаватель. – Даже жаль, что Данзас умудрился его потерять. Хотя для нашей истории потеря кольца в каком-то смысле плюс. Ну, и что с последним?

– Золотой перстень с изумрудом, – задорно принялась описывать украшение Ева. – И это не дешевка. Перстень имеет длинную настоящую историю и еще более длинную – легендарную.

– Похоже, напоследок вы оставили самое интересное. – Дан слушал с удовольствием и даже каким-то азартом. – Начнем с вопроса ценности. Оно было по-настоящему дорогим?

– Да, – подтвердила девушка. – Золото в нем наиболее чистое. А изумруд... Этот драгоценный камень всегда имел высокую стоимость. Первые месторождения изумрудов были в Колумбии. Удивительный цвет камня сразу повысил ему цену. Плюс к тому это самый хрупкий из драгоценных камней, а потому практически не поддается обработке и огранке. Трещины и шероховатости резко снижают цену. Но главное – цвет! Кстати, самыми яркими изумрудами являются наши, российские. Мариинские изумруды с уральского месторождения. А открыто оно было как раз в начале девятнадцатого века. Но перстень Пушкина древнее.

– И откуда у него этот перстень? – удивился дознаватель. – Поэт был нищим!

– Он – да, – подтвердила Ева. – Украшение ему подарил его дядя Василий Львович Пушкин перед отправкой племянника в ссылку в Бессарабию. Это была семейная реликвия. Перстень принадлежал дочери Бориса Годунова, до нее якобы Ивану Третьему. Позже кольцо было подарено Абраму Ганнибалу царем Петром Первым. Так реликвия осталась в семье Пушкиных. Это единственная дорогая вещь поэта, с которой он не расстался до самой смерти.

– А легенда о кольце? – напомнил Дан.

– Их несколько. – Теперь в тоне Евы звучала ирония. Все-таки она была серьезным ученым, не верила в сказки. – По одной версии в камень был вставлен изумруд из ожерелья Марии-Антуанетты. Камень с проклятием. Но это вряд ли. Вторая легенда еще более смехотворна: будто это камень из перстня царя Соломона. Это связано с тем, что изумруд всегда славился как камень мудрецов. Ну, и последняя легенда, что это – перстень Поликрата.

– Это же вроде бы некий тиран, – вспомнил дознаватель. – Из античных времен?

– Все верно, – кивнула рассказчица. – Он известен своей удивительной удачливостью, причиной которой как раз и было некое кольцо. Вот только оно обладало одной страшной тайной. Чем больше достижения владельца кольца, тем страшнее будет его конец. Поликрат пытался избавиться от перстня и выбросил его в море. Однако от проклятой вещи не так-то легко избавиться. В тот же день ему подали на ужин рыбу, внутри которой Поликрат с ужасом нашел свое кольцо. Проклятие свершилось, он умер страшной смертью. Но естественно, к Пушкину это не имеет никакого отношения.

– Но легенда интересная, – заметил Дан. – За таким кольцом следовало охотиться.

– Еще как! – согласилась Ева. – Кольцо якобы помогало в творчестве. Хотя, возможно, это и правда. Пушкин на смертном одре передал перстень Далю. Как раз после этого тот и составил свой знаменитый словарь. Сохранились письма лингвиста, где он подтверждает свою веру в силу кольца. После смерти Даля его дочь передала кольцо светлейшему князю Константину Константиновичу. И оно должно быть где-то в архивах РАН.

– Ага! – обрадовался дознаватель. – Все семь колец разобраны. Итак, что мы имеем на выходе? Обручальное похоронено вместе с поэтом, перстень от смертельных ран утерян, амулет от предательства украден. Еще одного вообще не существует. Остались кольца из «Зеленой лампы», амулет любви и перстень с изумрудом.

– Любовь, творчество и предвидение, – перечислила Ева значения перстней. – По-моему, даже если собрать все три, о бессмертии ничего не говорит.

– Если уж рассматривать картину в полном объеме, – добавил серьезно Дан, – еще амулет от предательства. Украденное кольцо Воронцовой. 1917 год был не так давно по меркам Волшебного мира.

– Тогда давайте подумаем, на что это будет похоже, если объединить эти кольца? – предложила девушка.

– Все-таки однозначно не бессмертие, – решил Дан. – Скорее успех?

– Или удача, – рассудила Ева. – Вопрос в том, какое кольцо украли сейчас. И кто жертвы.

– Преступник все рассчитал верно, – дознаватель нахмурился. – Или знал то, что вы мне сейчас рассказали. Он посетил РАН.

– Значит, похищено кольцо с изумрудом, – рассудила Ева, голос ее стал деловым и немного суховатым. – Кто погиб?

– Племянник светлейшего князя, – понизив голос, сообщил Дан. – Николай. Он... сын князя императорской крови Романа.

– Ник? – Маг-артефактор явно расстроилась. – Я хорошо его знала. Какая потеря. Он был очень неплохим ученым. Артефактор, имел уникальный дар распознавания магических рукописей...

– Сожалею, – искренне посочувствовал ее собеседник. – И... я хотел просить вас, Ева, отправиться со мной в Петербург. Теперь, как получается, в память о друге. А еще... Потому что... кольцо не украдено.

Ее удивление было дознавателю приятно. Эта женщина знала многое, была очень сметлива, легко анализировала ситуацию. Хотя в чем-то поставить ее в тупик, пусть и временно, было приятно. Даже несмотря на то, что им пришлось столкнуться с таким неприятным делом.

– Мы можем выехать через два часа, – заявила она.

– Вам столько времени понадобится на сборы? – теперь удивился он сам. – Мы же буквально на пару дней!

– Нет. – Ева позволила себе лукаво улыбнуться. – Я готова ехать уже сейчас. Просто я обещала встретиться сегодня с Ли. Я привезла ей кое-что из Франции, и это необходимо передать ей. Простите, но это скоропортящийся товар.

– Хорошо. – Он встал из-за стола, оставил возле пустой тарелки деньги за их поздний завтрак. – Надеюсь, в этой посылке ничего противозаконного?

Ева рассмеялась и покачала головой.

1 сентября, 14.00. Усадьба Ляхово, недалеко от Москвы

В гости к знаменитой подруге Евы они перенеслись порталом. Избранные почему-то не любили автотранспорт. Встретить мага за рулем практически нереально. В крайнем случае представители этой касты пользуются такси. Вампиры и вервольфы в силу некоторых особенностей своих способностей вообще редко перемещаются по городу даже пешком. Ведьмы традиционнo предпочитают полеты на метлах или других подручных средствах из домашней утвари.

Порталы открываются легко, переходы по ним не требуют больших энергетических затрат. Только расстояния, которые можно покрыть таким способом перемещения, не столь велики. Да и долго находиться в межпространственном тоннеле тяжело. Там холодно, да и давление явно больше обычного. Физически Избранные в чем-то сильнее людей, но все равно переносить перегрузки долго не в состоянии.

Портал Евы еще мерцал голубоватым светом, когда они с Даном выскочили из него в Подмоскowie. Девушку слегка качнуло, дознаватель подхватил ее под руку. Ева поежилась, прогоняя остатки холода, а потусторонний ветер сильно растрепал ее прическу. Дан посмотрел на нее с тревогой, но она чуть устало улыбнулась в ответ.

– Ничего страшного, – успокоила она своего спутника. – Просто сегодня вторые сутки после нашего перелета из Франции. У меня еще акклиматизация.

– Нужно было доверить мне открытие портала, – с упреком сказал Дан в ответ, продолжая поддерживать ее.

– А вы знали, где искать Ли? – Ее голос стал немного насмешливым.

Дознаватель лишь пожал плечами.

Они пошли по дорожке, которая спускалась с небольшого холма. Места здесь были просто удивительно красивые. С одной стороны тихо текла река, окаймленная зеленью берегов, с другой – шуршали начинающей желтеть листвою рябины и березы.

– А собственно, где мы? – спросил Дан, оглядываясь по сторонам.

– В Подмоскovie, – объяснила Ева. – Сейчас вот за тем поворотом уже будет вход в усадьбу.

– Ваша подруга, глава одного из ковенов Москвы, живет здесь? – удивился дознаватель.

– Вообще, для ведьм это более чем нормально, – стала объяснять девушка. – Это часть их дара. Ведьмы всегда связаны с природой. Им необходимы земля, цветы, свежий воздух. С последним в Москве особенный дефицит.

– Но тут так безлюдно. – Дан чувствовал себя немного неуютно. Он, как боевой маг, привык к действиям, шуму, движению.

– И в этом есть свой плюс. – Ева, наоборот, явно наслаждалась спокойствием и сельским пейзажем. – Кстати, вот и ворота, а там, смотрите, вполне себе такая немаленькая деревня. И очень даже современная.

Вдали виднелись как традиционные деревенские дома, так и новенькие коттеджи.

– Надеюсь, ваша Ли не ввела здесь обратно крепостное право, – не удержался от усмешки дознаватель. И тут же пораженно затих, когда они миновали ворота.

Для обычных смертных дом ведьмы Ли представлялся старым заброшенным особняком, обнесенным зачем-то полуразвалившимся каменным забором. Естественно, это считалось гиблым местом, а потому местные на территорию имения не заходили. Избранные, миновав хлипкие с виду ворота, а заодно и защитный кокон иллюзий, наведенных хозяйкой дома, попадали на широкую липовую аллею, ведущую к шикарному особняку.

Сам дом был небольшим и, что редко можно встретить, деревянным. Однако центральный вход украшал традиционный портик с колоннами. А за портиком хорошо был виден купол, небольшой, но широкий. Центральная часть здания была чуть выше двух симметричных крыльев. Выкрашено здание было в тот же самый традиционный бледно-желтый цвет, какой любили выбирать помещики позапрошлого века. Перед зданием располагался обязательный английский газон с выстриженными круглыми кустами в белых огромных вазонах.

– Потрясающе! – с искренним восторгом оценил Дан. – А это что?

Справа от входа, где, по идее, должен был быть гараж, на ровном, засыпанном гравием пяталке стоял самолет. Самый настоящий «У-2». Вычищенный, ухоженный и даже с рядом звездочек на борту.

– Это наш боевой друг, – любовно произнесла Ева. – Мы на нем летали в войну.

– В войну? – Потрясенный дознаватель смотрел на девушку с тревогой.

– Дан, – она мягко, но грустно улыбнулась, – мы все прошли Великую Отечественную. И все это помним. Вот на этой этажерке мы каждую ночь с Ли поднимались в небо.

– «Ночные ласточки»... – Теперь в его глазах было заметно настоящее восхищение. – Легенда!

– Или «ночные ведьмы», – сухо напомнила она другое название. – И это правда на семьдесят процентов. Там было мало смертных.

Он промолчал, видя, каким стало ее настроение. О женском летном отряде в России знают почти все. Это настоящая легенда о самых смелых девушках, которых фашисты боялись и ненавидели, как никого другого. Дан знал, как погибали многие из этих героинь, в огне, падая с неба, или... от пыток в руках фашистов. Страшная это была легенда.

– Ладно. – Ева прошла мимо самолета, чуть проведя рукой по крылу, потом повернула обратно к центральному входу. – Нас ждут.

Внутри дом потрясал. Широкий холл, белая мраморная лестница с резными перилами, а главное – падающий сверху свет. Под куполом был сделан барабан из небольших окон, и холл напоминал залу какого-нибудь храма. Здесь было так же свободно и торжественно.

– Ева! – По лестнице им навстречу сбежала девушка. Она явно была ровесницей мага-артефактора. Худенькая, длинноногая, с круглым лицом, большими зелеными глазами и копной иссиня-черных волос. – Ты с клиентом или другом? Как приятно! Какой сюрприз...

И тут взгляд хозяйки усадьбы упал на шнурковый браслет на руке Дана. Все в Волшебном мире знали, что это не только отличительный знак Стражи, но еще и мощное оружие. Под каждым узлом было спрятано заклятие.

– Стража... – В глазах ведьмы тут же появилась тревога. – Что-то случилось? Ева? Ты...

– Все нормально, Ли, – улыбнулась ее подруга и сделала примирительный жест. – Это друг. И еще на ближайшие несколько дней мой напарник.

– Что? – Ли по-кошачьи склонила голову набок, осматривая дознавателя с новым интересом. – Напарник? И когда только ты все успеваешь? Поездка, лекции, новое дело. Ты обязана все мне рассказать!

– Для начала я вас представлю, – предложила Ева. – Знакомься, Ли. Это старший дознаватель Тайной Стражи, правая рука и друг моего кузена Михаила, Даниил Нарышкин. Дан, это моя подруга, Глава Небесного ковена столицы, Лиана Плахова.

– Очень приятно. – Дознаватель приложил правую руку к груди и чуть поклонился, как требовал этикет.

– Взаимно. – Ли присела в легком реверансе. – Но пойдете же! В малой гостиной нас уже ждут чай и вкусности!

И она первая поспешила куда-то вправо от лестницы, через арку. Даниил шагнул рядом с Евой, осматриваясь кругом. Богатый дом, прекрасный парк, видимый через широкие окна. Он заметил пару прудов, шикарные аллеи и даже небольшой английский лабиринт. А чуть дальше была видна огромная оранжерея.

– Присаживайтесь, – предложила хозяйка дома, буквально упав в кресло, обшитое цветастым ситцем, с кокетливо изогнутыми ножками и подлокотниками. Ева и Даниил устроились на небольшом диване из того же гарнитура. На столе уже стояли чашки идеального тонкого белого фарфора, чайник, тарелка с ароматными булочками с корицей и крохотные хрустальные пиалы с вареньем разного вида. – Сегодня любимый чай Евы. С бергамотом и земляникой. Варенье на выбор: крыжовник, морошка, кабачок, орехи и шишки.

– У вас просто потрясающий дом. – Дан вел светскую беседу по всем правилам. – И такое угощение... Могу предположить, что варенье вашего собственного производства?

– Как и чай, – важно кивнула Ли.

– Я заметил оранжерею, – кивнув в сторону окна, продолжил он.

– Ну, – ведьма усмехнулась, – там ягод обычных не найдешь. Только самые важные и редкие ингредиенты для зелий.

– За которые тебе всегда огромное спасибо, – вступила в разговор Ева. – Твой крем просто спас мне жизнь. Помните, Дан? Тот самый, что залечивает раны.

Дознаватель кивнул.

– Всегда рада помочь. – Ли явно была довольна.

– А я всегда готова отблагодарить.

И маг достала из своей крохотной сумочки некую коробочку, которая, как показалось Дану, ну никак не могла там поместиться. Он понял, что подарок для подруги Ева заготовила заранее и оставила в каком-то хорошо известном ей месте, а сейчас просто перенесла его сюда силой магии.

– То, что ты просила. – Ева протянула коробку подруге.

Ведьма вскочила с кресла и издала самый настоящий ведьмин визг, от которого у гостей на миг заложило уши.

– Ой! – Ли тут же прикрыла рот ладошкой. – Простите, простите. Но это... Спасибо тебе, Ева! Ли тут же занялась вскрытием коробки и, казалось, была поглощена этим процессом полностью.

– Что там? – шепотом спросил Дан у мага.

– Всего лишь специи, немного французских трав, с корнями, конечно, – стала перечислять Ева. – Это для оранжереи. Ну... И еще кое-какие ингредиенты. Вроде пыли с древних могил и кладбищенской земли.

У дознавателя был такой вид, будто он уже пожалел, что спросил.

– Извините. – Довольная Ли отложила коробку с такой осторожностью и чуть ли не благоговением, будто там лежал бриллиант «Орлов». – Ну, а как лекция? Как дело? И... что у вас теперь?

– Ли, – чуть улыбаясь, остановила поток вопросов Ева. – К сожалению, сейчас всего рассказать не могу. Лекция мне понравилась.

– И мне тоже, – вставил свой комментарий Дан, за что заслужил благодарную и чуть смущенную улыбку девушки.

– Дело сделано, – продолжила Ева. – Пришлось нелегко, зато... очень интересно. Но главное, Марси будет жить.

– Ты просто чудо! – с чувством выдала Ли. – Я думала, мы ее потеряем.

По лицу ведьмы было видно, что болезнь Марси беспокоила ее по-настоящему. А возможная утрата была бы слишком болезненной. Дан понял, что все три девушки дружили, причем искренне.

– Я все-таки расскажу тебе все подробно, когда вернусь, – переходя на деловой тон, пообещала Ева. – Просто прямо сейчас мы с Даном едем в аэропорт и улетаем в Петербург.

– Что-то серьезное? – Было понятно, что это не праздный вопрос, за ним читалось предложение помощи.

– Мы пока не знаем, – решил сам объяснить дознаватель. – Пришло сообщение, что сегодня ночью в одном из закрытых фондов РАН погиб сотрудник фонда. Он был из Избранных, к сожалению.

Ева при этом опустила глаза и коротко кивнула, будто тут же почла память погибшего. А еще ее очень волновало, что будет с ее подругой, когда она узнает, кто погиб...

– Я хорошо его знала и... не только, как отличного ученого и тонкого знатока артефактов, – сказала маг грустно, обращаясь пока только к стражу. – Мы еще и просто дружили. Я прожила в Ленинграде около двадцати лет. Работала как раз под началом светлейшего князя...

Теперь она перевела взгляд на подругу, и голос Евы звучал печально и сочувственно.

– Ник, его троюродный племянник, был мне хорошим другом. Прости, дорогая, что мы принесли тебе такие вести...

– Ник! – Ли прижала руки к груди. – О нет!

Ева с ужасом наблюдала, как пустеет взгляд подруги, становится чужим, почти невидящим.

Лучше бы она вообще ничего ей не говорила, но... Ева не могла даже представить, что было бы, если такую новость Ли принес бы кто-то другой.

Но вот первый шок прошел, глаза ведьмы наполнились слезами.

– Ли! – Ева подалась вперед, чуть погладила подругу по коленке. – Я... Прости, дорогая.

Дан посмотрел на свою временную напарницу вопросительно.

– У Ника с Ли был роман в шестидесятых, – объяснила ему Ева. – Ли тогда приехала на лето ко мне в Ленинград. Встретила у меня в гостях Николая и... Дорогая... Даже не знаю, что сказать.

– Он был замечательным, – глухо сказала Ли. – Самый лучший. Настоящий принц. Жаль, что все так обернулось...

– Я сожалею, что мы принесли вам такие печальные вести, – вежливо сказал Дан.

– Да, – ведьма глубоко вздохнула и взяла себя в руки, даже заставила себя улыбнуться. Ли была главой ковена, она была сильной, она должна была держать свое горе при людях в себе... – Все равно у нас бы никогда не сложилось. Все-таки я обычная ведьма. А он из Романовых...

Ведьма стиснула руку подруги, будто набираясь у нее силы, еще помолчала, глотая слезы, но потом... просто перевела тему. Хотя взгляд ее стал каким-то отсутствующим, а голос звучал неестественно оживленно.

– Но, да ладно. – Ли вяло взмахнула рукой. – Значит, вы отправляетесь туда. Передай от меня приветы, милая. И Владимиру, и Гавриилу, Георгию и Константину-младшему.

Ева кивнула, стараясь помочь подруге перейти на деловой тон. Уйти от горестных мыслей.

– Нам придется там работать, – сказала маг деловым тоном. – Но, думаю, это ненадолго. В любом случае мне надо будет вернуться через три дня к следующей лекции.

– Конечно, – кивнул Дан.

– Тогда все и расскажешь, – торопливо согласилась ведьма. – А пока... Я твоя должница и хочу внести свою лепту. Где вы остановитесь в Петербурге?

– В отеле, но скорее всего придется проводить в доме у светлейшего князя довольно много времени, – ответил ей дознаватель.

– О нет! – хором простонали девушки.

И в очередной раз он посмотрел на них удивленно.

– Я тоже хорошо знаком с Константином Константиновичем, – сказал Дан. – Они были дружны с моим отцом...

– Я знаю, – отозвалась Ева и страдальчески вздохнула. – Нам придется потерять еще час на мои сборы! Вы же помните, Дан, как принято одеваться в его доме.

Теперь и дознаватель тяжело вздохнул. В доме Романовых предпочитали строгие костюмы и платья, а для вечернего приема пищи даже торжественные наряды.

– Спокойно! – Ли вскочила. Ее оживление было наигранным, но Ева решила, что пусть уж лучше так, чем черная меланхолия, какой страдала подруга два года после расставания с

Ником. – У меня тут отличный гардероб! Найду и смокинги, и строгие костюмы для вас, Даниил. А уж для Евы – все, что угодно!

– Это-то у вас откуда? – Дознаватель понял, что уже просто устал удивляться.

– Для приемов, конечно, – пожав плечами, Ли устремилась к лестнице. – Идемте!

– Ведьмы очень любят вечеринки, – тихо объяснила Ева, шагая рядом с Даном. – Особенно спонтанные. Поверьте, у нее есть все и для всех!

Сборы Даниил не любил, потому в огромной гардеробной он быстро выбрал пару белых рубашек, смокинг и еще два деловых костюма. Дворецкий ведьмино дома, приятный импозантный старик, обещал помочь с подбором галстуков и запонок. Также слуга обещал упаковать одежду и спустить вниз.

Когда дознаватель вернулся в гостиную, Евы, конечно, еще не было. А вот Ли ждала его здесь, попивая свой чай. Он заметил, что глаза у ведьмы покраснели. Она явно плакала в их недолгое отсутствие. Но при его появлении Ли вновь примерила маску наигранной оживленности.

– Уже собрались? – спросила она.

– Мне проще, – чуть улыбнулся он, стараясь поддержать выбранную ведьмой манеру поведения.

– Ева тоже не заставит себя долго ждать, – пообещала ведьма и тут же наклонилась ближе к гостю и перешла почти на шепот. – Как она? Ей там, во Франции, тяжело пришлось?

– Я думаю, да, – признался он. – Из того места, где хранился артефакт, до нее еще никто не возвращался живым.

– Знаете, – серьезно, отбросив весь свой артистизм, сказала Ли. – Вы верите в Бога?

В очередной раз удивившись, дознаватель лишь отрицательно покрутил головой.

– А я, наверное, да, – призналась она. – Я молилась всего дважды за мою жизнь. Но от души. И оба раза за Еву. Сейчас, когда она уехала во Францию, и тогда... в юности. За нее и за Марси. И мне казалось, что он услышал меня, ведь Ева... она же не для себя рисковала жизнью.

– Да, – согласился дознаватель. – А... Простите, что было в первый раз?

– Это было наше глубокое детство, – без малейшей радостной ностальгии стала рассказывать Ли. – Мать Евы была простой смертной. Ее расстреляли как жену врага народа. Хотя отец Евы погиб, даже не успев увидеть дочь. Сама Ева попала в лагерь...

– Какой? – не понял Дан.

– Лагеря НКВД, – пояснила ведьма с ледяным сарказмом, который был направлен явно не против ее собеседника. – Я тоже тогда оказалась там. Папа был белогвардейцем, мама... тоже убита как враг народа за свои методы лечения.

– Но... – Рассказ явно взволновал дознавателя. – Вы же обе были детьми! Сколько же вам было лет? Какие лагеря!

– Мне было пятнадцать, Еве двенадцать, – ровным сухим тоном продолжила Ли. – И, да, поэтому мы там и оказались. Представьте только! Дети с такими необычными способностями! Это же секретное оружие! Так считали тогда.

– Варварство, – устало прикрыв лицо ладонями, прокомментировал Дан. – Я даже боюсь представить, что с вами там было.

– Должно было быть. – Вот тут ведьма улыбнулась, и на этот раз искренне. – Но Ева собиралась бежать. Да и я с ней. Но... с нами еще была восьмилетняя кроха. И у нее началась очень ранняя инициация... – Ли, переживая вновь то время, поморщилась, сжала пальцами виски. – Марси... Она обращалась в вампира. А это чудовищные боли. К тому же она подхватила тиф...

Они немного помолчали, пока ведьма справилась с эмоциями и дознаватель пришел в себя, смог победить гнев от мысли, что пережили эти три крохи.

– Марси могла умереть, – глухо продолжала Ли. – Я знала, как облегчить муки, но... Нужен был ингредиент. Нужны были чистый ладан и... сусальное золото. Ева поклялась, что достанет. Там, в лагере, был еще и склад. Они хранили там награбленное в церквях. А еще там были старинные иконы. В старых красках есть... – она отмахнулась. – Неважно. Главное было это достать. И Ева пошла... Вот тогда я молилась всю ночь. Если бы ее застукали, если бы она не успела...

– Но Ева нашла все необходимое, – успокаивая хозяйку дома, сказал Дан. – Я почему-то уверен в этом.

– О! Да! – Ли, казалось, ожила. – Конечно, она все нашла. А еще и котелок, чистую воду, чистые бинты, спички... Тогда казалось, что она совершила чудо.

– И Марси выжила, – закончил дознаватель, чуть улыбаясь.

– Конечно! – теперь уже злорадно усмехнулась ведьма. – Пока я варила зелье, пока Ева вливала его в Марси, пришли Магнус и Кир.

– Кир? – искренне удивился Дан. – Это же старший кузен Михаила!

– Еще один из безбашенных Куракиных, – подтвердила ведьма. – Так они забрали нас оттуда. Мы жили у Магнуса несколько лет, пока не поступили в Академию. Но Ева... Она потом еще жила у Кира. Я на такое не решилась.

– Хорошо вас понимаю, – усмехнулся дознаватель. – Мне кажется, его побаивается даже Глава Стражи.

– Но только не Ева. – К Ли вернулось подобие отличного настроения, хотя было по-прежнему понятно: это маска. Историей из прошлого ведьма как бы отгораживала себя от горя дня сегодняшнего. – Она в нем души не чает. Как и он в ней. Хотя и Магнус любит ее, как дочь. Мне кажется, даже великий князь и тот к Еве благосклонен.

– А вам он не нравится? – осторожно спросил Дан, которому нужна была любая информация о новом деле, но который также понимал, что неосторожный вопрос опять вернет ведьму к слезам и отчаянию.

– Нет, – категорично заявила ведьма. – Конечно, он много сделал для страны и Волшебного мира, но... Он так высокомерен, холоден... Он не умеет любить или уважать. Я не люблю и боюсь таких Избранных. Да и таких людей тоже.

– Кого ты не любишь? – спросила тоже наигранно весело Ева, входя в гостиную. – Такие бывают?

– Светлейшего князя Константина Константиновича Романова, – с почти детским вызовом, ответила Ли.

– Отлично тебя понимаю, – отозвалась подруга. – Я работала с ним почти двадцать лет. Наверное, меня никогда в жизни так не унижали. Если бы не Магнус и кузен, меня бы вообще отправляли мыть посуду вместо научной работы.

– Ну, мне редко приходилось с ним общаться, – признался Дан. – Только когда бывал там с отцом. Хотя... я помню это неприятное чувство, будто меня считают пустым местом.

– Добро пожаловать в анти-фан-клуб князя! – воскликнула Ли. – Я также с трудом переносила его сына Константина-младшего. И этого... их очередного кузена... Александра. А вот Георг просто душа! И Вова Красинский!

– Ли, не увлекайся, – лукаво остановила ее подруга. – Нам пора, дорогая. И... можешь еще раз выручить меня?

– Конечно! – царственно кивнула Ли.

– Сообщи Магнусу, – Ева уже направлялась к двери, и из-за ее тона можно было принять просьбу за распоряжение, – что я не смогу быть у них сегодня. Как приеду, сразу нанесу визит. И поцелуй за меня Марси.

– Можешь не сомневаться. – Ли вышла с гостями в холл. – Вон ваши вещи. И да, я там еще кое-что собрала тебе на всякий случай.

– Спасибо, дорогая. – Ева расцеловала подругу в обе щеки. – Держись. Я все понимаю, но... не раскисай без меня, не надейся на глупостей. Хотя бы пока я не вернусь.

Ли крепко обняла мага в ответ и сама на миг зажмурилась, прогоняя подступающие слезы. Потом пришла очередь дознавателя прощаться с хозяйкой дома. Дан церемонно поцеловал ведьму руку, в ответ заработав звонкий поцелуй в щеку.

– Берегите ее, – успела прошептать ведьма ему в ухо. – И никому там не верьте!

Когда за гостями закрылась дверь, Ли просто села на пол и разразилась слезами.

1 сентября, 16.30. Где-то в небе между Санкт-Петербургом и Москвой

– Вы понравились Ли, – сообщила Ева Даниилу, когда они устроились в креслах бизнес-класса и самолет до Петербурга поднялся в воздух. – А это бывает редко.

– Странно, – чуть удивленно поднял брови дознаватель. – Мне она показалась очень дружелюбной.

– Это маска, поверьте, – возразила девушка. – Ли не так проста, как кажется. На вид милая простушка, на самом деле Глава самого богатого ковена Москвы, кстати, самая молодая в его истории. Умнейшая ведьма, мудрая. А самое главное, очень верная. Мы трое – Ли, я и Марси – почти как сестры.

– Простите, Ева. – Дан выглядел немного смущенным и даже виноватым. – Я проявил любопытство, и Ли рассказала мне об... истории вашего знакомства.

– Лагерь? – глядя в иллюминатор, уточнила маг.

– Да...

– Знаете, Дан, – она повернула голову и теперь смотрела ему в глаза, очень серьезно, даже с какой-то тревогой, – тогда... я сделала то, что должна была. Но спустя годы, когда мы все повзрослели... Теперь я понимаю, что тот отчаянный шаг нас бы не спас. За непослушание нас убили бы тем же утром. Если бы не Магнус и Кир.

– Скорее всего. – Ему не хотелось об этом думать. – Но как такое могло получиться, что три маленькие девочки оказались там... Вы же все из знатных семей! Из Избранных! Три Высшие!

– Моя мама была смертной, – чуть грустно стала объяснять Ева. – А отец, он был вервольфом. Он погиб... Та же история у Ли. У нее вообще не осталось родных в Волшебном мире, кто мог вступить. А мои... Михаил был за границей. Кир... как всегда, где-то в своих реальностях. Как он вообще узнал о моем существовании, для меня до сих пор секрет. А Марси... Все знают, что у Магнуса Скифа редко бывают дети. По какой-то жуткой трагической традиции его дети долго не живут. И Марси вообще появилась на свет случайно. Почти курортный роман. Ее мать даже не знала, кто такой Магнус. То, что девочка из Избранных, стало заметно рано, еще до инициации. Поэтому оказалась в лагере. О ней тоже узнал Кир. Так они нас и спасли. Вот только... Я думаю, что нынешняя болезнь Марси – это как раз следствие той страшной ранней инициации.

– Но благодаря вам теперь все разрешилось, – поспешил напомнить ей дознаватель.

– Надеюсь, – Ева улыбнулась. – Вы не думайте, что мы с Ли всю жизнь с ней возимся. Марси спасла и наши жизни во время войны... – она опять отвернулась к окну. – Нас тогда сбили. Мы попали в плен. И я даже вспоминать не хочу, что бы с нами могло быть. Но Марси в одиночку пробралась туда и... Мало кто может устоять против голодного и разъяренного вампира. Дознаватель молчал. В каждой семье Волшебного мира сейчас наверняка нашлись бы такие же истории. Мир Избранных, где каждый сам за себя, мир одаренных и эгоистичных личностей изменила война.

– У каждого своя трагедия, – сказал он тихо. – Мой отец тоже в бою кинулся спасать Главу Стражи, того, кто был на посту до вашего кузена. Они были друзьями. Они стояли спиной к спине против целой роты... А мы с Феликсом, сыном Главы... мы прорывались к ним, – он тяжело вздохнул. – К сожалению, мы не успели. Противник был уничтожен. И их силами, и нашими, но... Отец скончался от ран у меня на руках. Глава уже тогда был мертв. Ева, внимательно слушавшая его рассказ, перегнулась через разделяющий их столик, аккуратно пожала его руку в знак поддержки.

– Мы до сих пор дружим с Феликсом, – уже более спокойно и буднично произнес Дан.

– Да. – Артефактор чуть улыбнулась. – Понятие дружбы в нашем мире наконец-то появилось после Великой Отечественной. Хоть какой-то положительный итог войны. Но... не для всех. Та семья, куда мы с вами едем, Дан. Они не все такие.

Он кивнул, ему понравилось, что девушка так аккуратно и своевременно перешла к делу.

– Они Романовы, – продолжала она. – Мало того, что это одна из самых многочисленных семей и в мире смертных, и в Волшебном мире, так еще в их жилах течет императорская кровь. Это их сильно выделяет среди остальных. По крайней мере, они так считают.

– Знаете, – чуть усмехнулся Дан. – У смертных есть отличная азартная игра. Покер. И мы с приятелями иногда собираемся поиграть. Так вот, один из моих друзей Рюрикович, а другой – из Лотарингов. Поверьте, очень скромные и интеллигентные люди.

– Даниил, – в тон отозвалась Ева, – я бы сказала проще, наши с вами семьи тоже не рядовые. И древние, и могущественные. Легко составят конкуренцию тем же Романовым. Но в этом плане мне больше нравится цинизм Магнуса Скифа. Он всегда любит говорить, что на вкус императорская кровь ничем не отличается от обычной.

Дан усмехнулся.

– Но вы правы, Ева, – вернулся он к серьезному разговору. – Те, к кому мы едем, считают иначе. И это надо вытерпеть, особенно когда им придется отвечать на неудобные вопросы. А им точно придется. Ведь и вы, и я наделены властью эти вопросы задавать.

– Согласна. – Ева чуть поморщилась. – Это будет не самая веселая поездка. Хотя... Есть Гавр. Гавриил. Это сын светлейшего князя. Один из немногих выживших. Он вервольф. Правда, не Высший. За что отец к нему не очень-то и благосклонен. Однако Гавр – очень простой и добродушный. Его должны были расстрелять большевики. Но чудом он был спасен и вывезен в Париж. А когда началась война, Гавриил вернулся тайно, под чужим именем. Работал хирургом в полевом госпитале, спас более ста человек.

– Для меня будет честью знакомство с ним, – решил дознаватель.

– Вам явно не понравится второй сын Константина Константиновича, – продолжала Ева. – Константин-младший обласкан отцом. Он Высший. Маг-клирик, как и отец. Крайне высокомерный и... скользкий какой-то. Надеется быть наследником князя. Он... – она замялась, подбирая слова. – Никогда не знаешь, на самом ли деле он знает больше, чем говорит, или наоборот, говорит больше, чем знает.

– Я его помню, – кивнул Дан. – Он заискивал перед моим отцом, а я ему не нравился.

– И слава богу, – не удержалась Ева от усмешки. – Ходят слухи, что мужчины ему обычно нравятся...

Дознаватель так и не смог скрыть гримасу отвращения.

– Теперь племянники и свита, – продолжила Ева. – Их много, они разные. Есть те, кто сам держится ближе к князю, есть те, кто многое бы отдал, чтобы уехать от него как можно дальше. Это классическое высшее общество, Дан. Интриги, вранье, взаимная скрытая ненависть и куча грязных секретов. Жизнь там – это были самые трудные двадцать лет.

– Зато больше всего на свете теперь вы цените искренность и верность, – напомнил он доброжелательно. – А есть ли еще кто-то, на кого я должен обратить внимание?

– Трудно сказать. – Она пожала плечами. – Я должна посмотреть, кого соберет вокруг себя князь для нас. Уж поверьте, он это сделает. В целом Константином Константиновичем можно восхищаться. Есть нечто, за что его нельзя не уважать. Он был почетным членом Российской академии наук. И он до сих пор живет этим своим детищем. Кража в фондах для него личное оскорбление. Как бы он ни относился ко мне или к вам, он сделает все, чтобы мы нашли преступника. И простите опять за цинизм, но даже смерть племянника для него не так важна, как потеря чего-либо из собранной им коллекции пушкинской эпохи.

– Но кольцо на месте, – напомнил Дан.

– И скорее всего это подделка, – улыбнулась Ева. – Если оно не пропало, его просто незачем было брать. Или его все-таки украли, заменив на дешевку.

– Согласен, – кивнул дознаватель. – Как мне известно, князь обратился к вашему кузену с просьбой, чтобы Михаил собственноручно занялся поисками преступника. А Глава направил туда меня, зная, что я хоть немного знаком с домом князя.

– Понятна и причина моего участия в этом деле, – дополнила Ева. – Кузен знал и о моей дружбе с Ником. Потому я лечу с вами. И, – она разгладила несуществующие складки на подоле, явно пребывая в смятении, – мы не дадим им запугать или помешать нам. А потому... теперь мне, Дан, нужен ваш профессиональный совет. Николай был Высшим. Скажите, Дан, мог его убить обычный Избранный?

– Не знаю, – честно ответил дознаватель, даже не пытаясь что-то от нее скрывать. Он всегда предпочитал честные партнерские отношения. – Я еще не видел места преступления. Но могу предположить, что да. Как вы сказали, его дар заключался в распознавании рукописей. Николай был ученым?

– Отличным ученым, – грустно признала Ева.

– А значит, простите, – он на миг приложил ладонь к груди и чуть поклонился, – он не был воином.

– Конечно. – Артефактор сразу поняла его мысль. – Любой выпускник Академии легко мог, застав Ника врасплох, убить его простейшим ударом боевой магии. Вы правы. Но мой вопрос не был праздным. В свите много Избранных. Но Высших не больше десятка.

– Понимаю. – Дан улыбнулся. – Вы правильно мыслите, стараясь даже по первоначальным данным понять круг подозреваемых.

Она кивнула. Ева не стала говорить, что пыталась еще и понять, насколько убийца может быть близок к самой семье Романовых. Насколько он приближен к князю.

Самолет заходил на посадку. Они готовились увидеть Северную столицу и отпрысков императорской крови во всей красе.

1 сентября, 16.00. Санкт-Петербург, набережная Макарова

Институт русской литературы Российской академии наук, известный как Пушкинский Дом, располагающийся в доме номер четыре по набережной Макарова в Северной столице – это большое здание, выстроенное в классическом стиле. Весь фронтон украшен широким портиком, который поддерживает колоннада, высокие арочные окна идут по всему первому этажу. А над крышей выступает купол на широком барабане с рядом узких окошечек.

Любой житель страны при первом взгляде на это здание без малейших сомнений определил бы, что перед ним музей или еще какое-то образовательное или административное заведение.

Еву и Данила в Пулково встретил представитель местной Стражи, потом они втроем перенеслись порталом сюда, на набережную. Но никто не спешил проникать в Пушкинский Дом через центральный вход. У Избранных был другой путь. Все тот же представитель местной Стражи проводил московских гостей к подъезду соседнего здания, выкрашенного в цвет топленого молока. А там был открыт дежурный портал, поддерживаемый кем-то из магов.

Они сразу оказались в небольшой комнате, которую Ева назвала привратницей. Из нее был выход в мрачный темный коридор. Сразу стало понятно, что это подвал. Или даже – подземелье. Пока они шагали рядом, оставив Стража позади, Дан оглядывал стены и небольшие светильники. Он проверял местную охранную систему. Ева только улыбалась. Она тоже наметанным профессиональным взглядом замечала ловушки и сеть заклинаний. Воздух тут был сухой, было в подвале неожиданно тепло. Ева отметила и эти заклинания, сохраняющие в архиве необходимый климат, в котором должны храниться артефакты и редкие рукописи. В конце коридора, вернее, всего в паре метров до поворота, их ждал еще один Страж. Он коротко, по-военному кивнул москвичам, жестом открыл еще один портал.

– Междумирье, – тихо предупредил Еву Дан, прежде чем они вступили в серо-сизый сумрак.

– Три метра, – кивнув, уточнила она. – Классика.

Междумирье – это некое пустое пространство между реальностями. В нем нет ничего. Нет жизни, нет магии. Но у Междумирья своя опасность. Оно пьет силы Избранных. Не наполненное ничем, Междумирье жадно забирает все, что попадает в его сети. Только очень сильные маги способны путешествовать по этому пространству. Но не более десяти шагов. Единицам удавалось пересечь пятнадцать шагов жадной пустоты. И в то же время представители всех каст активно использовали Междумирье, помещая между его дорог свои сокровищницы или даже жилища. Пустотой окружали любое помещение, где можно было хранить нечто значимое.

– Дан, – Ева аккуратно сжала запястье своего спутника, – нам необходимо по максимуму сохранить силы. Есть секрет.

– Секрет чего? – не понял он.

В его тоне чуть слышно было нетерпение. Ведь до места преступления оставалось совсем чуть-чуть.

– Как преодолеть Междумирье с наименьшими потерями, – терпеливо пояснила маг-артефактор. – Меня Кир научил.

Дознатель посмотрел на нее с некоторым удивлением. Кир Куракин на самом деле был лет на триста старше Михаила, а значит, еще на добрые лет семьсот старше Евы. Знаменитый исследователь Междумирья жил отшельником, покидал свое жилище, расположенное где-то в иной реальности, только для путешествий по иным мирам или Пустоте. Он по праву разделял славу бесшабашных Куракиных из-за своих опасных экспериментов с листанием реальностей и Междумирьем. И все же Кир был привязан к Еве, он даже сам добровольно забрал ее к себе, пока Михаил не вернулся из-за границы и не принял должность Главы Стражи. То, что Ева делилась сейчас с Даниилом семейным секретом, потрясло его и растрогало.

– Надо левитировать, – шепотом пояснила артефактор дознавателю, чуть встав на цыпочки, чтобы дотянуться до его уха.

Дан кивнул, сделал чуть заметный жест, чтобы пальцы девушки с его запястья попали в его ладонь. Потом он пожал ее руку в знак благодарности. И они шагнули, наконец, внутрь Пустоты, тут же синхронно поднявшись над полом.

А там, на другой стороне, за границами Междумирья была еще одна привратническая. Маленькая тесная комнатенка. Ева и Дан вплыли в нее, и оба чуть не наткнулись на столик, на котором стоял графин с янтарного цвета жидкостью. Это был эликсир, помогающий прошедшим Пустоту восстановить силы.

И вот они попали из привратнической в небольшую залу. Здесь были еще два представителя Стражи и с ними высокий худой молодой человек в строгом костюме. У мага было вытянутое бледное лицо, черные редкие волосы с залысинами над висками, по-кошачьи желтые глаза и тонкие губы, поджатые от недовольствия. Когда он увидел гостей, не запыхавшихся, не измотанных Пустотой, в его глазах на миг мелькнуло разочарование.

– Константин, – вежливо кивнула Ева сыну пресветлейшего князя, подходя ближе.

– Ева Куракина и Даниил Нарышкин. – Мужчина важно кивнул, тон его был настолько сухим и официальным, что понять, как он относится к пришедшим, не было никакой возможности, да и выражение глаз стало холодным и полностью нейтральным. – От лица его сиятельства выражаю вам благодарность за помощь и надежду на удачный исход расследования и торжество справедливости.

Лишь в конце его речи, при выражении надежды, Константин-младший не удержался от легкой иронии. Ева чуть улыбнулась. Она знала сына князя давно, была знакома и с его мерзким характером.

Даниил слушал речь с самым непроницаемым выражением на лице, а потом лишь кивнул.

– Где я могу видеть тело? – спросил он.

– Через два зала, – махнув рукой себе за спину, ответил Константин. – Это будет как раз Пушкинская коллекция.

И опять та же ирония. Будто сын императорской крови сомневался, что обычный Страж способен знать что-то о коллекции поэта. И вновь Дан его проигнорировал.

– С вашего позволения, Ева, – изысканно вежливо извинился он перед своей напарницей и решительно пошел к месту преступления.

Ева осталась на месте.

– Примите наши соболезнования, Константин, – нейтрально-вежливо произнесла маг, – по случаю гибели вашего кузена. А соболезнования его сиятельству мы принесем лично чуть позже. Вместе с первыми выводами по ходу расследования.

Теперь Константин уже не сдерживался. Он принял весьма надменный вид и насмешливо улыбнулся, выражая недоверие к их способностям.

– Кстати, эта коллекция посвящена первой половине девятнадцатого века, – оглядываясь кругом, уточнила Ева.

Вся зала, где они встретились с представителем княжеской семьи, была заполнена стеклянными коробами различных форм, и в каждом хранилась какая-нибудь вещь. Пара дуэльных пистолетов в резном ящике, чей-то камзол, по боку которого расплылось бурое пятно, кресло, явно антикварное, с резными ножками и спинкой, где на цветном ситце просматривались те же бурые пятна.

– Мрачноватые экспонаты, – продолжала Ева комментировать увиденное. – Как я понимаю, каждая из вещей хранит некую тяжелую память о своем хозяине. Наследие декабристов. И...

Как ни странно, – теперь и в ее тоне прозвучала ирония, – нет ни одной рукописи.

– Не понимаю, к чему это, – все так же надменно, но уже с некоторой осторожностью отозвался молодой князь.

– К тому, что Николай всегда работал только с рукописями, – пояснила холодно Ева. – Что он забыл здесь, где нет даже маленького клочка бумаги с самой простейшей надписью?

– Он не ставил меня в известность о своей деятельности, – Константин говорил сухо, даже чуть зло. – Стража сама сможет в этом разобраться.

– С учетом того, что по высочайшему указу моего кузена я как раз и принадлежу теперь к Страже, – с милой улыбкой сообщила ему артефактор, – мне и придется это выяснять. И будет проще это сделать, если я узнаю, кто нашел тело Николая.

– Мари, – нехотя выдал молодой князь. – Она занималась тут чем-то по распоряжению отца. Ведьма сейчас дома, приходит в себя.

Ева кивнула. Она хорошо поняла ситуацию. И ей стало грустно. Убитый Николай был внучатым племянником Константина Константиновича, точнее сказать он приходился внуком Петру Николаевичу Романову, прямому потомку Российского императора Николая Первого. А Мари, она же Мария, приходилась правнучкой Александру Второму. То есть принадлежала к другой ветви рода Романовых. И Мари уже много лет безответно любила Николая. Найти любимого мертвым – такого Ева не пожелала бы никому.

– Хорошо, – сдержанно сказала маг-артефактор. – Я поговорю с ней вечером на ужине у его сиятельства. А пока, извините, Константин, но мне пора посмотреть на место преступления, мой напарник меня ждет.

Не дожидаясь ответа, она устремилась к дверям в другом конце залы. Даниила во втором зале не было. И Ева тоже ускорила шаг, стараясь миновать эту комнату как можно быстрее. Кругом, как и в первой зале, стояли экспонаты. В стеклянных витринах или в ящиках. И каждый был опутан сетью защитных заклятий. Повсюду в этой комнате висело нечто мрачное, давящее и враждебное. Это был зал проклятых артефактов. Тут было все: украшения, перчатки, даже сломанные перья для письма, пули, веера, шляпки. Девятнадцатый век был не только золотым веком русской литературы. Для Волшебного мира он был самым богатым на количество рожденных в те годы Избранных.

В те времена Волшебное правительство, идея создания которого принадлежала деду Даниила, только еще начинало свою деятельность. Многие межкастовые распри еще не регулировались и не карались. А потому количество проклятых предметов, «подаренных» Избранным и простым смертным, было просто огромно.

Ева знала, что в этом зале собраны лишь те вещи, которые несли не смертельные проклятия. Они могли, будучи активированными, принести владельцу болезнь, денежную потерю, долги, просто неудачу. Артефакты со смертельными проклятиями хранились в отдельном фонде, закрытом и запечатанном, тщательно охраняемом. Уже почти сто пятьдесят лет там работали герои. Те Избранные, кто мог нейтрализовать такие проклятия. Среди них было два мага-артефактора, один из Северной столицы, другой из Сибири. Несколько некромантов. Три сильнейшие ведьмы и несколько вампиров. Ева знала кое-кого из них лично. И гордилась этими знакомствами.

Но сейчас ей было не до того. Она миновала этот страшный зал. Вступила в следующий. Здесь атмосфера была совершенно другой. Этот зал – особая гордость князя Константина Константиновича. Здесь собраны артефакты друзей, родных, знакомых и коллег Пушкина. Здесь амулеты любви, дружеские пожелания удачи. Такие вещи, созданные Избранными, тоже становились своего рода оберегами. Вот только...

Сейчас рассмотреть коллекцию и насладиться приятной атмосферой зала было невозможно. В помещении висело какое-то непонятное ощущение продирающего холода и пустоты. Это было послевкусие смерти. Ева, к сожалению, хорошо была знакома с этим ощущением. И тогда, во время войны, когда они находили своих погибших подруг, и после, во время многочисленных не всегда безопасных вылазок в поисках артефактов, девушке уже приходилось сталкиваться с этим чувством.

В зале было много людей. Вернее, Избранных. Простых смертных тут быть не могло. Здесь работали эксперты Стражи.

– Ева! – окликнул ее Дан из дальнего конца залы. – Можно попросить вас подойти ближе? Она поспешила к своему напарнику. Страж стоял рядом с еще двумя питерскими коллегами. Перед ними был совершенно пустой участок пола... и здесь чувство холода и пустоты было особенно сильным. А еще на полу было нечто... Какой-то серый, жуткий и мерзкий даже с виду порошок.

– Это... прах? – с легкой опаской спросила потрясенная девушка.

– Простите, – участливо извинился Дан. – К сожалению. Но... не подумайте. Это только малая часть. Само тело уже увезли. Это не все, что осталось... от вашего друга.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она за то, что ее поняли правильно, что хоть как-то пощадили ее чувства. – Что вы хотите делать?

– Собираюсь понять, как его убили, – деловито объяснил дознаватель. – Знаете, Ева, я уже говорил вам, я ужасно люблю кинематограф. И смотрю еще и сериалы. Криминальные. У

смертных есть столько интересных приспособлений, помогающих в расследовании! Некоторые из этих вещей помогают им... Как это объяснить? Помогают заменять наши способности. Например, они как-то с помощью химии могут определить, кому принадлежала кровь на месте преступления. Или отпечатки пальцев...

– Каждый Страж может это сделать и без химии, – заметила Ева, пожав плечами.

– Да. – Дан присел на корточки, аккуратно дотронулся до кучки пепла, растер останки между пальцами и на миг зажмурился. – Это явно останки мага. И это родственник того хлыща, что мы встретили по приезду. Дальний родственник. Это был высокий статный мужчина, ему более ста лет. Черноволосый. Лицо худое, вытянутое. Очевидно, что это Романов. Видно семейное сходство... Волосы зачесаны назад, тонкие усы... залысины...

– Это Николай, – подтвердила Ева. – Очень точное описание.

– Еще раз сожалею, – вежливо произнес дознаватель. – И теперь... Простите за такие детали...

Он был убит простым файерболом. Небольшим. С малого расстояния.

– Это вы по его останкам узнали? – изумилась девушка.

– Нет. – Дан не удержался от улыбки. – Мои коллеги, прибыв на место, сделали описание.

Просто... можно было бы вызвать некроманта и допросить труп. Но у вашего друга, к сожалению, практически ничего не осталось от головы...

– Я поняла, – быстро остановила его маг-артефактор. – Что намерены делать?

– Восстанавливаю картину, – пробормотал дознаватель. – Мне нужно немного места.

Он уже перебирал узлы на своем браслете. Ева поспешно отступила в сторону. Стражи Санкт-Петербурга тоже отошли чуть назад и приготовили свои браслеты. Как поняла девушка, они собирались помочь своему старшему коллеге.

Даниил аккуратно распутал небольшой узелок на своем браслете, при этом он что-то тихо, но сосредоточенно говорил, скорее всего, это было заклинание. Взмах руки и...

Ева смотрела как завороженная. Почти всю жизнь проведя в мире магии, она так и не научилась спокойно наблюдать работу волшебства. Сейчас перед ее глазами разворачивалось нечто сказочное, тонкое, почти прекрасное.

Пол в зале был выложен паркетом светлого дерева. И вот сейчас от древесины в воздух начали подниматься малюсенькие песчинки потрясающего янтарного цвета. Они чуть поблескивали, кружились, будто капли дождя на солнце. Их хоровод все рос и прибавлялся. Вот уже янтарный вихрь кружит над местом преступления, вот его воронка разрастается виришь, будто из малейших крупинок мозаики складывается некий куб. А внутри...

На миг янтарное чудо застыло, сформировав некое пространство, и там внутри начали формироваться образы. Вот прямо с пола поднялся мужчина. Молодой, высокий, в светлом деловом костюме. На его худом вытянутом лице застыла какая-то странная хитроватая улыбка. Черные волосы зачесаны назад, немного видны залысины, топорщатся тонкие усики над верхней губой...

– Ник! – не выдержав, воскликнула Ева и тут же прикрыла рот ладонью, будто боялась, что от звука ее голоса картинка распадется.

Но каким же это было чудом вновь увидеть друга живым! Пусть это лишь иллюзия, но...

Ожившая в янтарном мороке фигура кому-то что-то сказала, но слов никто не слышал. Потом мужчина прошел пару шагов в сторону, протянул руку. Ева видела, как рамки янтарного поля мгновенно расширились и в его глубину попал некий ящик, стоящий в зале на высоком пюпитре. И вот Николай шепчет несколько слов, поднимает стекло, закрывающее ящик сверху, и достает кольцо! Изумруд блеснул самым настоящим блеском. Николай отвернулся от Евы, что-то опять сказал невидимому собеседнику, шагнул к нему ближе, продемонстрировал кольцо...

Маг-артефактор интуитивно поняла, что будет дальше. И вся красота заклęcia тут же исчезла.

Девушка сейчас больше всего на свете хотела отвернуться, закрыть лицо руками, чтобы не видеть... смерти. Но все-таки она, как завороженная, продолжала смотреть. Вот на лице

Николая мелькнули удивление и даже страх. А потом... Медленно, тягуче в янтарном мареве проплыл крохотный огненный шарик. Ева понимала, что в жизни все происходило намного

быстрее, но вот сейчас это неизбежное приближение выглядело просто чудовищно. И... Кинуться бы вперед, поставить защиту, в конце концов, просто оттолкнуть друга, чтобы этот страшный сгусток, несущий смерть, прошел мимо, но... Поздно. Шарик врезался точно в переносицу Николая. Он начал заваливаться назад, все так же мучительно медленно, а его

голова... Мелкие частички начали рассыпаться и гаснуть в воздухе... Янтарное поле тускнело, теряло краски и таяло...

Когда заклятие потухло, Ева посмотрела на Даниила. Он выглядел бледным. Она уловила, как его немного качнуло, и тут же бросилась вперед, стараясь поддержать напарника.

– Спасибо. – Он заставил себя улыбнуться, чуть пожал ее ладонь, которую девушка положила на его предплечье. – Все в порядке. Спасибо, коллеги.

Питерские Стражи чуть кивнули, на миг выпрямившись, как при приветствии командира.

– Не думала, что Стражи способны поворачивать время вспять, – чуть иронично заметила Ева, давая понять, как она потрясена его магией. – Даже страшно думать, что еще скрыто в узлах вашего браслета.

В глазах Дана на миг блеснуло удивление.

– Вы не знаете? – все-таки спросил он. – В браслет только закачана сила. Чтобы я смог продержать заклятие, сколько понадобится.

– Значит, это создано вами? – Ева тут же почтительно кивнула, отдавая должное его искусству. – Начинаю жалеть, что не училась в классах боевой магии.

– Для этого вам пришлось бы окончить тайную школу Стражей, – улыбнулся Дан и тут же вновь стал серьезным. – Итак, ошибки нет. Это был Николай.

Ева печально кивнула.

– Но какое же странное убийство, – заметил дознаватель. – Понятно, что он знал убийцу в лицо. Он сам привел его сюда. И это кольцо... Не было сопротивления, драки. Мотив убийства непонятен.

– Как и многое другое, – заметила Ева. – Я провела тут двадцать лет. И знаю все местные секреты. Но начнем вот с чего. Николай не мог работать в этом фонде. Он специалист по рукописям.

– Вы мне уже говорили, – подтвердил Дан. – Я это запомнил.

– Но тут нет и пол-листка текста! – всплеснула Ева руками. – Ему тут нечего было делать! Зачем он пришел сюда?

– К сожалению, – подумав, сказал дознаватель. – Могу предположить только, что он сознательно вел сюда своего убийцу.

– Согласна, – девушка кивнула. – Теперь смотрите. Вспомним, как мы вошли в этот фонд.

– Через дверь и Междумирье, – послушно ответил ее напарник, чуть хмурясь. Он не понимал, к чему девушка ведет.

– Верно. – Она была занята своими мыслями. – Но... В другой день мы с вами могли бы открыть ту же дверь и оказаться в какой-нибудь... кладовке!

– Классические меры защиты, – напомнил Страж. – Как в любом хранилище. Только те, кто имеет право доступа в фонд, знают, где и когда можно открыть проход в Междумирье и само хранилище. Хотя все при входе окажутся в той же привратничкой, или кладовке, как вы ее называли.

– Верно, Дан, – серьезно кивнула Ева. – И привел своего убийцу сюда Николай. Он же знал заклятие, открывающее стеклянную витрину, где лежало кольцо. И как только он умер...

– Подождите! – Наконец-то дознаватель понял, к чему она ведет. – Как только он погиб, проход обратно закрылся! Как и магический сейф для кольца!

– А где было найдено кольцо? – тут же поинтересовалась Ева.

– Его нашли рядом с телом, – сказал Дан. – Но... Как я понял, обнаружила Николая одна из сотрудниц фонда. Она пришла первой и открыла новый портал. Ее зовут Мари.

– Это не просто сотрудница, – уточнила маг. – Мари из Романовых. Она дальняя родственница Ника и... Что самое главное, она уже много лет влюблена в него. Хотя... ранее это было безответно.

– Жаль, что ей пришлось его найти, – с искренним сожалением ответил дознаватель. – И теперь понятно, почему она оставила его... Понимаете, сигнал Страже передал другой сотрудник. Он известил об убийстве, он же назвал причину. То есть попытку кражи кольца. И он же сам нашел это украшение рядом с телом. К моменту прибытия сюда наших местных коллег этой Мари тут не было.

– Хотелось бы поговорить с этим Избранным, – заметила задумчиво Ева, при этом она не смотрела на своего напарника, а изучала зал.

Дан на минуту отошел к Стражам, а после, вернувшись, сообщил, что маг, который сообщил об убийстве, все еще здесь.

– Он в дальнем зале, – сказал дознаватель и, галантно предложив Еве руку, повел ее туда.

Они прошагали еще два зала, удивительно похожие на все, что видели в фонде раньше. Все те же витрины, ящики, стеллажи. Все та же выставка малых артефактов.

– Вот этот зал, – рассказывала Ева по ходу движения, – очень похож на тот, который надо было пройти до места преступления.

– Я это уже почувствовал, – чуть улыбнувшись, заметил дознаватель.

– Здесь тоже хранятся вещи Избранных, несущие на себе малые проклятия, – продолжила маг. – Но если там вещи друзей и приятелей Пушкина, то тут просто собрание несильных артефактов той эпохи. Что называется, собирали по гостиным знатных домов и по будуарам.

– Иногда я рад, что родился позже, – прокомментировал это Дан.

Ева насмешливо хмыкнула в ответ.

– Следующий зал посвящен домам Волконских, Шереметевых и Воронцовых, – продолжила она экскурсию. – Кстати, именно тут есть отпечаток на воске того самого кольца, что было парным с перстнем Пушкина.

– А! – Дознаватель явно пребывал в некотором ироничном настроении. – Оберег от предательства? Он ведь похищен, как я помню?

– Да, – легко согласилась Ева. – В 1917-м. Как и кольцо Воронцовой.

– Что дальше? – Они подходили к дверям последнего зала.

– Оставшиеся мелочи, – весело отмахнулась Ева. – То, что имеет отношение к золотому веку, но практически не имеет силы. Магический мусор.

Даниил еще раз улыбнулся ей и галантно пропустил вперед. И этот последний зал была раза в два меньше любого из предыдущих. Тут не было больших витрин или застекленных ящиков с выставленными экспонатами. Только стеллажи и какие-то лари с росписью наподобие тех, в которых хранили одежду в богатых купеческих домах прошлых эпох. А еще тут стоял круглый стол и несколько стульев с простой высокой спинкой. Вот на одном из этих стульев и сидел престарелый мужчина. Он был невысоким, худым, немного горбился. Его седая шевелюра еще слегка вилась, и эта грива волос казалась слишком объемной и тяжелой для его головы. Рядом с этим сотрудником фонда на столе лежали большие квадратные очки в старомодной роговой оправе. Было видно, что мужчина несчастен, расстроен и явно сильно устал от переживаний.

– Афанасий Иванович! – Увидев старика, Ева кинулась вперед. На ее лице была написана искренняя радость встречи и столь же ненаигранное участие. – Родной вы мой! Здравствуйте! Старик тяжело поднялся из-за стола. При виде Евы его лицо озарилось радостью, и казалось, будто он не может в полной мере поверить в реальность этой встречи. Маг, а представитель фонда был именно магом, протянул чуть дрожащие руки вперед. Ева тут же обняла старика. – Ева Куракина! – На глазах мага выступили слезы. – Девочка моя! Вернулась! И не узнать, какая же ты красавица!

– А вы все такой же, – чуть отстранившись, молодая женщина изучала своего знакомого с нежностью. – И та же галантность, и та же доброта. Как же я вам рада!.. Ой! – Ева вспомнила о причине своего визита, и на ее лице тут же отразилось сочувствие. – Я так сожалею... Вам пришлось такое пережить...

– Да ничего, дорогая. – Растроганный старик улыбнулся. – Я-то ладно, а вот как его светлость расстроился... Николай был его любимым племянником. Поговаривали, что князь хотел передать ему свое место. Можно сказать, наследник, и вдруг...

Ева чуть приподняла брови в знак удивления. Эта информация давала много пищи для размышлений. Но не сейчас.

– Так Николай оказался здесь по поручению князя? – тут же спросила она.

– Может быть, – чуть подумав, ответил ей Афанасий Иванович. – Хотя... я не слышал, чтобы молодой Ник занимался подготовкой к выставке. Хотя возможно... Все-таки основная работа легла на плечи Мари...

– Выставка? – Дознаватель подошел ближе. Он не очень понимал пока суть разговора, но интуитивно чувствовал, что в этом есть какая-то зацепка. – Простите, Афанасий Иванович. Я не представился. Даниил Нарышкин, старший дознаватель Тайной Стражи и друг Евы.

– Очень приятно, молодой человек! – Старый маг увлеченно потряс руку стражника. – Как приятно, что девочка не будет здесь опять одна. Ей приходилось тяжело с... Романовыми. Уж простите мою бестактность по отношению к императорскому дому, но это так.

– Зато вы всегда были со мной добры, – напомнила Ева и тут же плавно вернула разговор в прежнее русло. – Дан задал вопрос, который и меня вводит в недоумение. Какая выставка, Афанасий Иванович?

– К двухсот двадцатой годовщине со дня рождения Пушкина, – пояснил маг. – К следующему лету должны успеть. Все фонды пересматриваем. Масштабный проект совместно с Лицеем и домом на Мойке. Прямо как тогда, в 1917-м.

– Но это же какая-то не круглая дата, – растерялась маг-артефактор. – С чего вдруг?

– Не могу знать. – Старик пожал плечами. – Новый проект его светлости. Мари тут целыми сутками пропадает. Все в залах проклятых артефактов. Снимает проклятия, готовит экспонаты. Личное распоряжение князя.

Ева нахмурилась. Было видно, что-то в словах старого мага вызвало ее возмущение или даже гнев, но девушка сдерживала свои чувства.

– Так, значит, Николай тоже мог принимать участие в проекте? – продолжил расспросы Дан, чтобы дать Еве время немного успокоиться. – Как возможный наследник?

– Может быть. – Старик беспомощно развел руками. – Но Николай бывал тут чаще в последние несколько дней. Раньше-то он был редким гостем. Да и что тут ему делать, с его даром? Но... видите ли, я же больше думал, что это из-за Мари. Они так сблизились в последнее время. И каким же это было ударом для бедной девочки... найти его... Она была не в себе, когда я пришел. Отправил бедняжку домой. Хорошо, удалось быстро связаться с Гавром...

– К счастью, Гавр всегда может прийти на помощь, – поддержала Ева. – Так портал сегодня открывала Мари?

– Она, бедняжка, – кивнул старик. – Мари знала расписание. Его светлость ввел четкие правила, когда и в какой день где открывать портал. Он мог посетить нас в любую минуту. Так ему было удобнее.

– А кто вчера закрывал портал? – как бы между прочим поинтересовался Дан. – Тоже Мари?

– Нет, – Афанасий Иванович покачал головой, – это моя обязанность. Все закрыл, активировал все заклятия защитные. Запечатал портал.

– Простите, – дознаватель чуть наклонился вперед, – а если бы сегодня портал открыли не в том месте? Или вчера, после вашего ухода?

– Что вы! Юноша! – Старый маг выглядел потрясенным и немного сердитым. – Мгновенно сработали бы защитные чары в коридоре! Портал открывается четко в указанных местах! И вчера, когда я его запечатал, снова открыть его там же было невозможно!

– А если это было уже сегодня? – переспросила Ева. – Например, рано утром? Его открыли на верном месте, а потом закрыли опять?

– Так, похоже, и было, – печально согласился Афанасий Иванович. – Портал сегодня открыт там, где и положено. И это второй раз...

Ева поговорила еще со стариком, стараясь его поддержать. Обещала еще навестить его до отъезда, а после отошла обратно к двери вместе с дознавателем.

– Вы хмуритесь, – тут же заметил Дан.

– Дело становится все более странным, – сообщила она в ответ. – Только не просите объяснить все сейчас. Я пока не знаю всех ответов. Но после приема смогу объяснить больше. И пока это касается... ситуации в целом, а не убийства. Хотя тут все становится более понятным.

– Согласен, но не совсем, – мягко возразил Дан, пока они шли обратно к месту преступления. – Вы правы. Николай сам привел сюда своего убийцу. Он знал заклятия и место, где можно было открыть портал. Но... после его смерти его магия потухла. Портал замурован. И...

– И как убийца смог выбраться? – предвосхитила маг-артефактор вопрос. – Вариантов два. Первый: он торчал тут, пока не пришла Мари. Пока она горела над Ником, убийца мог пробраться к portalу. Но это слишком рискованно. Ведь первым мог прийти и Афанасий Иванович. Или кто-то другой. Я думаю, был другой вариант.

– Какой же, Ева? – У дознавателя были свои соображения по этому поводу, и он хотел знать, насколько одинаково они мыслят.

– Если нельзя открыть вход, – сказала молодая женщина, – тогда надо искать возможности уйти через иную реальность.

Дан кивнул. У него была та же версия.

— А это значит, Дан, — серьезно продолжила Ева, остановившись и глядя ему в глаза, — что я сама сейчас ответила на свой вопрос. Если мы найдем точку выхода в иную реальность, тогда Ника убил кто-то из Высших. Листать реальности — привилегия сильных.

Дознаватель снова кивнул и чуть сочувственно ей улыбнулся.

Даже смертные, интересующиеся историей религий, изучая шаманизм как раннее верование, знали о том, что жрец, осуществляя некие ритуалы, способен перейти в мир духов. Маги издревле могли посещать на самом деле не какие-то экзистенциальные плоскости, а обычные иные реальности. Маги всегда знали, что мир смертных не единственный. Другие такие же миры существуют в немалых количествах параллельно с этой привычной реальностью, и не где-нибудь, а прямо тут, на маленькой старой Земле.

Любой Избранный мог открыть проход в иную реальность. Там некоторые из них строили себе жилища. В период межкастовых войн вампирские кланы привыкли прятать свои гнезда в иных реальностях. Так же поступали и оборотни. Эпоха войн прошла, но привычка осталась. Многие Избранные жили сразу в двух или даже трех мирах. Но Высшие могли не просто открывать для себя проход в иную реальность. Они могли перебирать несколько миров, выбирая нужный. Это и называлось листать реальности. Так легко исчезнуть из закрытой и защищенной магией комнаты. Просто достаточно просмотреть параллельные миры, выбрать тот, где есть такое же здание, шагнуть туда. После в ином мире Высший выходит на улицу, находит безлюдное пространство, вновь листает реальности и появляется уже в нашем мире там, где ему удобно. Прыгать по иным мирам было намного труднее, чем создавать простые порталы. Это требовало концентрации, потери энергии. К тому же часто между миром смертных и иной параллелью могла пролегать и тропка Междумирья. Только Высшие обладали достаточной силой, чтобы проделывать такие переходы.

— В залах проклятых артефактов слишком сильная защита, — рассуждала Ева, когда они с Даном дошли обратно до места преступления. — Здесь открыть проход преступник не мог.

— Тут везде стекло и стеллажи. — Дознаватель оглядывался. — Нужен хоть какой-то проход. Хотя бы дверь.

— Я думаю, если преступник здесь ориентировался, — продолжила маг, — а это все-таки так: он же знал, где конкретно лежит кольцо, в каком фонде, — значит, он мог хотя бы примерно знать, что еще есть в этих залах. Тогда он мог использовать для перехода только комнату для работы с артефактами.

— Что? — не понял дознаватель.

— Здесь есть комната, большая, просторная, — стала объяснять Ева. — Там только небольшой столик, и все. И куча места для любого ритуала. Любой сотрудник фонда берет артефакты туда. Здесь слишком много магии и следов от заклятий. Чтобы, например, обезвредить заговоренный предмет, его несут в ту комнату.

— Могу предположить, вы в ней бывали, и очень часто, — задумчиво заметил Дан. — Вы провели здесь все двадцать лет?

— Нет! — Ева неожиданно весело рассмеялась. — Это была бы уже не практика, а... какое-то отбывание тюремного срока! Я прожила в Северной столице двадцать лет. И все это время числилась в штате фонда его светлости. Считалось, я пользуюсь его расположением, работаю по его протекции. На самом деле сюда, вот в этот фонд, меня ссылали за непослушание. Как раз для работы с малыми проклятыми артефактами. Я провела здесь первые три месяца по приезде. И потом от случая к случаю, когда его светлость были уж слишком мною недовольны.

— Можно подумать, работа здесь — это что-то вроде наказания для нелюбимых слуг, — иронично прокомментировал дознаватель.

— Вот теперь, мой дорогой напарник, вы начали правильно понимать ситуацию, — на полном серьезе ответила ему маг. — И это еще одна причина, почему тут не могло и не должно было быть Ника.

— Но именно здесь была Мари, — напомнил Дан.

Ева хмуро кивнула.

— Я не люблю ее, — призналась она. — Но мне ее жаль. Она... вечная служанка князя. По доброй воле. И за это я не люблю ее еще больше.

Дознаватель хотел бы знать и другие причины этой нелюбви, но сейчас на это не было времени.

— Пойдем осмотрим комнату? — предложил он.

– Сначала все-таки мой сольный выход, – озорно улыбаясь, возразила Ева. – Надо же узнать, что там с кольцом. Я же специалист по артефактам!

– Конечно. – Дан тут же направился к тому самому ящику, где когда-то под стеклом хранился перстень Пушкина. Сейчас кольцо лежало сверху, прямо на стекле. – Только сначала я на минуту возьму его в руку.

– Что хотите делать? – полюбопытствовала Ева.

– Хочу знать, кто дотрагивался до этой вещи до меня. – Дознатель уже держал перстень, аккуратно зажав его между подушечками большого и указательного пальцев.

Ева видела, как он шепотом произнес заклинание, на минуту прикрыл глаза. Когда Страж снова посмотрел на нее, в его взгляде было некоторое разочарование.

– Его трогали только Ник и Афанасий Иванович? – предположила она.

Дан разочарованно кивнул.

– Нашему убийце не нужны подделки, – отозвалась она и придвинулась чуть ближе к Дану, при этом даже не пытаясь взять у него перстень. – Хотя это просто отличная работа.

– Отличная? – чуть удивился Дан. – А когда перстень подменили, сможете сказать?

– Не в этом и даже не в прошлом веке. – Девушка аккуратно провела пальцем по грани изумруда. – Вы наверняка слышали, Дан, многочисленные истории, как смертные умеют подделывать картины мастеров Возрождения или даже создавать новые, якобы ранее неизвестные, шедевры, например, Мазаччо. Или... да хотя бы просто новые импрессионисты. Мане!

– Честно... – Дан чуть застенчиво улыбнулся. – Я думаю, такие вещи всегда можно проверить магией. И я не задумывался, как их создают.

– Для того чтобы создать идеальную подделку, – тоном профессора на лекции начала Ева, – необходимо купить в каком-нибудь антикварном магазине в Европе несколько картин неизвестных авторов, но именно той же эпохи, какую хотим подделать. Далее один холст очищаем. На нем и будем рисовать подделку. С остальных счищаем краски, разводим заново. Осталось скопировать стиль мастера, используя материалы того же века. Такую подделку очень трудно узнать.

– Согласен, – кивнул дознаватель. – Так здесь тот же случай? А как же золото?

– Вот оно как раз соответствует эпохе, – деловито отметила девушка. – Золото датируется где-то второй половиной семнадцатого – восемнадцатым веком. Скорее всего, для создания этого перстня была куплена и переплавлена пара венчальных колец.

– Венчальных? – удивился Дан.

– Да, – подтвердила Ева. – Уже тогда были венчальные золотые кольца хорошего качества. И с таким золотом перстень можно было бы принять за подлинный, если бы не изумруд.

– Камень чистый, без трещин, насыщенного цвета молодой зелени. – Страж осматривал камень.

– Это один из российских изумрудов, – пояснила маг. – Наш, Мариинский. Цвет подбирали тщательно, но... только у нас изумруды такие насыщенные зеленые. А открыли это месторождение только в начале девятнадцатого века. Перстень же Пушкина, как я вам говорила, старше.

– Это многое объясняет. – Дан отложил кольцо. – Помните, я восстановил последнюю сцену из жизни Николая?

– Конечно. – Ева подумала, что еще долго будет помнить это янтарное волшебство и страшную картину, возникшую внутри него. – Николай был артефактором. Пусть у него нет такого дара, как у меня, пусть он не может знать суть вещи. Но он прожил в доме Романовых всю жизнь. Он знает отношение князя к вещам Пушкина. И знает историю каждого перстня. Вернее, знал. Ему нетрудно было понять, что это подделка. Причем, судя по всему, перстень подменили еще в 1917-м. Как раз на той же выставке, когда был похищен и второй перстень, подарок Воронцовой.

– Остается только один вопрос, – нахмурился Дан. – Почему тогда Николай был убит?..

Официальная резиденция князя Константина Константиновича Романова в наши дни располагалась в усадьбе Лопухинка. С виду это было давно заброшенное имение, требующее реконструкции. Но это была лишь иллюзия, поддерживаемая для смертных. На самом деле усадьба давно была восстановлена и блистала во всей своей прежней красе.

Выбор места был не случаен. Усадьба еще в девятнадцатом веке долго меняла хозяев. И в 1839 году великий князь Михаил Павлович Романов, младший сын Павла Первого, выбрал это имение под водолечебницу. Императорская семья долго использовала этот курорт. До прихода новой власти. И только после дом пришел в запустение. Для смертных. Для Избранных здесь все осталось прежним.

С виду усадьба выглядела скромно. Двухэтажный особняк, выкрашенный в желтый цвет. Большие окна, ни колонн, ни портика. Просто дом. Зато внутри все было богато, если не сказать роскошно.

В этот вечер здесь собралось не так много народу, но все были в вечерних платьях и смокингах, как того требовали этикет и личное пожелание великого князя. Играл живой оркестр, официанты разносили шампанское.

Ева, облаченная в платье цвета слоновой кости, почти полностью закрытое, с длинной неширокой юбкой до пола, со скромным треугольным вырезом, опиралась рукой в длинной белой перчатке на галантно подставленную руку своего напарника, одетого в классический черный смокинг и кипенно-белую шелковую сорочку. Девушка сделала высокую прическу, украсив ее двумя одинаковыми гребнями из серебра, на каждом из которых блистали золотистые топазы.

Они с Даном стояли недалеко от камина в центральной зале и, чуть пригубив шампанское, рассматривали присутствующих, ожидая появления князя.

– Ну, что ж, – улыбаясь, заметила маг-артефактор. – Я приятно поражена. Причем сразу по нескольким причинам.

Дан чуть поднял брови, выражая свое любопытство.

– Во-первых, – начала перечислять Ева, – князь не скупится. Здесь просто восхитительное шампанское.

Ее напарник иронично улыбнулся, но все-таки согласно кивнул, пригубив напиток еще раз.

– Во-вторых, – уже серьезно продолжила девушка, – я готова лишний раз отдать дань уважения умению князя организовывать свои дела. Особенно если ему что-то нужно. Здесь, в зале, сейчас только те, кто был связан с Ником. Его коллеги, друзья и родственники, все те...

– Кто может быть записан в подозреваемые? – закончил ее мысль Дан.

– Именно так, – кивнула Ева. – Кто-то коллекционирует произведения искусства, кто-то рукописи, дома или автомобили. Его светлость коллекционирует людей. Или Избранных. Он подбирает тех, кто может быть ему нужен или удобен. И далее играет ими, как ему вздумается. Всегда полагаясь на свои интересы.

– Не самое лестное мнение. – Дознаватель чуть нахмурился. – Вы тоже в свое время оказались в его коллекции?

Маг-артефактор кивнула.

– Конечно. – Ее тон стал чуть суховатым, но ровным. – Я была любопытна ему. Названная дочь Магнуса Скифа, любимая племянница затворника Кира, кузина Главы Стражи. Да еще и артефактор. Он считал меня находкой для своей коллекции. И легкой добычей.

Вот тут она насмешливо усмехнулась. Дознавателю не составило труда понять, как ошибся князь в своем суждении. Заставить одну из безбашенных Куракиных делать что-то против ее воли или использовать ее в своих интересах? Такое представить было трудно.

– И вот третья причина моего приятного изумления. – К девушке вернулось ее благодушное настроение. – Это предоставленная мне кузеном чудесная возможность немного отыграться за те не самые приятные годы.

– Вы перестали злиться на кузена за его указ? – Дан чуть лукаво улыбнулся, подзадоривая ее.

– Да. – Ева улыбнулась еще шире. – Минут через пять после того, как вы мне о нем сказали. Но пришлось скрыть это и немного поиграть с кузеном, когда он звонил мне час назад.

Дознаватель рассмеялся.

– Надеюсь, ему удалось получить ваше прощение?

– Конечно. – Ева пожала плечами. – Он же сразу привел мне серьезные аргументы. Как он всегда поступает. А еще... он просил меня приглядеть за вами. Как я поняла, здесь, в Северной

столице, все немного поменялось с годами. Князь теряет свою монополию на управление культурной элитой Петербурга. А заодно и на единоличное управление фондами Пушкина. Есть и другие заинтересованные лица.

– А почему надо приглядывать за мной? – удивился Дан.

Ева уже собиралась ответить ему, но тут заметила приближающегося к ним высокого крупного мужчину с гривой темно-каштановых волос. Даже издали нетрудно было определить, что это оборотень. Еще довольно молодой по меркам Волшебного мира. У него были крупные черты лица, огромные, красивые, почти по-кошачьи желтые глаза и очаровательная широкая улыбка. – Ева Куракина! – Вервольф сгреб девушку в свои почти медвежьи объятия. – Королева побрякушек, гроза гробниц!

– Гавр! – Ева звонко чмокнула его в щеку. – Повелитель скальпелей, разоритель огородов! Как же я тебе рада!

– А я тебе! – Гавриил Романов отпустил девушку и, галантно наклонившись, поцеловал ей руку. – Жаль только, что при таких обстоятельствах.

– Сожалею. – В глазах мага тут же вспыхнуло сочувствие. – Ты же был так дружен с Ником... И мне тоже будет его не хватать. Ли передавала приветы и соболезнования.

– Наша красотка Ли. – Гавр вздохнул. – Когда все это закончится, вырвусь в Москву на одну из ее вечеринок. Как тогда на ваших похоронах.

Ева рассмеялась. Каждый из Избранных по традиции бурно отмечает свои первые похороны в мире смертных. Люди, наделенные магией, живут значительно дольше остальных. И скрыть это можно, лишь организовывая свои подложные смерти. Так, Ева вместе с Ли инсценировали катастрофу, в которой обе они впервые погибли для мира смертных.

После официальных и очень трогательных похорон молодая ведьма не удержалась от того, чтобы не затеять бурную вечеринку в честь их возрождения в Волшебном мире. Гавр и Ник тогда были в числе приглашенных.

– Это был последний раз, когда мы виделись все вместе, – чуть грустно заметила она.

Гавр согласно кивнул.

– Простите нас, – обернувшись к дознавателю, покаялась Ева. – Я забыла о правилах приличия. Гавр, знакомься. Это мой напарник, главный дознаватель Тайной Стражи Даниил Нарышкин. Дан, представляю вам моего хорошего друга Гавриила Константиновича Романова, старшего сына князя.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Приятно знать, что делом Ника занимаетесь именно вы, – церемонно ответил оборотень.

– Рад, – в свою очередь ответил чуть иронично Дан, – что здесь хоть кто-то мне рад.

Гавр радостно рассмеялся и чуть хлопнул нового знакомого по плечу. Дознаватель ничуть не удивился и не был раздражен таким жестом. Старший сын князя очаровывал своим добродушием сразу. Для Дана важно было и то, что этот Избранный является другом Евы.

– Как приятно знать, – прозвучал за спиной дознавателя ехидный мужской голос, – что вы все нашли время для радости именно в этот печальный день.

– Константин, – чуть обреченно назвала прибывшего Ева. – Собираетесь присоединиться к нашему веселью?

– Скорее спешу напомнить, – выдал он, теперь уже не скрывая раздражения, – что мой отец все еще ждет вас, с того момента как за вами отправился мой брат. Наверное, его светлость раздумывает сейчас, что так могло задержать вас в дороге.

– Гавр, – не оборачиваясь ко второму сыну светлейшего князя, Дан по-прежнему все внимание уделял лишь оборотню, – приятно знать, что именно вы встретили нас с Евой, чтобы проводить к князю. Ваше дружелюбие и гостеприимство делают честь дому Романовых.

Гавриил с трудом удержался от очередного приступа смеха, он лишь сделал приглашающий жест, указывая направление к кабинету князя. Ева взяла Даниила под руку и незаметно чуть подмигнула ему, выражая благодарность за то, как он поставил на место Константина.

Они пересекли парадную залу, Гавр открыл перед ними дверь, ведущую в длинный коридор. Каблуки Евы громко цокали по паркету, Даниил по ходу осматривал висящие на стенах произведения искусства. Заканчивался коридор еще одной дверью. Массивной, дубовой, украшенной искусной резьбой.

– Отец просил вас зайти к нему перед началом ужина, – сказал оборотень. – Для частной беседы. Я, если можно, оставлю вас.

– Увидимся позже, дорогой, – Ева напоследок послала ему воздушный поцелуй.

Потом они с дознавателем шагнули в кабинет князя. Здесь царил полумрак. Окна были завешены тяжелыми шторами, даже несмотря на то, что на улице и без того уже темнело. Камин, огромный, богато украшенный мозаикой и позолотой, не горел. В середине комнаты стоял круглый стол и несколько высоких кресел с бархатной обивкой. И только на этом столе горела настольная лампа в алом абажуре. Князь при их появлении поднялся с одного из кресел, выпрямился по-военному, чуть склонил голову в скромном поклоне-приветствии. Он был высок, как и все Романовы, худощав, строен. На нем были идеально сшитый черный костюм и белая сорочка. Черный узкий галстук был затянут под самой шеей. Лицо узкое, как и у его младшего сына, волосы темные, чуть выющиеся, пострижены строго и коротко. Умные темные глаза впились в гостей, как два угля. На вид князю было около пятидесяти. На самом деле – сто шестьдесят. И для большинства Избранных Константин Константинович выглядел молодцеватым, пышущим здоровьем и полным сил.

Но только не для Евы. Увидев князя, она с трудом удержалась от возгласа удивления и беспокойства. Маг имела уникальный дар видеть реальный образ людей. И никакие чары, к которым явно прибегал князь, не смогли скрыть от нее его истинный облик. Ева видела перед собой больного несчастного старика. Землистый цвет лица, обвисшая кожа, запавшие глаза, сгорбленная, слишком тощая фигура. И это не горе подкосило его светлость. Князь был болен, возможно, умирал.

Ева понимала, что не сможет спросить его об этом прямо. Потому она взяла себя в руки, стараясь не показать, что видит князя настоящим. К тому же болезнь вряд ли сделала его более мягким и дружелюбным человеком.

– Ваша светлость, – Дан коротко поклонился. – Я, старший дознаватель Тайной Стражи Даниил Нарышкин, послан сюда распоряжением Главы Стражи для разбирательства в обстоятельствах смерти вашего племянника. Ева Куракина, кузина Главы Стражи, лучший маг-артефактор России. Она милостиво согласилась оказать нам честь и стать консультантом в этом деле. Указ Главы по сему поводу был предоставлен вам ранее.

Князь кивнул, принимая официальное представление дознавателя.

– Присядьте, – сухо предложил он и сам первым сел в кресло.

– Константин Константинович, – мягко вступила в разговор Ева, устроившись в другом кресле, которое ей любезно помог придвинуть Дан. – Прежде всего приносим вам свои соболезнования. И от нас лично, и от имени моего кузена Михаила, Главы Стражи.

– Я просил лично Главу Стражи принять участие в расследовании, – ровным официальным тоном ответил князь. – Но если он счел нужным поручить расследование вам, я, конечно, соглашаюсь с его решением.

Даниил отметил, что ему знакомы эти ноты. Так же, вроде бы ровно, но в то же время с каким-то скрытым пренебрежением, говорил с ним князь и ранее, когда Дан приезжал в Петербург много лет назад с отцом. Те же ноты уже сегодня слышал страж в тоне Константина-младшего. Но если в юности высокомерие представителя императорского дома задевало Даниила, то теперь ему не было до этого дела, собственный ранг дознавателя был, возможно, выше, чем нынешнее положение князя.

– Итак, – между тем продолжал Константин Константинович. – Как мне известно, вы уже провели некоторые изыскания?

– Да, – таким же сухим тоном ответил ему Даниил. – Мы быстро установили, что ваш племянник Николай был убит сегодня ночью, где-то после полуночи. По пока не известным нам причинам, он сам привел своего убийцу в фонд Пушкинского Дома, чтобы доказать ему, что там хранится подделка знаменитого перстня известного русского поэта Пушкина. И там же, прямо в зале, Николай был убит неизвестным. Орудие убийства стал обычный огненный шар. – Подделка! – Князь резко дернулся, сел прямо в кресле, хотя до этого момента расслабленно упирался спиной о высокую спинку. – Но это невозможно!

– Предмет не был украден, – мягко, почти вкрадчиво заметила Ева. – Доказать, что это не настоящий артефакт, не составит труда. Возможно, именно перстень был нужен убийце. Но когда он получил доказательства, что обрести желаемое невозможно, в приступе ярости убил Ника. Хотя... Дальнейшие действия преступника говорят о его возможности быстро находить выход из рискованных ситуаций.

– Ева, – Константин Константинович обратил на девушку тяжелый взгляд, – сколько лет ты проработала в моем фонде? И теперь ты вправе говорить о подделках?

И вновь дознаватель отметил неприятный факт, что его светлость больше переживает из-за поддельного перстня, чем по поводу смерти своего племянника.

– Константин Константинович, – тон Евы по-прежнему был спокойным и почти ласковым, – мы с вами оба знаем, что за время моей стажировки лично меня всегда интересовали совершенно иные артефакты. Да, я не единожды выполняла ваши задания в Пушкинском Доме. И всегда, заметьте, всегда они касались малых проклятых артефактов. Вещи поэта вообще никогда не представляли лично для меня интереса. Да и вы, зная об этом, не поручали мне проверку истинности этих предметов. Так зачем мне было проверять тот перстень? И в вашем штате достаточно артефакторов, способных выявить истинность перстня и без меня.

Князь напрягся. Он хотел бы ответить резко. Хотел бы поставить эту девчонку на место. Вот только сейчас именно от нее зависело и расследование обстоятельств смерти Николая, и возможность скрыть факт подделки.

– Я уверен, что вы легко сможете доказать, – в тоне князя появились приказные ноты, – что злоумышленник, убив моего племянника, смог заменить перстень на поддельный.

– Нет, – четко и безапелляционно возразил Дан. – Перстень был подменен в 1917 году на выставке, посвященной очередной памятной дате поэта. Тогда же, насколько я знаю, было похищено и еще одно кольцо, принадлежащее Пушкину. Перстень Воронцовой. Но эти преступления не имеют никакого отношения к дню сегодняшнему.

Князь молчал. Возражать не имело смысла. Приказам эти двое не подчинялись.

– Что-то еще? – надменно спросил его светлость у своих гостей.

– Да, – Ева чуть нахмурилась. – В этом деле есть несколько непонятных моментов. Один из них – тот путь, каким преступник покинул фонд. Ник открыл портал. После его гибели чары развеялись. И убийца ушел через одну из реальностей, открыв проход в комнате работы с артефактами. Как мы все знаем, найти вход в ту комнату может лишь тот, кому приходилось ранее в ней бывать.

Ева тут же вспомнила сегодняшний день, когда она сама показала Дану тайный проход в эту комнату. На самом деле ничего необычного в нем не было. Просто в дальнем зале, где одна из стен была закрыта зеркалами, одно из стекол отъезжало в сторону, открывая проход. Как знала Ева, Избранные переняли этот фокус у смертных. Люди таким образом усовершенствовали самые обычные шкафы, где дверки не распахиваются, а плавно отъезжают в стороны. Шкафы-купе стояли теперь и в квартирах многих Избранных.

И все же в фонде о входе в комнату знали лишь те, кто там работает сейчас или работал ранее.

– Таким образом, Ева, – сказал Константин Константинович, немного подумав, – вы мягко подводите меня к мысли, что убийцу надо искать в моем окружении? Спасибо за такт, но я знаю это.

– И этот кто-то из Высших, – заметил Дан.

Они провели с Евой больше часа в той комнате. След от портала найти было легко. Также маги пытались определить, куда исчез убийца. На том самом месте, где в нашей реальности стоит Пушкинский Дом, в иных параллелях можно найти и небольшую крепость с толстенными стенами, и деревянную избушку. Был в одной из реальностей и небольшой жилой дом с забавными балконами, и даже некая церковь. Все-таки они нашли тот мир, куда сбежал убийца. Там, в той реальности, тоже был подвал. Точнее, винный погреб. След вел туда. Ко времени, когда магам удалось выяснить все обстоятельства побега убийцы, они оба потеряли много сил.

– Что ж, – князь кивнул. – В моем окружении можно найти несколько Высших, кто мог совершить преступление. Мир науки и культуры далеко не так наивен и светел, как полагал Александр Сергеевич. Гений легко совместим со злодейством. Этот мир полон конкуренции.

– А что же такого было в Нике особенного, чтобы его смерть кому-то понадобилась? – спросила Ева. – Это как-то связано с выставкой, которую он готовил?

– Вы уже в курсе? – Казалось, это даже удивило его светлость. – Ну что ж. Тот факт, что я поручил Николаю это дело, говорит о том, что я планировал в будущем передать ему и все остальные свои дела.

– Наследник? – уточнил Дан. – Интересно. Кто еще занимался выставкой? И... Как я понял, это совместный проект?

– Да. – Ева чуть кивнула напарнику. – Ведь участвуют три фонда. Пушкинский Дом, Лицей и дом на Мойке? Так?

– Мы пришли к согласию с нынешним руководством Лицея. – И вновь в голосе князя прозвучали странные нотки пренебрежения. На этот раз в отношении того самого руководства. – Они готовы поддержать мой проект. А дом на Мойке... Это и друзья, и члены семьи. А значит, каждый из них мог... завидовать Николаю.

Даниил понял, что ему окончательно разонравился сидящий напротив Избранный. Более того, дознаватель просто потерял к нему хоть какое-то уважение. Князь только что прямо выказал недоверие ко всем своим родным и близким.

– Как я понимаю, – Ева старалась не выдать своего негодования, которое было вызвано словами князя, – все они сегодня здесь?

Константин Константинович кивнул.

– А что с Мари? – неожиданно сменила Ева тему. – Она и Ник... У этих отношений было будущее?

– Не знаю. – Князь небрежно пожал плечами. – Николай последнее время стал более внимателен к противоположному полу. Конечно, давно пора. Эта его детская влюбленность... – по лицу князя скользнуло явное брезгливое выражение. – Он слишком долго от нее отходил. И теперь, да... Николай много времени проводил с Мари. Но кажется, у него были и другие интересы.

Похоже, эти «интересы» князь не одобрял. Ева кротко кивнула. Больше всего на свете ей хотелось уже прямо сейчас закончить этот разговор и покинуть комнату. И желательно больше никогда не видеть этого злого больного старика. Детской влюбленностью Ника была Ли. И сейчас Еву бесило, что о близкой ее подруге, почти сестре, так пренебрежительно отзывается тот, кто сам не достоин любви и уважения.

– Ваша светлость, – как-то почти небрежно привлек к себе внимание Даниил. – А кто теперь станет вашим наследником?

Ева бросила на напарника быстрый взгляд, полный благодарности. Дан каким-то образом уловил ее настроение. И спас ситуацию.

– Теперь... – Вопрос расстроил князя. – Я разбит и растерян. Николай был идеальным кандидатом. И... Ах! – он всплеснул руками. – Если бы Гавр хоть что-то понимал в науке! Но нет. Кто-то из Георгов? Один еще слишком юный. Другой... эти его зарубежные замашки... Остается Алекс. И наверное, это будет правильным выбором. Надо лишь больше уделить времени его обучению.

Ева хотела спросить о Мари. Кто как не она так знает Пушкинский Дом! Да и по возрасту Мари была следующей в очереди на наследство. Если не считать Константина-младшего... И все же Ева промолчала. Мари – женщина. Наследование невозможно уже по этой причине.

– Ладно. – Между тем князь тяжело поднялся с кресла. – Надеюсь, ваше расследование завершится быстро. Всех нужных людей вы найдете в зале. Я сегодня воздержусь от общения с родными.

– Спасибо за ответы. – Даниил встал, помог подняться своей напарнице. – Мы продолжим работу.

– И последний вопрос, – деловито спросила Ева. – Перстень Волконской. Его Пушкин оставил ей как приз в шуточной лотерее. Кольцо хранилось в Пушкинском Доме. А сейчас?

– В Лицее, – бросил Константин Константинович, поворачиваясь к ним спиной. – Руководство здесь. Разберетесь.

Ева и Даниил покинули кабинет. Дознаватель открыл было рот, собираясь что-то спросить свою напарницу, но девушка приложила палец к губам.

– Здесь у стен большие уши, – тихо предупредила она. – Все после. И, да, никто не собирается облегчать нашу работу. Слугам не помогают.

Даниил лишь усмехнулся и повел свою спутницу обратно в зал.

Когда они вернулись к гостям, было объявлено о решении его светлости не выходить к ужину.

Атмосфера тут же стала свободнее и веселее – официанты накрыли фуршетный стол. По этикету этого дома, пока пища принимается за столом, гости делают перерыв в общении. А теперь все разбилось на малые группки, устроившись с тарелками где кому удобно.

Ева и Дан тоже набрали себе еды и вернулись к камину. Отсюда была видна вся зала.

– Что ж, – деловито начала маг, прожевав крохотный бутерброд, – у нас есть несколько минут. Хочу спросить, Дан, кто в зале знаком вам, а кто еще нуждается в представлении?

– Пока я не видел знакомых лиц, – сообщил ей дознаватель. – Кроме разве что Константина-младшего. Также теперь я знаком с вашим другом Гавром.

– Тогда вкратце постараюсь описать ситуацию, – продолжила Ева, разделившись с салатом в тарелочке, запив ее шампанским. – Дом Романовых многочисленный. Я говорю о тех представителях семьи, что живут в Волшебном мире. Князь Константин Константинович возглавляет императорский дом сегодня прежде всего по возрасту. Ему, как вы знаете, сто шестьдесят лет. К тому же из его девяти детей трое Избранных. Так он еще оказывается и патриархом самой мощной ветви Романовых в нашем мире. Его старший сын Гавриил. Ему чуть больше ста тридцати. Он оборотень, к сожалению своего отца, не Высший. Гавр числится заместителем главы одного из кланов. Но на самом деле является лучшим врачом Петербурга.

– Вот откуда странное ваше шутовское замечание о разорении огородов! – понял Дан.

Ева коротко рассмеялась.

– Он отличный травник, – сказала она. – Составит конкуренцию многим ведьмам. Но не Ли, конечно. Второй сын князя Константин-младший. Его наследник в семье. Но не в делах. Отец прекрасно знает о мерзком характере сына, о его трусости и неумеренности в картах. Но князь гордится тем, что этот сын Высший маг. К тому же Константин-младший так же, как и отец, является магом-клириком.

– Он имеет отношение к делам отца? – Дознаватель слушал ее очень внимательно.

– Он что-то вроде его секретаря, – чуть морщась, сообщила Ева. – А заодно его уши и глаза... Вы понимаете, что я хочу этим сказать.

Страж кивнул.

– И последний сын князя, – Ева аккуратно указала напарнику на некоего молодого человека, – Георгий. Ему всего сто пятнадцать. Он тоже Высший. И что самое интересное, маг-некромант. Даниил с любопытством посмотрел на указанного молодого человека. Георгий был таким же высоким, как и отец. Но молодой маг явно был шире в плечах, чуть массивен, его движения были плавными, текучими. Темные волосы росли густо, как у старшего брата. А вот черты лица были мягкими. Из всех братьев он был наименее симпатичен. Не обладал харизмой Романовых. – Гавр писал как-то, – заметила между тем Ева, – что Георг собираются стать Стражем. Но отец был против. Георг получил историческое образование. Сейчас помогает отцу. Работает в нижних архивах. Но пока ничего серьезного ему не поручают. Он не слишком доволен своей работой.

– Нижние архивы? – удивился дознаватель.

– Отдел по-настоящему проклятых артефактов, – пояснила маг-артефактор. – Предметы, несущие серьезные, чаще всего смертельные, проклятия. Нижние архивы есть в РАН, Эрмитаже и Русском музее. Георг, естественно, трудится в РАН. Там менее рискованно. Самые страшные экспонаты в Эрмитаже.

Даниил счел, что у этого парня есть серьезные мотивы для убийства. Как и возможности. Ни один некромант не прогуливал в Академии занятий по боевой магии. Без этих уроков они не выживают. Но пока он не стал делиться с напарницей своим мнением. Здесь было не место и не время для этого.

– Теперь об остальных членах семьи, которых здесь принято называть племянниками. – Ева чуть развернулась в другую сторону, чтобы ей лучше была видна следующая группа. – Сегодня здесь я вижу лишь еще двоих. Странно, что Мари еще нет. Она была бы третьей. Но пока...

Вообще, сюда вхожи далеко не все Избранные Романовы.

– Князь собрал тех, кого посчитал нужным для нас, – напомнил Дан.

– Согласна. – Ева кивнула. – И вон там Вова. Он настаивает, чтобы его называли только так.

Владимир Красинский. Внебрачный сын известной танцовщицы Кшесинской и одного из великих князей. Красавец! Хотя еще совсем молод. Ему всего чуть больше ста лет.

Указанный ею молодой человек и правда был как-то особенно красив. Поражала его грация, явно унаследованная от матери. Его правильные и выразительные черты лица. Вова предпочитал зачесывать волосы назад, открывая высокий лоб. Благодаря очень пропорциональному сложению и скромной манере одеваться он выглядел особенно привлекательно среди угловатых и чересчур высоких родственников.

– Внешность Вовы обманчива, – с легкой улыбкой сообщила Ева. – Он очень умен и талантлив. У него удивительный дар. Вова способен воссоздать любой эликсир, любое зелье исключительно по его запаху. Он работает в одной из лабораторий РАН. Однако его талант совершенно неинтересен князю. А еще Вова просто обожает женщин. Его светлость считает это верхом легкомыслия.

– Тогда я хотел бы понять, почему князь решил представить его нам, – подумав, сказал Дан. – Да. Как я понял, он Высший. Он из Романовых. Но это ни о чем не говорит!

– Вова по-настоящему дружил с Ником, – ответила ему Ева. – И нам точно надо будет с ним пообщаться.

Страж согласно кивнул.

– О! – оживилась между тем Ева. – Вот и Мари. Она бы никогда не осмелилась нарушить приказ князя. Она несчастна, она в трауре, она пережила трагедию. Но все равно она здесь. Даниил посмотрел на свою напарницу удивленно. В тоне девушки явно проступали насмешливые, пусть и незлые ноты.

– Я не понимаю таких женщин, – честно объяснила маг-артефактор. – Никогда Мари не восстала бы против его светлости. Она... как мышь. Тихая и безответная. И все ради чего?

– Возможно, у этой женщины просто нет вашего железного стержня, Ева, – заметил страж. Он смотрел на полноватую, фигуристую женщину в конце зала. Мари была одета в черное. И это угнетало. Потому что траур ужасно не шел к ее смугловатой коже и черным выющимся волосам, которые были убраны в тяжелый неряшливый узел на затылке. Мари казалась какой-то несуразной.

– У этой женщины просто титановый стержень, – возразила Стражу маг. – Уж поверьте.

Столько лет безропотно работать в фонде, выполнять любую прихоть князя. Мари сильнейшая ведьма. Она запросто могла бы возглавить любой ковен. И она реально любит науку.

– Тогда почему? – удивился Дан.

– Причин несколько, – нехотя заговорила девушка после некоторой паузы. И тон ее звучал уже иначе. Она не любила Мари, но в чем-то понимала. – Вова и второй Георг, он стоит сейчас рядом с Гавром – не успела вам о нем сказать – так вот, они внуки Александра Третьего. Они самостоятельны. Князь их держит при себе, но не имеет над ними власти. Мари – правнучка Александра Второго. Она более близкая родственница его светлости. И единственная с той ветви семьи. Она женщина. Здесь нет никого, кто мог бы ее поддержать. К тому же Мари долго пробыла за границей. Она тут чужая. А еще... Ник. Она старше его на тридцать лет. Была. И после двух ее неудачных браков... Это любовь. Причем безответная. Ради того, чтобы быть с ним, Мари готова была на многое.

Последняя фраза была сказана с некоторой горечью. Даниил не мог этого не отметить.

– У вас какая-то личная к ней неприязнь, не так ли? – все-таки спросил он. – Это связано именно с Ником. Простите, но этого невозможно не заметить.

– Да. – Ева печально улыбнулась. – Я не слишком это и скрываю. Вы уже знаете, как я дорожу своими близкими: Марси, Магнусом, Киром, и, конечно, Ли. Тогда подруга приехала ко мне сюда, в Петербург. И встретила здесь Ника. Мы с ним лишь дружили. А она... У них был красивый роман. И возможно, это могло закончиться браком. Но Мари... Она просто донесла князю. Просто вылила на Ли ушат помоев, очернив ее в глазах Константина Константиновича. И все. Красивая любовь была просто запрещена. Ли унизили, Ника наказали. Мари надеялась его утешить. Но... он не дурак.

– Вот о какой детской влюбленности он говорил сегодня, – Даниил поморщился.

– Князь нашел способ немного уколоть меня, – усмехнулась Ева. – Но разве это что-то меняет? Николай так и не забыл Ли. Мари проиграла. А теперь его просто нет.

Они помолчали. Даниил уже собирался извиниться за свои расспросы, когда его напарница повернулась к нему с самым деловым видом.

– Наше время истекло, – сказала она с веселой усмешкой. – Пора работать. И... кормят тут слишком мало. Потом обязательно вырвемся в приличный ресторан.

– Я явно должен вам за несколько историй, – в тон ответил ей Страж. – С меня ужин. А что теперь?

– Поговорим с Вовой и... там еще кто-то прибыл, надо посмотреть. – Ева наблюдала за группой Избранных, входящих в гостиную. – Начинаем наш светский раут, Дан. Идемте!

– Наш выход, – ехидно объявил он и церемонно предложил своей даме руку.

Как ни странно, пока они старались добраться до новых гостей дома Романовых, первым их остановил молодой человек, который еще ранее пытался подавать Еве знаки через зал.

– Ева Куракина! – он чуть поклонился, улыбаясь во весь рот. – Я до сих пор не могу поверить, что это ты!

– Алекс! – Ева тоже чуть улыбнулась в ответ.

Ее реакция была довольно сдержанной. Ева не слишком хотела видеть этого знакомого. Но явной холодности или неприязни в ее голосе тоже не было.

– Даниил, – тут же обратилась она к своему спутнику. – Знакомьтесь, это Александр Адольф фон Меринберг.

Молодой человек был ровесником Дана. Он был не так высок, как Романовы, смугл, кудряв. У него были довольно резкие черты лица, какие-то светло-каштановые волосы и почти черные глаза. Сочетание довольно экзотичное. Сам Александр, казалось, нервничал, не мог устоять на месте.

– Рад знакомству, – спокойно сказал ему Дан. – Я дознаватель Тайной Стражи, Даниил Нарышкин.

– А еще он мой друг, – как-то особенно подчеркнув слово «друг», добавила Ева специально для Александра.

– Нарышкин? – Брови Алекса тут же взлетели вверх. – Здесь? Удивительно, Ева. А как поживаете? Какими судьбами?

– Я помогаю Дану. – Ева плотнее придвинулась к своему спутнику. – Он расследует обстоятельства смерти Ника. По указу моего кузена я работаю с ним. И по просьбе самого Дана, конечно.

– Я не справился бы без вас, – с искренней благодарностью, глядя на напарницу, признался Страж.

– Как мило. – Улыбка окончательно пропала с лица Алекса. – Ник... Да. Это ужасно. Но это все политика. Или его женщины.

– Женщины? – Ева позволила себе удивиться.

– Конечно, – тут же с жаром начал развивать тему Алекс. – И эта Мари, которая вечно за ним таскается, да еще и это его новое увлечение. Как же Ника всегда тянуло к ведьмам!

Ева чуть нахмурилась.

– Прости, Алекс, – довольно сухо прервала она его. – Нас ждут дела. Его светлость просил не тянуть с расследованием.

И, не дожидаясь ответа, девушка повела своего спутника дальше, к группе новоприбывших.

– Он по-прежнему ужасен, – заметила она, не глядя на Дана. – И это новый наследник князя!

– И вы ему не рады, – прокомментировал очевидное дознаватель.

– К сожалению, – она чуть виновато улыбнулась. – Простите, Дан. Я воспользовалась вашим... доверием. Мое замечание было двусмысленно.

Впервые за весь вечер Даниил улыбнулся по-настоящему открыто и весело.

– Всегда к вашим услугам, дорогая. – Он чуть приобнял ее за талию, пока они обходили стол и официантов, планирующих смену блюд. – Надеюсь, мне удалось подыграть вам. Но...

Ева как-то смущенно посмотрела на него после этого «но».

– Если что, с вас такая же ответная услуга! – закончил он.

Девушка тихо рассмеялась. Их легкий флирт снизил неприятное впечатление от последней встречи.

– Я уже вижу, – сказала она. – Пришли сотрудники фонда. Несколько Избранных. О! Вижу графа Шереметева. Павел Сергеевич сейчас возглавляет фонд Музея на Мойке. И...

– Волконские! – Дан выглядел как-то по-детски счастливым, будто получил неожиданный приятный подарок.

Он тут же схватил Еву за руку и стал быстрее пробираться к новым гостям. И те уже заметили Стража и его спутницу. Они также спешили навстречу.

– Даниил! – Плотный рыжеватый мужчина с открытым круглым лицом уже хлопал дознавателя по плечу.

Они обнялись, радостно улыбаясь. Тут же к ним подбежал и второй представитель семьи Волконских. Он был очень похож на брата, только чуть выше и худее.

– Ты в Петербурге? – удивленно заметил он Стражу, долго и крепко пожимая ему руку. – Это сюрприз!

– Да еще встретить тебя здесь! – добавил первый.

– Я по делу. – Улыбка и тон Дана совсем не соответствовали словам. – И... простите, моя напарница...

– Ева Куракина! – почти хором провозгласили Волконские. И тут же протянули к ней руки, готовя партию объятий уже для девушки.

– Петр! Григорий! – каждого Ева одарила поцелуем в щеку. – Приятный сюрприз. Хотя я обязана была догадаться, что встречу вас здесь сегодня.

– А... да. – Петр, старший из братьев, тут же чуть печально закивал. – Ник... Так ужасно. Мы пришли с соболезнаваниями семье.

– Такой молодой, – продолжил за него младший брат Григорий. – И... так, Дан? Ты ведешь это дело? Потому ты в Петербурге?

– Все верно, – согласился дознаватель уже серьезно. – Его убили в фонде Пушкинского Дома.

– Это как-то связано с выставкой? – братья тревожно переглянулись.

– Скорее с неким артефактом, – Дан понизил голос.

– И потому с тобой Ева, – догадался Петр.

– У меня теперь официальная должность консультанта Стражи, – поделилась она. – Но... тут не место для обсуждения дел.

– Конечно, – согласился Волконский-старший. – Артефакт? Связанный с Пушкинским Домом? Что-то ценное?

– Перстень Пушкина, – еще тише заметил Дан. – И это надо будет обсудить.

– Как-то это странно. – Григорий нахмурился. – Это не слишком и ценная вещь. Да и Ник... Как он мог быть с этим всем связан? Ты прав, надо обсудить это... где-то в другом месте.

– Давайте завтра к нам на обед? – предложил Петр. – Будем вам рады. Ева, только для тебя попросим приготовить лучшую в Северной столице солянку.

– И пожарские котлеты! – тут же с улыбкой заказала девушка. – Тогда соглашусь.

– Она такая хрупкая, – поделился Волконский-младший с Даном. – Но всегда готова вкусно поесть.

– Знаю, – усмехнулся он, чуть подмигнув своей напарнице. – И мы будем рады прийти. И за обедом, и по долгу службы.

– Договорились, – серьезно сказал Петр. – А сейчас надо найти Константина-младшего. Засвидетельствовать почтение и прочее. Хорошо, мы Гавра встретили первым.

Они еще раз пожали друг другу руки, уточнили время визита и разошлись.

– Вон там, совсем рядом, Вова и Георг Брасов. – Ева за руку повела Дана к следующей группе людей. – С ними и Шереметев.

– Было бы неплохо, – заметил Дан, – договориться и о встрече с Вовой отдельно. Я пока составлю знакомство с графом. Согласны?

– Отличная мысль! – Ева чуть улыбнулась. – Если честно, я устала от этого бесконечного и хлопотного дня. Но позову на встречу и Георга. Он тоже дружил с Ником.

– А еще князь рассматривает его как одну из возможных кандидатур в наследники, – напомнил дознаватель.

Они подошли к Романовым и Шереметеву. Даниил достаточно быстро представился, как бы невзначай отвел в сторону графа.

– Ева! – Вова аккуратно обнял девушку. – Новый аромат? Тебе так идет запах луговых трав! И еще... такая интересная нотка... ладан?

– Ох, – девушка чуть смутилась. – Это не составляющая духов. Представляешь, все еще не выветрилось. Искала кое-какие ингредиенты в подарок Ли.

– Она в порядке? – На лице Вовы тут же вспыхнула искренняя тревога. – Я был в Москве на прошлой неделе. Знаю о Марси, о твоей поездке во Францию. Столько волнений. А тут еще Ник... Я до сих пор в себя не могу прийти.

– Он ведь был вчера вечером у меня, – заметил Георгий и в свою очередь, поцеловал Еву руку. – Если бы я знал... Ужасно. Но тебя я всегда рад видеть. А этот молодой человек с тобой? У него браслет Стража.

– Это Дан Нарышкин. – Ева нашла своего напарника взглядом. Тот говорил с графом, почему-то хмурился и, похоже, нервничал. – Он мой друг и теперь еще и коллега. И нам надо было бы поговорить с вами о Нике.

– Конечно! – Вова тут же решительно кивнул головой. – Нарышкин? И как князь это проглотил? Да еще и ты с ним! Сможем увидаться завтра с утра?

– Хорошая идея, – согласилась Ева.

– Предлагаю наше старое место. – Георгий улыбнулся. – Тем более что Летний сад еще открыт.

– Почему бы и нет. – Маг-артефактор послала ему улыбку. – А в чем дело? Алекс тоже пытался мне что-то сказать... Почему всех так тревожит принадлежность Дана к Нарышкиным?

– Ты же не в курсе! – Георгий выглядел чуть виноватым. – Мы даже не подумали тебе написать. Теперь Александровский лицей курирует...

Он не успел договорить, зал потряс визг. Настоящий ведьмин визг. Ева вздрогнула, обернулась на звук. Невольно она выставила вперед левую руку, где под перчаткой был спрятан браслет Магнуса.

Но опасности не было. Просто через всю залу именно к ней, к Еве, почти бежала на высоченных шпильках высокая девушка с гривой цыганских волос, разметавшихся по плечам, и потрясающе бледной кожей. Дама была одета в обтягивающее красное платье с огромным декольте, открывающим плечи и большую часть груди, на подоле красовался разрез до середины бедра. На любой другой женщине этот наряд выглядел бы вульгарно. Но эта ведьма умела носить его так, что платье смотрелось естественно.

Даниил, услышав визг, тут же поспешил к своей напарнице, не зная, чем ей грозит встреча с этой яркой и немного хищной незнакомкой.

– Ева...

– Держитесь за моей спиной, – успела шепнуть ему маг-артефактор и приготовилась к встрече с ведьмой.

– Софи! – Ева обняла женщину в красном, аккуратно поцеловала ее в щеку. – Ты здесь?

– О да! Дорогая! – Ведьма тоже наградила мага звонким поцелуем. – И на своих выгодных условиях! И как же приятно снова видеть тебя! Хотя... Ник...

Ведьма тут же быстро захлопала ресницами, явно прогоняя слезы.

– Не знала, что вы так дружны, – удивилась Ева.

– Очень... были, – трагично заявила Софи. – А еще выставка! Все так нехоти. И так печально!

– Выставка? – Ева удивилась еще больше. – Ты тоже принимаешь участие в организации?

– Конечно! – Теперь на лице ведьмы проявился какой-то зловещий триумф. – Тут много нового, Ева. По-настоящему! Все очень меняется.

Это звучало интригующе.

– Хотелось бы узнать подробнее, – чуть холодно заметила маг-артефактор. – Тем более я помогаю Стражу с расследованием смерти Ника.

– Помогает? – Теперь удивилась Софи и как бы случайно обратила взгляд на стоящего позади Евы Дана. – Как я понимаю, этот шикарный мужчина приехал с тобой? Познакомишь?

Маг-артефактор чуть обернулась к своему напарнику. Он выглядел встревоженным явным чисто женским интересом, проявленным к нему Софи. А ведьма, не стесняясь, его рассматривала.

– Даниил Нарышкин, – представила его Ева. – Мой напарник и друг.

И вновь слово «друг» прозвучало очень значительно, вернее, почти откровенно двусмысленно.

– Нарышкин? – повторила Софи все тем же странным интригующим тоном. – Какой сюрприз.

– Софи Данилевская, – представила маг-артефактор ведьму. – Моя давняя приятельница. И бывшая соседка по квартире.

– Это может быть очень приятное знакомство, – проворковала Софи, не сводя с Даниила взгляда.

В ответ дознаватель лишь коротко поклонился. Ева как бы невзначай сделала шаг назад, чуть прислонившись к плечу Стража.

– Даниил, как я уже сказала, мой друг. – Теперь в ее тоне слышалось некое предупреждение. – И мы оба будем рады услышать твои новости, Софи. Тем более я вижу, ты готова поделиться информацией.

– Так нужной для нашего расследования, – дополнил Дан с вежливой улыбкой.

– Всегда рада сотрудничать как с Евой, так и с таким интересным представителем Стражи. – Казалось, ведьма пропустила все намеки приятельницы мимо ушей. – Тем более когда он из рода моей покровительницы!

Ева почувствовала, как Даниил напрягся. Хотя эта тревога и не отразилась на его лице.

– Приятно, когда Избранные так спешат сотрудничать со Стражей, – с легкой иронией заметил он. – Вам, как я понял, есть что рассказать об убитом? И о вашем совместном проекте? Вы же тоже, как уже спросила Ева, участвуете в организации выставки?

– Конечно, – кажется, его тон немного остудил интерес Софи. – На правах директора фонда Лицея я принимаю в подготовке к выставке активное участие.

– Ты директор Лицея? – Ева не смогла скрыть удивления. – Какая замечательная новость! Но как...

– Как мне это удалось? – Софи теперь одарила приятельницу чуть холодноватой улыбкой. – Благодаря Нарышкиным, конечно!

Ева нахмурилась.

– Я все расскажу тебе, дорогая, – ядовито пообещала ведьма. – Как и твоему другу. Мы будем рады видеть вас завтра, Даниил, Ева. К полудню вас устроит?

И она назвала адрес. Ева чувствовала, что тревога Дана нарастает.

– Отлично, – между тем почти будничным тоном ответил он Софи. – Мы обязательно нанесем этот визит вежливости. А заодно обсудим с вами все интересующие нас вопросы.

Софи по-кошачьи фыркнула. То ли рассердившись, то ли пытаясь скрыть смех.

– Приятно будет поболтать, Софи, – улыбаясь чуть иронично, добавила Ева. – А сейчас... У меня сегодня слишком насыщенный день. Сейчас вновь пригласят к столу и...

– Самое время откланяться, – закончил за нее Дан. Он тут же положил ладонь на талию напарницы, будто чуть разворачивая ее к двери.

– Ужасно много людей, – пробормотала девушка, когда они наконец-то покинули зал.

– Половина из них смешит, а вторая откровенно пугает, – дружески поделился Дан впечатлениями. – И... спасибо, Ева. Вы настоящий напарник. Эта Софи...

Ева посмотрела на него с некоторым сочувствием, а потом рассмеялась.

Ночь с 1 на 2 сентября. Гостиница в Санкт-Петербурге

Они так и не попали в ресторан. Ева честно предупредила, что просто не выдержит посещение еще хоть какого-то места, где много людей или Избранных.

Ужинали они в номере люкс одного из отелей. Его специально для гостей из столицы сняли местные Стражи. Коллеги Дана помогли и с заказом еды в номер. Теперь, избавившись от дорогих и пышных нарядов, дознаватель и маг-артефактор спокойно ужинали в своей небольшой, но уютной гостиной. Их номер располагался на верхнем этаже здания. Две спальни соединялись вот этой общей комнатой, из окон которой открывался потрясающий вид на огни города и Неву.

Ева облачилась в обычные синие джинсы и белую рубашку с короткими рукавами. Дан предпочел черную простую футболку и темные джинсы. Их внешний вид весьма подходил к заказанной пище.

– Неожиданный выбор на сегодня, – заметил дознаватель, раскладывая на столике одноразовые тарелки и вилки.

– Удон, пицца и шаурма! – перечислила Ева их меню. – После пафосных визитов самый лучший выбор.

– Только в Петербурге ее называют шаверма, – улыбаясь, поправил напарницу Дан. – В этом городе у многих вещей иные названия.

– Ну да, – усмехнулась Ева. – Пончики тут называют пышками. Подъезды парадными.

– Бордюры поребриками, – продолжил список страж. – Ковены армадами.

– А иные реальности – параллелями, – закончила девушка. – Приятного аппетита, Дан.

Они принялись за еду и некоторое время уютно молчали. Когда первый голод был утолен, дознаватель с сожалением вернулся к делам.

– Сегодня на самом деле очень насыщенный день, – сказал он. – И это дело... какое-то мутное. Слишком много слов, когда на самом деле ничего и не сказано.

– И в то же время какая-то картина уже складывается, – заметила Ева. – Только чем больше я вижу, тем больше у меня возникает вопросов. Давайте попробуем сложить начальную мозаику.

– Было бы неплохо, – согласился Даниил. – Вина?

Ева кивнула.

– Как я поняла, – начала она, – за те пятьдесят лет, что я не была в Петербурге, тут многое изменилось в делах культурных. Вернее, в политике, прикрытой культурой.

– Вы не были в этом городе целых пятьдесят лет? – удивился Дан. – С тех пор, как вернулись с той злополучной практики?

– По сути, да. – Девушка чуть улыбнулась. – Я была сыта по горло Петербургом. Там, дома, в Москве, все течет и изменяется. Всегда и быстро. За это я и люблю столицу. А здесь... Иногда мне кажется, что все застыло в рамках и правилах пушкинской поры. По крайней мере, в литературно-художественных и научных кругах Избранных. Все слишком традиционно.

– Согласен. – Дан протянул ей бокал красного сухого вина. – Я приезжал сюда в командировки не единожды. И да, всегда эти церемонии, закулисные игры, дворцовые интриги. Москва проще.

– Но все-таки здесь многое изменилось, – напомнила Ева. – И прежде всего изменился дом Романовых и сферы его влияния. С этого и начнем. Скажите, Дан, какое впечатление произвел на вас князь? Чисто внешне?

– В целом он выглядит на свой возраст, – чуть пожал плечами дознаватель. – Бодр, полон сил. Даже немного удивляет факт такого раннего выбора наследника и разговоры о передаче дел. Он более ста лет возглавляет фонд. Это его детище.

– Вот! – Ева отсалютовала ему бокалом. – Это иллюзия, Дан. И это очень важно в нашем деле. Я благодаря своему дару увидела его совсем другим. Князь болен. Возможно, умирает. Магия позволяет ему скрывать свое истинное состояние, но... Конечно, по меркам нашего мира Константин Константинович не слишком и стар. Он даже моложе моего кузена, я уж не говорю о Кире! Видимо, дело в крови Романовых. Их стремление к чистоте крови, браки с сестрами своих же матерей или с племянницами... Это сгубило смертную часть рода, это губит и Избранных.

– Или что-то еще, – задумчиво отметил Дан. – И Константин-младший, и третий сын, Георг, выглядят очень здоровыми. Не говорю уже про Гавра.

– Вы подозреваете, что кто-то может влиять на князя? – встревожилась Ева. – Яд или проклятие?

– Я не могу утверждать это на сто процентов, но... – Он пожал плечами. – Пока не буду исключать такую возможность.

– Вы правы, – подумав, согласилась с ним маг. – Особенно в контексте нашего дела. Итак, князь болен. Он назначает наследника. Он явно выпускает из рук бразды правления и домом Романовых, и культурной элитой Петербурга. Пушкинский Дом пока за ним. Волконские всегда поддерживали князя. А вот Лицей... Назначение Софи... Простите, это нонсенс.

– Кто она такая? – чуть поморщившись, спросил Дан.

Ему слишком не понравилась эта ведьма, смотревшая на него, как голодная собака на кусок мяса.

– София Данилевская, – стала объяснять Ева. – Ведьма-одиночка. Довольно сильная. Высшая. Она... наверное, просто больна.

Дан не удержался от кривой усмешки.

– Да, – чуть грустно подтвердила маг. – К сожалению, этого трудно не заметить. Но на это есть весьма печальная причина. Блокада Ленинграда. Вы наверняка знаете, Дан, что во время войны другие реальности были запечатаны. Софи голодала с остальными. И... еще пыталась лечить здесь смертных. Она спасла множество жизней. Зная, что сможет дольше людей продержаться без пищи, она делилась с ними пайком. С детьми. Это здорово сказалось на ее здоровье и внешности. Потом ее лечили, помогли чарами. Использовали даже эликсир философского камня. А это... последствия.

– Жутко все это, – уже другим тоном заметил дознаватель. – Но ее психика... дело даже не в ее отношении к мужчинам. Эти смены настроений... нервность.

– Истеричность, – поправила его Ева. – Это последствия. А еще... Это традиционный мир Петербурга. Софи одаренная ведьма, всегда мечтающая что-то значить в мире науки и культуры. Но она, как и Мари, женщина...

Дан понимающе и чуть сочувственно кивнул.

– Что до ее отношения к мужчинам... – Его напарница чуть нахмурилась. – Это следствие нескольких лет, когда она была лишена привлекательности. Или... Не знаю, но это явно

болезненное проявление. Потому я и предупредила вас держаться за мной. Простите, что опять была вынуждена представить вас как... своего мужчину.

– Мне это льстит, – чуть смущенно признался Дан. – Пожалуйста, не извиняйтесь.

Теперь засмушалась Ева.

– Но давайте вернемся к нашей теме, – спас ситуацию Страж. – Мы оба понимаем, что Софи никак не могла возглавить фонд Лицея. И все же...

– Она правнучка Александра Сергеевича Пушкина, – заметила маг. – И это многое значит. Это дает ей некое право. Особенно в некоторой внутривластной игре, которую мы тут наблюдаем. Только... Простите, Дан. Что это за странные намеки? Сначала мой кузен просит помочь вам. Потом всех так настораживает ваше отношение к дому Нарышкиных. И еще, когда вы говорили с Шереметевым, вы явно были встревожены. И конечно, то странное высказывание Софи, что ее покровители как раз и есть Нарышкины.

Страж тяжело вздохнул, отставил бокал и устало провел рукой по волосам.

– Я все объясню, – пообещал он. – Вы правильно заметили, тут, в Петербурге, все изменилось. А еще ранее вы говорили о том, что Романовых больше – не только те, кто был сегодня в доме князя. Есть еще и некая Наталья Романова.

– Наталья? – Ева нахмурилась. – Странное имя для этой семьи.

– Ну, – Дан невесело усмехнулся, – зато оно более подходит к фамилии Нарышкина.

– Наталья Нарышкина... – Его напарница удивленно подняла брови. – Так звали мать Петра Первого.

– И то же имя получила его сестра, – продолжил рассказ дознаватель. – Все привыкли, что в Волшебном мире мой род известен благодаря моему деду, обычному Избранному, который смог прекратить междоусобицу вражду.

– Мне это хорошо известно, – Ева кивнула, давая понять, что искренне уважает заслуги Нарышкиных.

– Но мой дед не первый из Избранных в нашем роду, – Дан чуть помолчал. – По сути, она Романова. Но... они давно что-то не поделили с императорским домом. И еще в прошлом веке бабушка... хотя так назвать ее очень сложно... она взяла фамилию матери. Вернулась в свой род. Так она тогда заявила. Но вот права и власть у нее остались. В том числе и влияние на Романовых. Все-таки любимая сестра первого императора.

– Вот в чем дело. – Ева нахмурилась. – И вот кто стоит по другую сторону баррикад в нашем деле. Как я поняла, вы не слишком с ней ладите?

– Она была недовольна, когда Москва стала столицей. – Дознаватель, казалось, вернулся в свое спокойное расположение духа. – И была против, когда дед настоял на переводе Волшебного правительства туда. Наталья привыкла к власти. Переезжать бабушка не собиралась. Для нее столицей был город ее брата Петра. Так наш род, можно сказать, раскололся. Я виделся с ней не единожды. В целом мы... поддерживаем чисто деловые дипломатические отношения. Но никто не знает, что Наталья придумает или изменит завтра.

– То есть? – не поняла маг.

– Много лет она поддерживала любовь давно умершего брата к Российскому флоту, – рассказывал Дан. – И к армии. Наталья любила войну. Потом вдруг изменила интересы, стала курировать науку. Хотя политика всегда волновала ее. Так, она долго имела влияние на Петербургскую Стражу. А как раз лет сорок-пятьдесят назад увлеклась культурой.

– Скорее уж она решила не расставаться с политикой, – предположила Ева. – Она просто решила соперничать с князем. В самом доме Романовых. А заодно и в его фондах. Теперь Лицей под ее патронажем. И Софи – это просто ее марионетка.

– Очень похоже, – согласился Страж. – Наталья капризна и властна. К тому же когда-то она увлекалась театром. Некоторая манерность и... то, что вы назвали истеричностью, у нее тоже есть. Но еще и острый и коварный ум.

– И теперь она хочет дом Романовых, – закончила маг. – Князь болен. Наследник убит. Мне все это не нравится... И еще этот перстень... К чему он во всей этой истории?

– Меня вообще больше всего интересует вопрос, – в ответ заявил чуть насмешливо дознаватель:

– К чему тут Пушкин? И в нашем деле, и в доме Романовых в целом? Откуда такая страсть к этому поэту? Его вещам, памяти? Я вот больше Гоголя люблю. Пусть он стихи и не писал, но вот истории его очень впечатляют, да и пьесы.

Ева рассмеялась.

– А я уважаю творчество Достоевского, – подхватила она. – Да и Толстой – великий русский писатель... Но дело не в этом. Александр Сергеевич Пушкин все-таки многое сделал для развития литературы и языка. Нельзя относиться к нему только как к великому поэту. Но опять же все эти заслуги могли, как это иногда бывает, остаться и незамеченными. Если бы не тот факт, что Пушкин учился как раз в том самом Лицее. Был в первом его выпуске... А с какой целью вообще открывали Лицей?

– Для обучения дворянских отпрысков, – пожал плечами Дан, озвучивая общеизвестный факт.

– И младших князей дома Романовых, – дополнила Ева. – Николая и Михаила. Но все же поэт так и не стал одноклассником будущего царя. Хотя, видимо, где-то они пересекались в годы молодые. Николай хорошо знал Пушкина, любил его творчество. Император спасал поэта не единожды. Ссылка вместо тюрьмы, смягчение наказания за «Гаврииаду», и полная оплата долгов поэта после его смерти, и огромная по тем временам сумма, выделенная на содержание семьи.

– Значит, – подумав, решил Страж, – будем считать, они дружили.

– И прибавим еще такой нюанс, – продолжила маг. – Пушкин, будучи при смерти, получает прощальную записку от царя, где тот обещает взять на себя полную заботу о жене и детях поэта. Ладно, выплатил долги, ладно, выдал содержание. Но еще были напечатаны и все произведения Пушкина. За казенный счет!

– Вот откуда пошла слава Пушкина! – догадался Дан. – И потому дом Романовых в лице его светлости до сих пор использует эту тему. И в роду Пушкина были Избранные...

– Он же гений, – подтвердила Ева. – Вы знаете, гении – это те дети, кто не принял каких-либо определенных магических способностей. А их потенциальная сила ушла в творчество. Вероятность рождения Избранных от таких людей очень велика. И мы видим Софи – наследницу поэта, а есть еще и Александр Адольф.

– Новый наследник, – тут же догадался Страж. – Вот почему именно он.

– В этом смысле Алекс просто находка для князя, – несколько цинично заметила Ева. – Он правнук Пушкина по линии отца. А мать его была княжной императорской крови, дочь Александра Второго. А еще он просто помешан на науке.

– Идеальный кандидат! – согласился Дан. – Тогда почему вначале был выбран ваш друг Николай?

– В чем нельзя упрекнуть его светлость, так это в пренебрежении даром, – серьезно объяснила маг. – Как бы он на самом деле ни относился к Избранному, но магический талант князь ценит. Особенно если этот дар применим в деле жизни самого князя.

– Тогда у этого Алекса очень неплохой мотив, – заметил Страж. – Еще все-таки я бы не скидывал со счетов Константина-младшего. Дом Романовых – это не фонд, полный артефактов. Для игрока важны большие деньги.

– Тогда, как мне ни было бы неприятно это говорить, – продолжила Ева, – не будем забывать и о Георге, третьем сыне. Он еще возможный запасной наследник, как и второй Георг, который Брасов.

– Он, между прочим, был другом убитого, – напомнил Дан. – Легко мог осуществить свой план. Только вот его мотив мне непонятен пока.

– А мне по-прежнему непонятна роль этого перстня. – Ева нахмурилась. – Перед нами чисто политическая игра. При чем тут этот надуманный артефакт? И только ли этот перстень интересовал преступника? Неужели кто-то из императорского дома или из культурной элиты Петербурга может верить в некую удачу или там еще какое-то улучшение благополучия, которое принесут кольца?

– Уж скорее, – весело усмехнулся Дан, – это как у Толкиена. Кольца власти! По крайней мере, в императорском доме и их фондах.

– Возможно... – задумчиво протянула его напарница.

2 сентября, 10.00. Санкт-Петербург, Летний сад

Утро выдалось чуть прохладным. Ева была рада, что выбрала для прогулки такой наряд. Она была одета в длинную, почти до лодыжек, темно-зеленую юбку с большими складками, такого

же цвета приталенный пиджак и белую блузку. Волосы сегодня она убрала в кичку, закрепленную декоративной спицей, конец которой, высывающийся из прически, был украшен нефритом.

Даниил мог себе позволить более неформальный вид для сегодняшних приемов. Потому он выбрал вельветовые темно-серые брюки, футболку в тон и кожаную куртку, ту самую, в которой он был днем ранее на лекции у своей напарницы.

Они прибыли порталом на условленное место и теперь неторопливо шли вдоль высокой кованной ограды Летнего сада. А у входа их уже ждали. К Вове Красинскому и Георгу Брасову присоединился и Гавр. Он первым заметил москвичей, приветливо замахал руками.

– Гавр! – как всегда обрадовалась, увидев его, Ева.

– Прошу меня простить, – чуть церемонно поклонившись ей и пожимая руку Дану, произнес оборотень. – Я напросился незванным. Но вероятно, это будет единственная возможность хоть немного пообщаться.

– Рад новой встрече, – довольно искренне заметил дознаватель.

Он успел пожать руку Вове, теперь смотрел на Георга чуть удивленно. Этот молодой человек держал в руках пятилитровый бидон, каких Страж не видел, наверное, лет сорок.

– Не удивляйтесь, – весело сказал Георг. – Это кофе с молоком. А у Гавра целая коробка пышек. Ева не говорила, что это наш нормальный завтрак в Летнем саду?

– Но я же не знала, что вы решите полностью соблюсти традицию! – откликнулась Ева. – Пойдем уже!

Вся группа Избранных быстро прошла в ворота сада, свернула на одну из боковых дорожек, и за первым же поворотом... идущий первым Гавр шагнул прямо в небольшой просвет в кустах. Даниил почувствовал легкий выброс силы. А когда он прошел вслед за остальными, оказался совсем в другом месте.

Они перескочили в иную реальность. И в этом мире на месте сада был лес. Настоящий, густой, дремучий. Поляна была залита солнцем. Высокая трава пестрела мелкими ароматными цветами. Пахло уже ушедшим в мире смертных летом и медом. Кругом шелестели великаны-деревья. Пели птицы.

– Это поразительно, – искренне признал дознаватель, оглядываясь.

– Просто магия, – лукаво усмехнулась Ева и протянула ему самый настоящий граненый стакан, наполненный кофе с молоком. – Пышки берите, пока есть.

– Да, – Страж по-мальчишески широко улыбался. – Вот это настоящее волшебство!

Так они мирно завтракали, перекидываясь шутками, пустыми фразами, наслаждаясь тишиной и спокойствием необычного утра.

– Вот и Ника помянули как следует, – заметил Гавр с чуть печальной улыбкой. – Это ведь он открыл это место. Показал мне. Наше маленькое тайное укрытие.

– Вы все дружили? – сочувственно спросил Дан.

– Да, – ответил ему Вова. – Что удивительно для нашей семьи. По крайней мере, было удивительно до некоторых пор.

– До некоторых пор? – переспросила тут же Ева. – Я не могла не заметить перемен... здесь. В доме, в фондах. В семье тоже что-то изменилось?

– О! Да! – усмехнулся Гавр. – Знаешь, Ева, с появлением новых членов семьи... вернее, одной новой... Простите, Даниил. Она вам тоже родственница. Так вот, с появлением Натальи изменилось слишком многое. И нам есть за что ее благодарить.

Ева и Дан переглянулись.

– Я знаком с кузиной. – Последнее слово дознаватель произнес с иронией. – Ее мало кто находит приятной. И благодарят ее редко.

Все трое Романовых понимающе усмехнулись.

– В этом плане мы все не можем не согласиться, – заметил Георг. – Наталья... удивительно конфликтна. Но главное, похоже, самодостаточна. И все же. С ее появлением все мы научились ценить семью.

Дан и Ева снова переглянулись. Сначала оба подумали, что «кузина» Дана смогла перетянуть на свою сторону многих в доме князя. Но теперь становилось понятно, что этого не произошло.

– Мой отец, – уже более серьезно заговорил Гавр, – человек непростой. Конечно, я понимаю, скажи я сейчас: «мы же Романовы» – и ты, Ева, и вы, Даниил, наверняка усмехнетесь. В России много знаменитых домов. Но... императорская власть – тяжелое бремя. И еще – это значит

всегда быть на глазах у всех, всегда быть первым, быть примером. В нашей семье дело России, как ни странно, на самом деле важнее дела личного. Князь тому просто золотой пример. Ева, полностью согласная с другом, серьезно кивнула.

– Каким бы он ни был по отношению ко мне или моим друзьям, – сказала она, – я всегда уважала его за патриотизм и преданность делу.

– Вот! – обрадовался Гавр. – Преданность делу. Его делу! А фонд – это его любимое детище, его ребенок. Посмотри на меня. – Оборотень похлопал себя по широкой груди. – Теперь, когда у меня своя клиника, где я лично создал каждый кабинет, подобрал каждого сотрудника, провел бессонные ночи, пока все это заработало... Представь, как это мне дорого. И так же мой отец. Только моему делу всего тридцать лет. А он свое строит, лелеет и холит уже больше ста. Теперь я его понимаю.

Вова и Георг дружно кивнули, поддерживая друга.

– И когда Наталья решила позариться на Пушкинский Дом, – продолжил теперь Вова, – мы все приняли сторону его светлости. У нас у каждого есть свое, Ева. И мы поддержим князя.

– Благородно и правильно, – искренне согласился с ними Дан. – А сам Константин Константинович? Он как это воспринимает? Не Наталью, а вас, вашу поддержку?

– Ну, – Гавр выглядел чуть смущенным, – вот теперь у меня есть отец. Такой, какого я хотел. Мы здорово сблизились. Мы часто общаемся. Просто говорим, обсуждаем дела. Я чувствую его поддержку. Хотя это не значит, что князь стал ласковым и любящим. Скорее он надежный старший товарищ. А мне этого хватает, – он чуть помолчал. – Я знаю, отец был разочарован, когда выяснилось, что у меня нет дара Высшего. Но... я и при своих возможностях достиг многого. И теперь князь это видит и, как мне начало казаться, по-своему гордится мной. Ева протянула руку и пожала ладонь друга, выражая свою поддержку. Она знала, как когда-то Гавр переживал из-за пренебрежения отца. А теперь маг была рада за оборотня. И главное, она считала, что друг этого достоин.

– Вчера вечером, – сказал Гавру Дан, – мы спросили князя, кого он видит своим наследником после смерти Николая. И князь не отметил вашу непричастность к Высшим. Он сказал только, жаль, что вы так далеки от науки.

– Спасибо, – искренне поблагодарил дознавателя Гавр. – Но я никогда не претендовал на наследство в фонде. И... Буду откровенен. Мои друзья, – он кивнул на Георга и Вову, – тоже еще не знают, но... Отец оставляет наследство Дома за мной.

– Гавр! – Георг от души хлопнул друга по плечу. – Это просто отличная новость!

– Я рад, – поддержал его Вова. – И за тебя, – тут он усмехнулся, – и за дом Романовых. Ты нас в карты не спустишь.

Гавр чуть поморщился.

– Извините, – осторожно сменил тему Дан. – А когда в князе начали происходить эти изменения? Когда Наталья начала борьбу за фонд?

– Она-то начала давно, – сказал Вова. – А вот князь... Он, наверное, просто устал. Перемены к нам всем стали заметны где-то с полгода назад. Само отношение, какие-то маленькие фразы, жесты, поступки. Он вдруг начал интересоваться нашими делами, даже предлагать помощь. У нас с ним теперь совместный проект. Я помогаю фонду. Хотя это я и предложил, князь воспринял это с теплотой и даже был растроган.

– А что это за проект? – любопытствовала Ева.

– Вы же уже знаете, – стал рассказывать Вова. – Готовится выставка. Работы много, сроки, нервы. И куча так любимых тобою, Ева, артефактов. Многие из них надо восстанавливать, чистить энергетику, иногда даже лечить от влияния войн и прочего. А я могу сделать несколько эликсиров...

– Шикарная мысль! – восхитилась Ева. – Ты просто молодец! А когда, кстати, князь принял решение о выставке?

– Он объявил об этом на Пасху, – вспомнил Георг. – Я тогда был в шоке. Мне работы тоже нравились. Подзарядка артефактов фонда... Нашего, да еще Мойка и Лицей...

Георг обладал даром активации скрытых ресурсов любой вещи или сущности. По сути, он мог стать врачом и помогать Гавру, но выбрал науку. Ева про себя заметила, что ее друг-оборотень во многом прав. Романовы служили стране или делу. Прежде всего! Они просто не могли иначе.

– А Николая он назначил на этот проект тогда же? – как бы между прочим поинтересовался Дан.

– Нет, – подумав, вспомнил Гавр. – Сначала отец все делал сам. А потом... Ника он подключил к выставке где-то уже в середине июля.

– И как Ник к этому отнесся? – тут же подхватила тему Ева. – Он же у нас книжный червь во всех смыслах этого слова.

Друзья усмехнулись.

– Тут ты права, – согласился Георг. – Ник вообще сначала растерялся. Ты же знаешь, с нами он веселый и живой. А тут такая ответственность, много людей, общения. Он, правда, больше любил книги...

– Но потом Ник втянулся, – поспешил добавить Вова. – В последние дни он так болел за проект... Он вообще сильно изменился за последний месяц.

– Да, – с некоторым удивлением согласился с ним Гавр. – Наш Ник просто ожил! А поначалу он злился на князя за такое решение. Я помню, Ник передал их разговор. Отец дал понять ему, что выставка – это только начало. Отец хотел передать ему в управление фонд. И это Ника раздражало. А последнее время он сам рвался вперед!

– А он как-то это объяснял? – поинтересовался Дан. – Может, это с чем-то личным связано?

– Или с кем-то, – чуть озорно добавила Ева. – Алекс пытался мне говорить о каких-то женщинах Ника.

– Это же Алекс, – поморщился Гавр. – Женщины? Ник? Смешно. После Ли... Жаль, что тогда все так получилось. Но да, как я понял, у Ника кто-то был. Но не думаю, что это серьезно.

– Он бы сказал, – заметил Георг. – Мы с ним все-таки больше всего дружили. Нет. Была просто любовница. И, как и всегда, Ник ее ни с кем из нас не знакомил. Не афишировал.

– Это тоже наследие той истории с Ли, – сказал Вова. – Николай всегда с кем-то спит. Но ни одна дама не оказалась достойной, чтобы даже рассказать о ней друзьям.

– А Мари? – робко спросила Ева.

– Мари... – Гавр тяжело вздохнул. – Знаешь, мы тогда все здорово на нее рассердились из-за Ника и Ли. Это было низко с ее стороны. Так настроить отца... Мне иногда кажется, отец сам здорово переживал, что тогда был резок. Ник замкнулся. Они долго вообще не общались с отцом. И все благодаря Мари. Кстати, я думаю, нынешнее доверие князя к Нику – это попытка искупить свою вину. Отец тогда был не прав и в глубине души понимает это.

– Искупить вину... – Вот теперь Ева искренне удивилась. – Прости, Гавр, но... Константин Константинович, искупающий вину... Неужели он настолько изменился? Он стал таким человечным?

И вновь все трое друзей усмехнулись.

– Ева, – с улыбкой заметил Вова, – ты здесь, и это уже доказательство иного отношения князя. Он же прекрасно понимал, что твой кузен, Глава Стражи, не поедет сюда сам. Тебя принимают в доме даже не на правах равной! Вчера князь соизволил общаться только с тобой и Даниилом!

– Даниилом Нарышкиным, – подхватил Георг. – Представь, какво князю принимать Даниила в своем доме. Пусть сам Дан никакого отношения к Наталье не имеет. Но пойдут разговоры, репутация...

– Согласен, – совершенно серьезно поддержал его дознаватель. – Для князя это очень трудный шаг. Я не подумал над этим. И... я польщен.

– Значит, он и правда изменился, – задумчиво согласилась Ева, при этом она старалась не показать свою тревогу за его светлость. – Не могу этому не радоваться.

– Хочешь еще доказательство? – азартно спросил Гавр.

Девушка улыбнулась и кивнула.

– Он выплатил долги Константина!

– Что? – Вот это выбило Еву из колеи. – Князь же... Он никогда...

– А большие были долги? – тут же вставил вопрос Дан.

– Вообще, не очень, – ответил Гавр. – Не запредельные. Но важен сам факт. Князь, как пыталась заметить Ева, никогда ранее не желал даже слышать просьбы о помощи в выплате его долгов.

Он презирал слабость моего брата к картам. И никогда не платил, несмотря ни на какие просьбы. А тут... узнал о состоянии дел сам. И выплатил все. Кстати, теперь брат почти не играет. Такое чувство, что внезапная поддержка отца излечила его от любви к картам.

– Как давно случилось это чудо? – спросила Ева, кое-что прикидывая в голове.

– Да как раз также в середине июля, – посчитав, ответил оборотень. – Тогда было много новостей. И назначение Ника, и долги Кости, и Георгий...

– А с ним-то что? – удивился Даниил за себя и за напарницу.

– Отец очень долго спорил с младшим сыном, – рассказал Вова. – О будущем Георга. Он заставил мальчика стать ученым. А тот мечтал о работе в Страже. Кажется, они достигли компромисса. Георг поможет с выставкой и может быть свободен. Если пожелает. Правда, по-моему, он уже не слишком и желает.

– Но ему все равно приятно, что отец пошел ему навстречу, – заметил Гавр.

– Понятно. – Даниил улыбнулся всей компании. – Здорово начинать так утро. Жаль только, что наши с Евой дальнейшие планы уже такими же радужными вряд ли будут.

– Уже пора? – разочарованно спросил Вова.

Ева кивнула.

– Надо повторить до вашего отъезда, – решил Георг.

– Обязательно, – согласился, причем с искренним удовольствием, Дан. – А пока можно еще один вопрос. Георгий? Вы вчера сказали, что Николай накануне своей гибели был у вас. Так?

– Конечно! – оживился маг. – Я же чуть не забыл. Он заходил. Я еще копался в фонде. Но не в тех залах. Рядом... И Ник забегал. Вроде шел от Мари.

– И каким он был? – спросила Ева. – Было что-то особенное?

– Нет, – пожал Георг плечами. – Он был в отличном настроении. Шутил.

– И даже и полнамека не было на... будущие события? – продолжала допытываться Ева.

– Ну... – Георг задумался. – Разве что... Ник упомянул, что до сна ему сегодня далеко. Я спросил тогда: свидание? Он так смешно сморщился... Сказал: «дурацкое дело в неурочный час». И еще... Такая странная фраза... «Свобода не дается магией. И это еще кому-то надо доказывать».

– Интересно, – заметил Дан задумчиво. – Возможно, за этим что-то и стоит... Спасибо. И за помощь, и за просто волшебный завтрак.

– Благодарите Еву, – весело заметил Вова, плавно поднимаясь с примятой травы. – Она с виду маленькая и хрупкая. А ест за всех нас. По-моему, мы все привыкли, что кормить ее – наша основная обязанность.

– И удовольствие, – так же поддразнивая подругу, подмигнул ей Георг.

Продолжая рассказывать дознавателю какие-то смешные истории из их прошлого, Романовы отправились к portalу. Ева ухватила за рукав Гавра, чтобы поговорить с ним наедине.

– Скажи, Гавр, – тихо попросила она. – Ты занимаешься здоровьем князя? Ты его лекарь?

– Нет, – чуть нахмурившись, ответил сын его светлости. – Он предпочитал пользоваться услугами некоей ведьмы. Она моя коллега, и весьма грамотна. Но последние годы отец вообще не болел. А что?

– Подумай сам, – предложила маг. – Он еще далеко не стар. Но уже передает дела фонда и дома наследникам. А ведь ты сам говорил, как для него важно его детище. И его изменившееся отношение к вам. И выставка...

– Ты думаешь, он болен? – забеспокоился оборотень.

– Тебе известен мой дар, мой друг, – сказала Ева. – И я точно вижу то, что скрывают молодильные чары. Ему срочно нужна помощь. И еще, Гавр. Это может быть вмешательство. Поговори с отцом, если надо, сошлись на меня. И, если мои подозрения подтвердятся, Дан обязан это знать!

– О Господи! – Ее друг теперь уже занервничал серьезно. – А ведь ты права. И как странно, его плохое самочувствие, убийство наследника... Это страшно, Ева!

– Помни, – наставляла она его уже у самого портала, – надо поспешить. И сразу сообщи Дану! Гавр благодарно сжал ее руку, часто закивал, а потом шагнул в портал.

2 сентября 11.45. Город Пушкин, Ленинградская область

Они шагали вдоль ограды парка Екатерининского дворца. Ева рассказала Даниилу о своем небольшом тайном разговоре с Гавром.

– Это было правильное решение, – заметил он. – Ситуация выглядит очень подозрительно. Князь понимает, что болен, возможно, смертельно. Он назначает наследника в фонд. Потом выкупает долги своего сына Константина. Я думаю, таким образом они как бы договорились.

Младший получил желаемое, а отец – право передать наследство Дома Гавру. Потом князь улаживает остальные дела.

– И тут кто-то, – продолжила Ева, – убивает наследника. Не думаю, что Гавру тоже грозит опасность. Это связано именно с научной деятельностью князя и его влиянием на элиту Петербурга.

– Создается стойкое впечатление, что за всем этим стоит именно моя бабушка Наталья, – сказал дознаватель. – Только... не забудем вежливо именовать ее кузиной.

– Нас слишком сильно наталкивают на эту мысль, – высказала свое мнение маг. – Это было бы слишком очевидно. Теперь князь назначает Алекса. Это потомок Пушкина. И Софи, еще одна правнучка поэта, уже под крылом вашей кузины.

– Слишком очевидно, – согласился Страж. – Надо бы только узнать, не делала ли Наталья каких-либо попыток подкупить Алекса.

– А она ответит на вопрос? – полюбопытствовала девушка. – Вообще, какая она, Дан?

– Властная, капризная, надменная, – сказал он. – Но это только маска. Мне кажется, никто толком не знает, какая она на самом деле. Наталья оборотень. Ее второй облик – пантера. Это многое о ней говорит. Ответит ли она на вопрос? Да. Потому что я Страж. И еще я ее родственник. Наталье нравится оказывать мне покровительство. Как и многим другим. Только это странный вид опеки.

– В каком смысле? – удивилась Ева.

– Она... – Страж смутился. – Она старается найти мне выгодную партию...

– Женишь? – Девушка явно развеселилась. – Простите, Дан. Это было бы смешно... Только если не предположить, что через навязанную жену вами планируют управлять.

– Все верно. – Дознаватель чуть поморщился. – И так как я не намерен позволять кузине лезть в мою личную жизнь, да еще и когда я веду расследование... Ева? Могу я просить вас... Помочь мне в этом вопросе, как вчера вечером?

– Конечно, – легко согласилась она, хотя просьба немного смущала. – Там же будет еще и Софи.

Дан картинно воздел глаза к небу. И тут Ева рассмеялась.

– Как это мило, – прокатился по улочке манерный и насмешливый голос.

Ева посмотрела направо. Там, вдоль ограды парка, выстроились дома. Небольшие, двухэтажные городские виллы. На полукруглом балконе одного из них, между двумя великолепными кустами азалий в кадках, стояла Софи.

Сегодня она была в кружевном платье удивительно насыщенного синего цвета. Вырез сердечком открывал значительную часть ее груди, короткая юбка подчеркивала красоту стройных ножек. Вообще Софи выглядела эффектно, но несколько вызывающе. Впрочем, это было ее обычное амплуа.

– Рада видеть тебя снова, – задрав голову, громко приветствовала приятельницу Ева. – У нас было несколько минут до встречи, мы решили прогуляться.

– Все влюбленные такие лапочки, – все тем же обманчиво милым тоном возвестила Софи. – Только бы лишнюю минуту насладиться друг другом.

– Согласен, – почти беспечно заявил Дан, притягивая ближе к себе свою напарницу. – Надеюсь, вы нам простите эту прихоть.

Софи недовольно поджала губы.

– Так мы зайдем? – спросила ее Ева, не сумевшая скрыть иронию.

– Мы с Натальей ждем вас. – Это прозвучало уже официально и сухо.

Ева оглядывала помещение, куда их провели, с неким веселым удивлением. В стенах маленького домика располагалась лишь рабочая часть владений Нарышкиной и Софи. Через портал Ева и Дан попали в настоящее обиталище руководителей лицейского фонда.

Это было огромное помещение, зал, достойный средневекового замка. Тут был необъятных размеров камин, несколько кресел, которые правильнее было бы назвать тронами. Они были расставлены вокруг длинного массивного обеденного стола. Чуть в стороне, ближе к каменной лестнице, уходящей в верхние покои, стояли пара статуй. А еще каменная скамья, на которую кто-то заботливо набросил шкуру тигра, и круглый столик. На нем уже стояли закуски и напитки.

– Мне показалось, вам будет приятно знакомиться с новыми людьми в привычной обстановке, – раздался за спиной Евы высокий, немного резковатый женский голос.

Маг-артефактор оглянулась. Девушка сидела как раз на этой самой лавке, рядом с дознавателем. Софи устроилась напротив в высоком тяжелом кресле с резными подлокотниками, украшенными еще и полудрагоценными камнями. А за спиной гостей возникла истинная хозяйка дома.

Наталя была одета в римскую тогу. Или в платье, очень похожее по крою на тогу. Талию Нарышкиной перетягивал тяжелый, украшенный позолотой и камнями кушак. Длинные темно-каштановые волосы она собрала в косу и перекинула через плечо. Лицо у Натали было круглым, с широкими скулами, в целом ее можно было бы назвать красивой, если бы не тонкие губы, которые она растягивала в насмешливой улыбке. Хозяйка дома стояла, опираясь бедром о ту же часть тела одной из статуй.

– Спасибо за такой теплый прием, – не скрывая веселой иронии, отозвалась Ева. – Трудно не заметить сходства вашей гостиной с домом Магнуса Скифа. Только у него вместо обеденного стола бассейн, – девушка не выдержала и усмехнулась. – И хорошо, что в ваших внешних покоях нет обстановки, какую теперь Магнус приобрел для своей приемной!

Даниил не выдержал и рассмеялся. Он часто бывал по делам Стражи в приемной Хранителя Равновесия. Магнус предпочитал менять там обстановку раз в два месяца. Теперь эта часть его жилища была заставлена дешевой легкой мебелью из «ИКЕА».

– Что ж, кузен, – Наталя обошла лавку, двигаясь плавно и как-то немного хищно, – я рада, что у тебя столь изысканный вкус. Ты выбрал себе достойную девушку. Она смелая и умная. А еще бесстрашная.

– Спасибо, – с достоинством отозвался Дан. – Ева из бесшабашных Куракиных. И она достойная представительница своей семьи. И я не устаю благодарить ее за помощь мне в этом деле.

– Ах, ну да, – сухо отреагировала Наталя. – Вы тут по делу. Что ж... Николай... Его смерть прискорбна. Он был нашим деловым партнером. И... – тут она позволила себе тяжелый вздох. – Мне жаль мальчика, не чужой все-таки.

– Деловой партнер, – тут же ухватился Страж за ее слова. – Насколько легко было работать с ним? Каким он был в деле? Кузина, позвольте, я сразу предупрежу вас, что мы с Евой уже знакомы со всеми политическими моментами дела. Так что можно говорить о них спокойно.

– В деле Николай был, – Наталя чуть пожала плечами, – слаб. Константин-старший сделал явно неверный выбор. Ник, особенно поначалу, вообще не слишком был заинтересован в этой работе и наследстве. Хотя... его вообще мало волновали все эти политические моменты, как ты выразился, Даниил.

– Почему? – задала Ева вполне логичный прямой вопрос. Она сделала вывод, что именно такая открытая манера поведения будет самой удачной в разговоре с этой женщиной. – Ник серьезный ученый. Он один из лучших артефакторов России. Что же так мешало ему в этом деле?

– Ему было неинтересно, – как и ожидалось, Наталя ответила так же откровенно и прямо, – ни наследство Константина, ни возможное наследство от меня. И, да, скажу сразу, я, конечно же, пыталась его подкупить. Как и других из окружения князя. Ник... Он даже не разозлился. Он просто отказался, и все. И, если бы мог, отказался и от милости моего родственника.

– Но все-таки он продолжал исполнять возложенную на него задачу, – заметил Дан. – Причем его друзья говорят, что в последнее время ему это даже неплохо удавалось. И... заметьте, кузина, он нашел общий язык и с вашей наперсницей Софи и не ссорился с другими членами дома Романовых.

– Со мной Нику было просто, – впервые с момента начала разговора вставила слово Софи. – Кстати, почему бы вам не угоститься? Здесь и вино, и кофе. Закуски. Поговорим как друзья.

– Спасибо, – улыбнулась приятельнице Ева. Магу казалось, что вечно яркая и взрывная ведьма сейчас при своей покровительнице чувствует себя крайне нервно и неловко. – Ник вообще легкий человек. Неудивительно, что вы сработались.

– Мы не сработались, – с ядовитой улыбкой возразила Софи. – Мы просто вместе спали. И он не возражал, когда я решала вопросы выставки. В той части, что касалась Лицея.

– А в остальном? – совершенно проигнорировав откровение ведьмы, спросил Дан. – В остальных вопросах подготовки к выставке? Насколько он готов был переложить это на вас?

– А для остального у него были Шереметев и Мари, – директор Лицея чуть нахмурилась. Она не привыкла, что мужчины так спокойны, что они не дают ей получить над ними хоть какую-то

эмоциональную власть. – Мы же просто были любовниками, в делах он доверял мне все мелочи и заботы. В конце концов, свой фонд я знаю лучше его.

– Логично, – миролюбиво отозвалась Ева. – Но все же в последнее время что-то изменилось?

– Пожалуй, да, – подумав, признала Софи. – Он... стал беспокойным, даже нервным. Он торопил события, перепроверял работы, готовые экспонаты.

– Не могу не согласиться, – заметила Наталья. – Он бывал у меня несколько раз за последние дни. Мы спорили по нескольким экспонатам. Николай стал напористее, серьезнее. Я даже не удержалась как-то от комментариев на эту тему. Сказала: смотрите, молодой человек, наследство оказалось вам впору. А Николай... Так странно улыбнулся, и эта фраза... Он сказал, что осталось совсем недолго. Свобода дается с трудом, но она того стоит.

Ева и Даниил переглянулись. Оба вспомнили другую фразу Николая, брошенную буквально накануне смерти. Свободу не купишь магией?

– Кажется, у Ника был свой секрет, – задумчиво произнесла Ева вслух.

– Секретов у него хватало всегда, – ревниво вскинулась Софи. – В этом он не изменился. Только кто же из нас не знает главный его секретик? Как ее зовут? Ту, твою подругу, Ева? Кажется, Ли?

– Софи! – Окрик Натальи напоминал удар кнута. – Кажется, тебя устраивало, что он просто грел тебе постель? Его сердце тебя не должно волновать. К тому же, – тут ее тон стал каким-то злорадно-веселым, – ты уже получила другого, и с потрохами. Так что оставим покойного с его мечтой.

Ева посмотрела на Наталью с некоторым удивлением и уважением. Она была благодарна, что Нарышкина защитила Ли и ее личную историю от нападок. Сама Ева не переносила таких дрызг и сплетен.

– Простите, – обратилась маг-артефактор к обеим женщинам, меняя тему, – но мне не дает покоя один странный момент... Ника нашли в зале Пушкинского Дома. Рядом с ним был перстень Пушкина. Вам неизвестно, зачем он мог быть нужен Нику или его убийце?

– Нашли рядом? – Наталья напряглась. – Значит, артефакт не похищен. И опять же, значит, это подделка?

– Все верно, – подтвердил Дан. – И я выяснил, что в ночь своей смерти Николай привел кого-то в тот фонд, чтобы как раз это и доказать. Убийцу явно интересуют кольца поэта.

– И кстати, – тут же перехватила Ева инициативу. – В Пушкинском Доме ранее хранился и еще один перстень. Золотой с сердоликом. Тот самый, что прадед Софи отдал для шуточной лотереи. Однако, как я знаю от князя, теперь это кольцо в фонде Лицея.

– О да. – Наталья чуть улыбнулась. – Это знак моей маленькой победы в тех самых политических моментах, как назвал это Даниил. Мне удалось настоять и забрать перстень в Лицей.

– Почему именно этот перстень? – тут же спросил ее дознаватель. – Чем он так важен вам, кузина? Ведь, как мне рассказала Ева, больше этому артефакту подошло бы место в доме Волконских.

– Верно, кузен. – Наталья посмотрела на него с одобрением. – Ты неплохо разбираешься в наших вопросах. За что я готова благодарить Еву. Хотя Нарышкины всегда отличались умом, хорошей памятью и деловой хваткой. Хорошо, Даниил, я расскажу. Мне на самом деле дорог именно этот перстень. Хотя тот, с изумрудом, который, кстати, я считала подлинным, имеет более высокую цену. Талисман, помогающий в творчестве, против небольшого оберега на любовь. Вот только та самая милая девочка, которая выиграла свою любовь в лотерею, которая встретила своего принца, полюбила его, поехала за ним в Сибирь... Она была моей подругой. Я любила ее, как сестру. И ее скромное колечко мне дороже. Даже если бы изумрудный перстень был истинным кольцом Поликрата.

– Я понимаю тебя, кузина, – с искренним чувством отозвался Страж. – И рад, что ты получила то, что хотела. Память о друзьях дороже магии. А была ли эта магия вообще?

– Да, – вступила Софи. – Я проверяла кольцо. Это настоящий артефакт, хотя, конечно, не столь мощный и знаменитый, какие так любит Ева.

– Отлично, – в том же доброжелательном тоне отозвалась маг-артефактор. – А Ник? Он видел кольцо? Не спрашивал ли о нем? Или, может быть, сердоликовый перстень тоже поедет на выставку?

– Как это ни странно, – вновь перехватила инициативу Наталья, – но мальчик настоял, чтобы перстень был выставлен как экспонат. И он был крайне разумен в своих доводах. Если это кольцо предмет спора между мной и князем, почему бы не выставить его в совместном проекте как некий знак перемирия? К тому же Николай правильно заметил, что все кольца поэта участвовали в выставке 1917 года. А то, что планируем мы сейчас, повторение прошлого успеха. Я согласилась с ним. Кольцо станет экспонатом.

– Я подготовила его, – сказала Софи деловым тоном. – И... уж поверьте! В мой фонд проникнуть не так легко!

– У вас система безопасности лучше, чем в Пушкинском Доме? – Дан чуть ли не впервые за весь разговор посмотрел на ведьму.

На ее губах тут же вспыхнула победная улыбка. Софи не могла без мужского внимания.

– Естественно! – заявила она. – Сам Лицей находится в более плачевном состоянии, чем здание Пушкинского Дома. Да и прятать у нас особенно негде. Потому я использую опыт своей наставницы. Что-то украсть из параллели трудно. Особенно если не знаешь, в какой из них лежит сокровище.

– Но вот именно сейчас лично я хочу это узнать. – Голос Дана звучал властно, но как-то удивительно спокойно.

Еве стало интересно, позволят ли себе хозяйки дома послушаться.

На лице Софи появилось какое-то детское упрямое выражение. Она уже готова была возразить, но Наталья опередила ее.

– Мой кузен прав, – сказала она довольно мягко. – В ходе последних событий мне самой неспокойно. Да и слово Стража в расследовании закон.

– Как хорошо вы помните наши правила, кузина, – галантно заметил дознаватель. – И вы правы, вам самой будет спокойнее за дорогу вам вещь.

– К тому же, – подхватила Ева, – я с удовольствием использую свой дар, Наталья. Я вижу истинность вещей и предметов. Думаю, вам будет приятно знать, что кольцо не подменили.

– Очень хорошо! – С видом довольной императрицы Нарышкина чуть хлопнула в ладоши. – Ева, позвольте сказать, что наше с вами знакомство нравится мне все больше. Даниил, вы отличная пара! Такой дар для Тайной Стражи отличная находка. Пойдемте! Софи, открой портал!

Царскосельский Лицей в этот день был закрыт для посетителей. Шаги московских гостей и руководителей фонда гулко звучали в тишине.

Ева шла под руку с Даном. Софи и Наталья опережали их, показывая дорогу.

– Вы раньше здесь бывали? – тихо спросила маг-артефактор своего спутника.

– Конечно. – Он пожал плечами. – Хотите узнать впечатление?

Она кивнула.

– Не самое приятное местечко, – не без иронии отозвался Страж. – И как-то жаль становится тех детей, которые здесь учились. мрачно, сыро, тоскливо.

– Согласна. – Ева улыбнулась. – Еще те казематы. Представьте, что сюда должны были направить на обучение и будущего императора Николая Первого с братом Михаилом.

– Им повезло, что планы изменились, – усмехнулся дознаватель. – Неизвестно, как обучение здесь сказалось бы на характере императора. Кажется, мы направляемся к жилым комнатам учеников. Надеюсь, нам нужен не 14-й номер?

Последняя фраза была сказана чуть громче, чтобы привлечь внимание идущих впереди дам.

– Согласна, кузен, – чуть обернувшись, сказала ему Наталья. – Это было бы слишком очевидно.

И опять я испытываю гордость за то, что представитель Тайной Стражи нашего рода столь умен и обладает знаниями в любой области.

Ева могла бы ответить ей, что в двадцать первом веке номер комнаты Александра Сергеевича Пушкина в Лицее знает любой смертный ученик средней школы.

– А кто занимал соседнюю комнату? – с озорством спросила Нарышкина, стоя у нужной двери.

– Лучший друг поэта, – легко сдал этот экзамен Дан. – Иван Пущин. Номер тринадцать?

Интересный выбор.

– Смертные считают это число несчастливым, – заметила Софи.

– Ценю вашу иронию. – Дознаватель нахмурился. – Простите, насколько я помню, эти комнаты просто мизерные. Так где тогда в них можно открыть портал?

– Ранее мы открывали его прямо из коридора, – стала рассказывать Наталья. – Мне так привычнее. Оборотни предпочитают использовать двери по их прямому назначению. Но это могло быть рискованно. Кто-то мог просто увидеть, какую именно дверь мы открываем. Потому теперь вход в самой комнате. Вернее, мы открываем портал в полу, как тайный люк. – Отлично! – Дознаватель подскочил к двери. – Тогда далее я просил бы вас не торопиться. И не входить.

Наталья тут же застыла, как изваяние, не донеся руку до ручки двери. А вот упрямая Софи шагнула вперед.

– Я говорила вам, Даниил, – с уже знакомой, чуть нервной усмешкой произнесла она. – Мои способы защиты более верны. Никто не может предположить, где, как и в какую параллель откроется вход...

– Стойте! – резко скомандовал дознаватель, видя, как ведьма собирается все-таки открыть дверь самостоятельно.

Софи поджала губы. Видимо, она собиралась что-то доказать гостю, но... Ведьма неожиданно вскрикнула и застыла. Наталья, наоборот, сделав шаг назад, теперь спокойно опускала руку, используя заклятие.

– Прошу простить мою протезе, кузен. – В голосе Нарышкиной звучал металл. – Софи впервые работает со Стражем. Но думаю, теперь она выучит правила. Слово дознавателя в расследовании – закон.

Ева поразились такой жестокости. Нет, тот факт, что Наталья продемонстрировала свою власть над Софи, сам по себе не удивлял. Но... Нарышкина прекрасно знала характер ведьмы, знала ее слабости. Сейчас она унизила свою наперсницу в глазах того, кто был для Софи важен. И самое ужасное, что ни сама маг-артефактор, ни дознаватель даже не могли теперь вступить за ведьму. Софи сочтет это еще большим унижением.

– Софи? – довольно мягко спросил дознаватель застывшую женщину, будто и не обратив внимания на выходку своей кузины. – Это очень важно. Скажите мне, пожалуйста, когда вы сами или кто-то по вашему распоряжению последний раз заходили сюда?

При этом Дан обратил на Наталью острый повелительный взгляд. Та лишь кивнула в ответ. Заклятие теперь частично было снято, и ведьма смогла ответить.

– Я сама всегда проверяю кольцо. – Она говорила ровно, деловым тоном, стараясь спасти свое положение. – Никто, кроме меня, не заходил сюда.

– А вы когда были здесь последний раз? – опять уточнил дознаватель.

– Позавчера вечером, – подумав, сообщила ведьма. – Николай ушел в семь. Я проверяла все экспонаты. В каждой комнате есть свой. Это особо ценные. Кольцо было здесь.

– Хорошо, – как-то отстраненно кивнул Дан. – Ева, дамы. Отойдите чуть в сторону, мне необходимо место.

И он быстро вытащил из-под рукава куртки свой браслет. Ева знала, что это означает. Маг сразу отошла к противоположной стене коридора, увлекая за собой приятельницу. Ведьма послушно двинулась следом за ней, заклятие Нарышкиной окончательно спало. Наталья тоже шагнула в сторону, продолжая внимательно наблюдать за действиями своего кузена. Страж развязал небольшой узелок, шепча слова заклинания и продолжая внимательно смотреть на дверь комнаты номер тринадцать.

На этот раз не было янтарных снежинок, которые мерцали бы в свете ламп золотистым волшебным светом. Теперь появился туман. Станный, голубоватый. Он родился на ладони дознавателя маленьким вихрем. Потом осторожно скатился с руки, продолжая расти. Туман тоже чуть светился. Это был свет солнца в морозный день, голубовато-белый, холодный и тоже волшебный. Туман расслаивался нитями, похожими на иней, спящий на замерзших ветках. И эти нити стали оплетать дверь. Сначала они рассеялись по периметру, заставляя прямоугольник дерева засиять так, будто в маленькой комнатке внутри включили очень мощный светильник. Потом и сама дверь начала поблескивать, пока нити не добрались до ручки, за которую так стремилась ухватиться чуть ранее Софи. И ручка вспыхнула миллионами маленьких голубых огоньков.

– Здесь кто-то был, – сказал страж. – Причем совсем недавно. Скорее всего, вчера вечером.

– Фонд был закрыт, – напряженно ответила ему Наталья. – Вчера никто не должен был здесь находиться. Был траур по Николаю...

Дознаватель сделал какой-то резкий жест. Он явно сопровождался магической силой. И вот дверь начала приоткрываться сама по себе, хотя наблюдавшая за всем этим Ева была уверена, что здесь должен быть замок.

Голубоватый светящийся туман уже просочился в комнату. Те же нити вились от двери и собирались в небольшой смерч прямо на полу. Дан сделал знак остальным, чтобы никто не входил внутрь. В комнатке было очень мало места. У стены стояли узкая, по-спартански простая кровать, умывальник, комод и небольшая конторка. Между ними оставалось не больше метра свободного пространства. Именно над этим кусочком пола и кружился волшебный вихрь.

– Итак, – Дан посмотрел на Еву с улыбкой, – мне всегда нравятся ваши истории, Ева. Только вы так умеете разгадывать загадки. Сейчас я открою портал, и по следу мы узнаем, куда, в какую реальность заглядывал вчерашний посетитель. Сможете угадать заранее?

– Попробую. – В глазах девушки блеснуло озорство. – Пушкин называл свою лицейскую каморку кельей. И по логике, которую уже продемонстрировала Софи, наш тайник именно кельей быть точно не должен.

Наталя, внимательно слушавшая мага, одобрительно кивнула и тоже улыбнулась.

– Исходим из того, – продолжила Ева, – что это должно быть мало посещаемое место. Скорее всего, даже безлюдное. Значит, это может быть некая заброшенная комната. Но не подвал, не подполье. Такие места наводят невольно на мысль, что в них могут скрываться тайники. Возьмем что-то обыденное, что точно не привлечет внимания. Тогда... – она ненадолго задумалась. – Или это на самом деле самая обычная комната в заброшенном доме, или... может, магазин? Оставленный магазин...

– Bravo! – Наталя несколько раз картинно хлопнула в ладоши. – Это старая лавка. Тайник под прилавком. Ева, вы мастер своего дела.

Девушка благодарно кивнула, стараясь не смотреть на Софи. Ведьма явно была на грани срыва, а маг не желала ссор.

Дан вновь прошептал несколько слов. И на месте смерча вдруг открылся портал. Проход мерцал тем же холодным голубым светом.

– Осталось только проверить, – спокойно сказал он.

– Позвольте, Софи, – распорядилась Нарышкина, но на этот раз приказ был мягким.

Ведьма сорвалась с места. Она мгновенно оказалась возле портала и будто нырнула в него. Оставшиеся в коридоре напряженно ждали результата. Не прошло и минуты, как из комнаты донесся визг. Тот самый ведьмин визг, от которого ломило в ушах и темнело в глазах. Но сейчас он был заглушен пространством и магией.

Софи появилась в комнате вновь, и тут же магия портала погасла. Исчез волшебный свет.

Комната стала сразу темнее и как-то беднее. По лицу ведьмы можно было понять, что ожидало ее внутри тайника.

– Кольцо исчезло. – Теперь голос Натали был очень неприятным, сухим, холодным, в нем явно слышалась угроза.

– Это очевидно, – заметил дознаватель. – Софи? Скажите, кто, кроме вас и моей кухни, мог знать точное местонахождение тайника?

– Никто, – казалось, ведьма готова разрыдаться. Ее голос звучал просто жалобно. – Никто... кроме Ника.

Ева и Страж тревожно переглянулись. Дан решительно подошел к своей напарнице, как-то немного церемонно протянул ей руку.

– Простите, дамы, – как-то отстраненно, деловито сказал он через плечо кухне и ведьме. – Нам надо спешить. Спасибо за помощь следствию.

– Конечно, – в тон ему ответила Нарышкина. – Буду благодарна за повторный визит. Уже при более спокойных обстоятельствах.

Даниил кивнул ей, ведя Еву под руку по коридору.

– И... Ева, – вдруг крикнула Наталя им вслед, – пожалуйста, передайте князю мои соболезнования. Не чужие все-таки...

Маг-артефактор оглянулась и кивнула. Что-то в тоне женщины растрогало и удивило девушку. Это звучало слишком человечно и даже как-то по-семейному. Возможно, время изменило не только его светлость.

2 сентября, 14.30. Санкт-Петербург, набережная Мойки, дом 12

На набережной было ветрено. С Невы, от ее серо-стальных вод, как всегда, несло холодом и силой. Обычно Еве нравилось бывать в доме Волконских. Из всех музеев и фондов Петербурга именно в этом маг-артефактор чувствовала себя наиболее комфортно. Но сегодня все было иначе.

– Я понимаю нашу спешку, – сказала она Даниилу. – Но интуитивно я чувствую, что мы опоздали.

– Согласен, – несколько угрюмо ответил дознаватель. – И мне это неприятно. Даже не потому, что мы все время на шаг позади преступника, чьи мотивы и действия мне все менее понятны. Просто Волконские близкие мне люди, и я не хочу их подводить.

– Мне тоже они очень приятны и симпатичны. – Ева в очередной раз поправила прическу, хотя ветер тут же вновь вытащил пару прядей из ее пучка. – Я заметила, как вы к ним привязаны.

– Мы служили вместе, – просто объяснил Страж. – И Петр, и Григорий не просто знакомые. Это мои однополчане. Хотя мы видимся редко, но вы же знаете, Ева, такие узы навсегда.

Девушка понимающе кивнула.

– Только давайте сразу не будем их тревожить, – продолжил Дан. – Просто попросим осмотреть фонд.

Маг была с ним полностью согласна, и, когда открылась очередная тайная дверь, которая привела Избранных в настоящий дом Волконских, спрятанный от глаз смертных, девушка постаралась выглядеть приветливой и веселой. Но ее выдали глаза.

– Боюсь, вы не просто на дружеский обед, – тут же заметил Петр, пропуская их в гостиную.

– Хотя мы надеялись, что наша тревога не будет столь заметной, – как можно дружелюбнее усмехнулся дознаватель, пожимая ему руку.

К ним уже спешили остальные. Здесь же были и Григорий, и граф Шереметев, с которым Дан вчера успел договориться о встрече именно у Волконских. Была здесь и невысокая полноватая женщина с роскошными пышными формами. Мари опять выбрала черный траурный наряд, явно портящий ее красоту.

А Мари на самом деле была красива. Лицо в форме сердечка, густые вьющиеся черные волосы, потрясающе проникновенные глаза, правильные черты лица и оливковый оттенок кожи, доставшийся ей в наследство от матери-гречанки. Вот только этот траур придавал этой замечательной коже мертвенный землистый оттенок. Также прямое черное платье на такой фигуре смотрелось как-то куце, прижимало грудь, бедра – будто снятое с другого человека, неудобное, совершенно неподходящее. Даже длина юбки казалась какой-то неверной, уродующей ноги.

Ева невольно поймала себя на мысли, что не может нормальная женщина так сознательно себя уродовать. Это или маскарад, или Мари после смерти любимого просто повредила в уме.

Маг-артефактор, оставив напарника объясняться с мужчинами, шагнула к ведьме. И опять постаралась отбросить новую неприятную мысль, что на сегодня Мари уже вторая представительница этой касты и второй раз за день самой Еве не слишком хочется общаться.

– Мари, – это прозвучало официально-вежливо, заставить себя быть сердечной у мага не получилось, – здравствуй. И прими мои соболезнования. Ник был дорог всем нам. Это... Такая потеря будет болеть долго.

Ведьма кивнула, скорбно опустив голову.

– Он был так молод, – выдавила она. – И так... Такой живой! Этот проект, выставка. Мы наконец-то были вместе.

Ева чуть удивленно приподняла брови.

– Мы просто были вместе, – тут же отреагировала ведьма. – Друзья, партнеры, единомышленники... И все же! – Мари резко подняла голову, упрямо вздернула подбородок. – У меня был шанс!

– Как скажешь. – Ева выставила руки ладонями вперед в примиряющем жесте. – Я видела тебя вчера в доме князя. Но не было возможности пообщаться. И теперь ты тут. Продолжаешь работу? Его светлость просил тебя, пока нет наследника, курировать выставку?

– Князь? – Мари робко улыбнулась. – О нет. Он не говорил со мной. Он потрясен. Но мне передали его заботу. Его светлость даже предлагал мне отдохнуть, оправиться от утраты... Лучше работать! – вдруг импульсивно воскликнула она. – Так не надо думать, вспоминать... – Мари сегодня у нас, – дружелюбно обняв Еву за плечи, пояснил подошедший Петр. – Мы, похоже, опережаем сроки. Готово уже несколько экспонатов. Мари проверяла сегодня все по списку, определяла, какие еще вещи возьмем.

Маг-артефактор обрадовалась его вмешательству. Разговор с ведьмой был ей в тягость. Конечно, она сочувствовала Мари, но... Перед глазами Евы вставало заплаканное лицо Ли. Те несколько месяцев, когда подруга была подавленной, лечила разбитое сердце и уязвленную гордость. И просто зализывала несправедливо нанесенные раны. А виновата была Мари. Ева очень хотела простить, но не могла. Да и, если подумать, ведь Ник так и не смог остаться с этой ведьмой. И ее горе...

Ева отбросила эти мысли.

– Так ваш фонд лидирует? – весело спросила она Волконского. – И многое готово?

– Сначала по плану, – к ним подошел Шереметев, всегда собранный, сдержанный педант, хотя в душе добрый и милый, – мы должны были по уговору с князем представить только те же экспонаты, что были на выставке 1917 года. Но фонд растет! У нас есть чем порадовать и удивить его светлость и все сообщество.

– Это радует. – Ева оглянулась на Дана, он явно ждал ее помощи. – Но придется вернуться к делам сегодняшним, к сожалению, печальным. Кольцо Пушкина из «Зеленой лампы». Оно у вас?

– Как раз среди готовых экспонатов. – Петр тут же перешел на деловой тон. – Потому мы за тобой, Ева. Мы тут пока сделали перестановку. Все вещи для выставки в твоём любимом зале. Даниил предложил осмотреть готовые артефакты. Заодно проверить кольцо. С тебя экскурсия, моя милая.

Девушка улыбнулась, искренне и сердечно. Она видела, как последние новости потрясли братьев Волконских. Как встревожен Шереметев. И все же руководители дома на Мойке старались быть любезными хозяевами, за что маг их так любила.

– Экскурсия? – стараясь, чтобы ее энтузиазм выглядел как можно более реалистичным, переспросила она. – Отличная мысль! С меня история, с вас обед!

– Наши обычные условия сотрудничества, – с улыбкой оповестил всех Дан, уже привычно чуть приобнимая напарницу за талию. – Если они пожадничают, с меня любой ресторан Петербурга. Волконские радостно рассмеялись, улыбнулся даже Шереметев. Мари, с уже ставшим привычным ей выражением жалкой скорби на лице, пошла вслед за всеми. Ева подумала, что эта печаль может стать для ведьмы маской на долгие годы. Как стала привычной ей роль бедной родственницы.

Коллекция Волконских считалась частным собранием. Возможно, поэтому здесь на самом деле было уютнее, чем в фондах Пушкинского Дома или Лицея. Все вместе Избранные прошли портал, уже привычные три метра Междумирья, и оказались в просторной комнате, мало чем отличающейся от зала обычного музея. Если не считать запутанной, тонкой, но прочной системы защитных заклятий, опутывающих помещение в целом и каждую витрину в отдельности.

Комната была обставлена под рабочий кабинет. Небольшой коврик на полу, на котором стояли массивный рабочий стол и кресло с высокой прямой спинкой. Несколько стеллажей с книгами, конторка. А между этими предметами мебели расположились небольшие элегантные стеклянные витрины. Ящики с артефактами, тоже стеклянные, стояли и на столе, и на конторке, еще два помещались на полках, среди книг.

– Мы полностью перенесем эту комнату в зал выставки, – поделился планами Шереметев. – Таким тот зал был всегда. И в 1917-м тоже. Только сами артефакты меняются.

– И Ева нас сейчас с ними познакомит, – предложил Григорий, улыбаясь приятельнице.

– Как все привычно, – заметила девушка с легкой грустью. – Сколько раз уже я вела эти экскурсии?

Она еще раз осмотрела комнату, думая, с чего бы начать. Наконец подошла к стеллажу, размещенному за рабочим столом.

– Итак, – начала маг-артефактор тоном настоящего гида, – как всем нам известно, в доме Волконских на Мойке, 12, великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин прожил

последние годы своей жизни. Князья Волконские выделили четыре комнаты, где и размещалось семейство Пушкиных. Это сам поэт, четверо детей и его красавица-жена Наталья Николаевна Гончарова, в первом замужестве Пушкина. И здесь мы видим первый экспонат, одно из украшений этой женщины. Эту знаменитую подвеску нетрудно узнать, именно она украшает чело Натальи на знаменитом портрете работы Брюллова.

Ева указала своим спутникам на небольшой стеклянный ящик, в котором и лежало на одной из полок это украшение. До самого ящика маг-артефактор не касалась, зная, что он опутан сетью заклинаний.

– С скромное украшение, – заметил Дан.

– Да, – легко согласилась Ева. – Напомню, семья Пушкиных была бедна. Хотя большая часть украшений Натальи досталась ей от родных, от Гончаровых. Как и эта вещь. Несмотря на свой более чем скромный, но элегантный вид, эта подвеска является довольно сильным артефактом. Это удивительная легенда о силе прекрасной женщины.

– И это опять не золото, – рассматривая подвеску, заметил дознаватель. – Зато это явно сапфиры.

– Сапфиры и бриллианты, – уточнила маг. – В семье Гончаровых существовало предание о том, что свою холодную античную красоту Наталья унаследована от своей бабки, Ульрики Поссе. Еще одна красивая и сильная женщина с необыкновенной судьбой. Эта подвеска – запечатанное наследство Натальи.

– Талисман красоты и женской привлекательности, – дополнил довольный Петр. – Любая владелица подвески будет счастлива, привлекательна для мужчин в любом возрасте и любима.

– До поры до времени, – мягко возразила Ева. – Как и в случае с кольцом Поликрата, за все это счастье потом придется платить. Как платила сама Наталья – страданиями, потерей мужа, муками от оговоров и сплетен, которые ее преследовали.

– Да и любовь мужчин не всегда счастье, – весомо заметила вдруг Мари. – Иногда это чувство способно погубить даже самую яркую женщину.

– Не могу не согласиться, – поддержала ее Ева. – Любовь Дантеса стоила Наталье очень дорого. Именно он убил ее мужа на дуэли... Но не будем о грустном. Хотя и продолжим дуэльную тему.

Маг-артефактор чуть повернулась. Рядом со стеллажом стоял небольшой поппитр, на котором громоздился очередной стеклянный ящик. В нем лежала пара дуэльных пистолетов.

– Красивое оружие, – не смог удержаться от комментария Григорий. – Мой любимый экспонат. Даниил подошел, изучил пистолеты ближе, потом довольно кивнул, разделяя мнение друга.

– Это пистолеты Данзаса, – продолжала экскурсию Ева. – Того самого лицейского приятеля Пушкина. Именно Данзас был секундантом на последней дуэли поэта. Хотя такая роль была ему малопривлекательна. Данзас сам стрелялся, и не единожды. К счастью, удачнее, чем его друг. Ходила легенда, что его пистолеты приносят владельцу удачу.

– То есть, – заметил Дан, – пока он стреляется из своего оружия, смерть ему не грозит?

– Более того, – чуть задорно уточнила маг. – Тогда дуэли были по любому поводу, бывали случаи, когда задумавшие стреляться приятели успевали помириться, но отложить поединок уже не представлялось возможным. Пистолеты Данзаса всегда давали тот результат, какой был нужен их хозяину. То есть, стреляясь из них, оба участника дуэли могли спасти себе жизнь.

– Интересно, – заметил дознаватель. – Даже жаль, что не сохранилось то кольцо с бирюзой, что Пушкин подарил приятелю. В сочетании с этими пистолетами Данзас был бы королем успешных дуэлей.

Волконские рассмеялись, Шереметев одобритительно кивнул.

– А расскажи о моем любимом артефакте, – попросил Петр.

Ева перешла к другой стене. Здесь стояла небольшая тумбочка с застекленным верхом. И под стеклом хранились еще несколько предметов.

– Вот он, – указала девушка на один из них. – В вашем фонде собраны не только вещи семьи Пушкиных или тех, кто был с поэтом в последние дни жизни. Здесь хранится память о декабристах. Что, естественно, близко вашей семье. И мы видим барометр Артамона Муравьева. Специально к новой выставке! Это не обычный артефакт. Этот барометр всегда предупреждает своего владельца об опасности, а еще указывает ему верный путь.

– Не только в дороге, – добавила к ее словам Мари. – Но и в решениях. Если человек колеблется, барометр укажет верное решение... или последствия уже сделанного выбора.

Это прозвучало немного зловеще. И Ева очень хотела бы сменить тему, но... Она уже видела то, ради чего все собрались в этом зале. Точнее, маг смотрела на пустую коробочку под стеклом.

– А вот здесь, – упавшим голосом сказала она, – то самое кольцо Пушкина, золотой перстень с изображением треножника. Подарок друзей из «Зеленой лампы»...

В зале повисла гнетущая тревожная тишина. Отвернувшись от витрины, Ева смотрела на Дана. Девушка выглядела подавленной.

– Кольца нет? – спросил Петр, хотя было понятно, что он уже знает ответ.

Маг-артефактор лишь покачала головой.

– Дан, – обратилась она к напарнику, – можете взглянуть... когда?

Дознаватель, собранный, угрюмый, шагнул к ней, посмотрел на пустую витрину.

– Его нужно открыть, – бросил он почти приказным тоном.

Шереметев тут же засуетился, утер платком мгновенно вспотевший лоб. Он пробормотал какие-то слова, дезактивировав заклятия.

Петр и Григорий тоже двинулись ближе, при этом стараясь не мешать Стражу. Мари закрыла лицо руками, плечи ее затряслись. Даниил поднял стекло, аккуратно просунул внутрь витрины ладонь. На этот раз Ева не слышала слов, только от руки Стража к пустой коробочке протянулся золотистый протуберанец. Мгновение он, как язычок пламени, облизывал бархат, потом исчез. Дан убрал руку.

– Мы опоздали совсем чуть-чуть, – сказал он всем. – Кольцо похищено либо сегодня ночью, либо рано утром.

– Это ужасно, – заметил Григорий. – Такая наглость... Мы же все это время были здесь, дома...

– Как такое возможно? – Петр развел руками, он был расстроен, но более сдержан, чем брат или Шереметев. – Защитные заклятия могли дезактивировать только те, кто работал с выставкой. Я, Гриша, Павел Сергеевич и... Ник?

Упоминание последнего имени заставило всех вздрогнуть. Конечно, все понимали, что покойник никак не мог похитить кольцо, и все же это звучало зловеще.

– Наша экскурсия закончена, – рассеянно заметила Ева. – И вопросов стало больше...

Ее взгляд упал на соседнюю витрину. Там хранился ее любимый экспонат. Напоследок, чтобы хоть как-то сгладить неприятное впечатление от этой новости, девушка подошла ближе, просто посмотреть на вещь, которую когда-то сама восстановила для дома на Мойке.

– Что там? – Дан не выпускал напарницу из виду.

– Кольца Ивана Пушина, – неохотно объяснила она. – Это был мой любимый экспонат.

– Иван Пушин? – Дознаватель подошел следом. Он понимал состояние Евы, хотел немного поддержать ее. К тому же небольшое продолжение экскурсии могло помочь снять и общее напряжение. – Жилец комнаты номер тринадцать в Лицее?

Ева улыбнулась ему, опустила глаза...

– Нет! – Девушка в шоке отшатнулась от витрины. – Это лишено всякого смысла!

И вновь все стоящие в комнате подались вперед в тревоге.

– В чем дело? – Петр подошел с другой стороны и рассматривал кольца. – Они на месте.

– Что уже хорошо, – закончил мысль его брат.

– Это подделка! – Ева трясущимися руками указывала на еще одну небольшую коробочку, где лежало два кольца. – Господи... но как? И зачем?

– Подделка? – Дан отстранил Волконских, сам стал рассматривать экспонат.

– Это знаменитые кольца Пушина, – быстро, явно нервничая, стала рассказывать маг-артефактор. – Они были сделаны на Петровском заводе из кандалов Ивана Ивановича. Выкованы по его заказу.

– Он же был сослан, – вспоминал Страж.

– Да, – подтвердила Ева, продолжая всматриваться в лежащие под стеклом кольца. – Но после амнистии вернулся в Петербург, потом в свое имение... Неважно! Два железных кольца! В одно добавлено немного серебра. В другое – золота. На том, что крупнее, есть надпись «9 мая 1836 год».

– Все так. – Дознаватель тоже изучал кольца.

– Но это не те кольца! – в отчаянии вскричала девушка. – Посмотрите на металл! Господи, как можно было поступить так глупо! Железо явно более ранней поры! Где-то век семнадцатый! По стадии окисления видно! И примеси... А серебро! Это же современная проба! Как и в золоте!

– То есть, – стал уточнять Дан, – кто-то нашел старый кусок железа, вплавил в него современные драгоценные металлы и подделал подпись?

– Конечно. – На лице Евы читалось явное отвращение. – Глупая подделка! И так грубо...

– Золото и серебро современные, – рассуждал Страж. – Значит, подмена произошла недавно.

– Проверьте, – попросил взволнованно Петр. – Дан, ты же можешь?

И вновь заклятия были сняты, вновь язычок силы вспыхнул на руке дознавателя.

– Это случилось тогда же, когда украли кольцо Пушкина, – сообщил Дан результат проверки. Мари, издав какой-то всхлип, рванула прочь из комнаты. Она больше не могла выносить потрясений. Все остальные тоже выглядели подавленными.

– Пойдемте отсюда, – мрачно предложил Григорий. – Надо сесть, подумать и успокоиться. Они вернулись в жилые комнаты Волконских. Их дворецкий уже накрыл на стол, но никто из Избранных не спешил наслаждаться едой.

– В чем смысл? – спросила Ева в никуда. – Кольца Пушкина, не имеющие практически ценности. И то два из трех... Теперь эта кража... А еще смерть Ника. Как это все может быть связано?

– Мне немного труднее, чем вам, дорогая, – сказал ей Дан. Он старался быть спокойным, как представитель власти, как друг Евы. – Я не слишком понимаю ценность даже этих колец. И их связь с перстнями поэта.

– А связи и нет, – уныло сообщил ему Шереметев. – Ни в чем. Кольцо с треножником давало владельцу минимальный дар providения. Крохотный. Достойный смертного. Такое кольцо могло помочь развить интуицию. Не больше.

– Как и прочие кольца Пушкина, – заметил Петр. – Это даже не малые, а мельчайшие артефакты. Ну, изумрудный перстень хоть чего-то стоил, но... Говорите, это подделка?

– Еще со времен выставки 1917-го, – подтвердил Дан. – А кольца Пушина?

– Это был мой любимый экспонат, – напомнила Ева. – И не просто так. Наверное, из всей коллекции дома на Мойке самый крупный по силе артефакт. Если бы не было других краж и убийства, я бы сказала, что вор понимает, что делает.

– То есть, – уточнил дознаватель, – если бы украли только эти кольца, в нашей истории был бы смысл?

– Да. – Маг кивнула. – В этом случае мы имеем все ингредиенты. История – страдания Пушина на каторге, легенда – переплавка кандалов в кольца, сила – вера Ивана Ивановича в созданную вещь. И не только его вера. В кольцах была магия. Это практически истинный символ свободы. Владелец колец получал возможность выйти или выпутаться из любой ситуации. Кольца – уверенность в счастливом окончании дела. Получи заключенный Подземелий эти кольца, и... поверьте, случится настоящее чудо, и он обретет свободу!

– Свобода... – задумчиво повторил дознаватель. – Что-то последнее время это слово звучит в нашем деле слишком часто...

– Вот! – оживился вдруг Шереметев. – И Ник все говорил о свободе. Последние дни он ходил какой-то... веселый, живой, будто в предвкушении. Он часто подходил к этому экспонату. И похоже, он цитировал тебя, Ева. Вот такая фраза... «Если у свободы есть символ, значит, и сама свобода существует...»

– Странно... – Девушка нахмурилась. – А ведь я на самом деле что-то такое говорила. Именно об этих кольцах. Но очень давно...

У нее появилась какая-то важная мысль, и маг подалась вперед, собираясь ее высказать, развить... И в этот момент в комнату влетел запыхавшийся и взволнованный Вова. Наверное, никто из присутствующих еще не видел его в таком состоянии. Вечно элегантный, аристократичный, сейчас он выглядел встрепанным, встревоженным, каким-то потерянным.

– Прошу простить, – чуть задышав от спешки, выпалил он. – Ева, Даниил, вы срочно нужны в доме князя.

– Что еще могло случиться? – Петр привстал, тревожно глядя на Вову.

– Все потом, господа, – выставив руки вперед, решительно предупредил прибывший. – Извините, что напугал. Все живы, больше происшествий нет, но... Нам надо спешить. Ева и Дан уже стояли рядом с ним. Девушка посмотрела на своего напарника многозначительно, давая понять, что, кажется, наконец уловила смысл происходящего. Дан в ответ кивнул. Он помнил, что сказала маг-артефактор утром Гавру. Скорее всего, их все-таки ждали еще одни неприятные новости.

Быстро распрощавшись с Волконскими и Шереметевым, москвичи поспешили за Вовой. Портал до имения его светлости был открыт прямо из гостиной дома на Мойке.

2 сентября, 16.00. Усадьба Лопухинка, Ломоносовский район, Ленинградская область

Они вышли из портала прямо в холле усадьбы. Вова тут же повел Еву и Даниила вверх по красивой каменной лестнице, ведущей в личные покои обитателей дома.

– Малая гостиная? – переспросила маг приятеля.

Вова кивнул и чуть улыбнулся. Сейчас он выглядел чуть лучше, привычнее. Та же его неповторимая грация танцора в движениях, тот же элегантный, щеголеватый вид. Видимо, первый испуг или тревога улеглись, и теперь, найдя Стража и его напарницу, Вова успокоился и взял себя в руки.

– Его светлость там, – на ходу говорил он. – А также Гавр. И Константин-младший. Заодно я и Георгий.

– Ближний круг, – отметил дознаватель.

– Только семья, – кивнул ему Вова. – Остальные не в курсе.

– Пока лучше оставить их в неведении, – это у Дана прозвучало как приказ.

Они вошли в просторную комнату, обставленную светлой удобной мягкой мебелью. Тут же стояли рояль, небольшой столик, шкафы, заполненные книгами. Это была комната для семейного отдыха. Но сегодня здесь царила совсем не праздная атмосфера.

Напротив входа в высоком кресле сидел сам князь Константин Константинович. Хотя час был еще довольно ранний, на нем был надет халат с меховым воротником, ноги укутаны пледом.

Сейчас князь выглядел таким, каким ранее его видела только Ева. Усталый больной старик с тонкими руками, морщинистыми, будто высохшими. С вытянувшимся, каким-то серо-желтым лицом. Даже сидя, казалось, его светлость горбится.

Увидевший князя таким Дан от неожиданности сбился с шага. Дознаватель кинул на Еву чуть вопросительный взгляд. Теперь она понимающе кивнула в ответ. Да, князь болен, и теперь уже этого не скрыть.

Гавр стоял недалеко от отца. На нем был расстегнутый пиджак, развязанный галстук висел ненужной тряпкой на шее, волосы оборотня были всклокочены, и вообще вид у старшего сына князя был загнанный, но решительный. В другом кресле, почти напротив князя, сидел его младший сын Георгий. В отличие от брата он был спокоен и собран внешне, но устремленный на отца взгляд выдавал тревогу за князя. Хуже всех выглядел Константин-младший. Он сидел отдельно, в углу комнаты, на стуле, обхватив голову руками.

Но был в комнате и еще один гость, о котором не упомянул Вова. Наталья Нарышкина в элегантном черном костюме стояла у окна, чуть прислонившись к подоконнику. Судя по лицам окружающих, ее появление удивило всех.

– Ваша светлость, – Ева сразу обратилась к князю, – простите... Это я...

– Ваш дар оказался все-таки мне полезен, молодая леди, – с непривычной, наверное, даже для него самой робкой улыбкой ответил ей князь.

– Ева! – Гавр подлетел к подруге, взволнованно сжал ее руки. – Если бы не ты, не твой дар!..

После нашего разговора утром, – это оборотень уже объяснял всем присутствующим, – Ева меня предупредила о состоянии отца. И я пришел... настоял... Боже! – Гавр схватился за голову. – Еще бы пара недель, и было бы поздно!

– Простите, ваша светлость. – Даниил по-военному коротко кивнул князю. – Я могу лишь выразить надежду, что ваше здоровье улучшится. Но пока я обращусь к вашему сыну...

– Он лучший лекарь Петербурга, – ответил дознавателю князь. – И тут вы правы, Даниил. Все к нему.

– Хорошо, – Страж посмотрел на оборотня. – Но и к вам, князь, у меня будут вопросы.

Константин-старший только утомленно кивнул.

– Гавр, – теперь у Дана был решительный деловой тон, – об истинном состоянии здоровья вашего отца Ева сказала мне еще вчера. Теперь вы. Скажите, это проклятие? Порча?

– Это отравление, – уже значительно спокойнее пояснил оборотень. – Я присяду?

Даниил кивнул. Он видел, как измотан старший сын его светлости. Казалось, Гавр сам с трудом держится на ногах после пережитого потрясения.

– Я сразу после разговора с Евой пошел к отцу, – усевшись на стул, стал рассказывать лекарь. – Мы как-то не подумали... Выставка, наследство... А ведь все сходилось! Со мной был Георгий...

Гавр кивнул брату.

– Слова Евы меня тоже встревожили. – Георг говорил складно, коротко, по делу. – В свете последних событий все это выглядело подозрительно. Вместе мы нашли отца. Гавр настоял на осмотре. Состояние здоровья князя оказалось плачевным, когда чары были сняты. Но выяснить причину удалось не сразу. Мы привлекли к делу Вову. Только он способен быстро найти... яд. Даниил тут же перевел взгляд на Вову.

– У нас ушло всего пару часов на выяснение, – ответил тот на невысказанный вопрос. – Просто надо было понять, где искать.

– Я просчитал, – опять перехватил инициативу Георг, – что яд мог быть лишь в тех предметах или еде, которую принимал только отец. Иначе мы бы все уже имели признаки отравления. А дальше оставалось лишь найти...

– ...И установить яд, – закончил за него Вова. – Это просто адская смесь. Яд растительного происхождения. Там магии практически нет. Только травы. Такое мог сделать даже смертный.

– Как давно его светлость принимал это зелье? – спросила Ева, лишь на миг опередив своего напарника.

– Уже более полугода. – Гавр опять схватился за голову. – Отец! Почему ты просто не пришел ко мне?! Мы же могли не успеть...

– Гавр. – Дан опять отвлек на себя внимание оборотня, не дав ему погрузиться в переживания, – это поправимо?

– Конечно. – Тут лекарь выпрямился, ведь разговор коснулся его темы. – Мы уже приняли меры. Вова смешал противоядие. Я добавил магии. Я думаю, пара месяцев, и отец придет в норму. Я позабочусь, чтобы не было последствий.

– Как я понимаю, – вдруг вступила в разговор Наталья, и тон ее был крайне неприятен, – тебя, Константин, травили, как обычного смертного! Почему ты даже не подумал обратиться за помощью? Твой сын лучший лекарь Петербурга. Есть другие члены семьи, есть я... И еще, вы проверили? Ваша смертная прислуга? Их допросили?

– Остановитесь, кузина, – мягко и чуть иронично сказал Дан. – Не знаю, как остальные, но лично я несколько удивлен вашим присутствием. И все эти вопросы...

– Очень мило, кузен, – ядовито отозвалась Нарышкина, но тут же сменила тон. – Я приехала, как только узнала. И... Константин все же из рода моего великого брата!

Она опустила глаза, чуть нахмурилась. Как ни странно, стало понятно, что Наталья искренне переживает по поводу случившегося.

– Я благодарен за поддержку, – сухо кивнул ей князь. – При наших с тобой делах...

– Неважно, – тут же отмахнулась Нарышкина. – Все эти игры в твое отсутствие теряют смысл. Мы родственники, Константин. Остальное тлен, как говорится.

Князь кивнул.

– А что до смертных, – все тем же деловым сдержанным тоном заметил Георг, – то никто из них не имел доступа к тому продукту, где был яд.

– И где же он был? – тут же спросил Дан.

– Чай, – ответил Вова. – Во-первых, в его составе легче всего спрятать отраву, если это зелье. И запах. Чай отбивает его полностью. Почти. – Тут он позволил себе улыбнуться. – А главное, этот сорт пьет только его светлость. Прислуга не имеет доступа к нему.

– Потому что я еще в состоянии сам заботиться о себе, – заметил Константин-старший. – Этот сорт привозили мне из Китая. Я самостоятельно завариваю себе его на ночь, особенно когда работаю допоздна.

– А когда вы почувствовали недомогание впервые? – продолжил дознаватель, теперь уже адресуя свои вопросы непосредственно Константину Константиновичу.

– Где-то в марте, – подумав, ответил князь.

– Отец! – Гавр вскочил со стула. – Более полугода! Ты принимал эту отраву и... Почему ты не сказал! Наталья права, у тебя есть я, мы. Она предложила свою помощь! Почему ты молчал!

– Успокойся, – чуть ворчливо посоветовал Константин-старший сыну. – Я не думал об этом. Да, стал чувствовать себя плохо. Я пошел к своему лекарю. Ты, Гавр, ее знаешь. Она не нашла причины. И тогда... – князь тяжело вздохнул. – Мы Романовы. И в нашей семье было много... тайных болезней. Многие мои родные уходили рано. Я понимаю, что у нас плохая кровь. Да вся страна знает об этом! Вспомните бедного Алешеньку...

– Глупости! – категорично заявила Наталья. – Романовы, конечно, болели... разными хворями. И это семейная проблема. Но посмотри на своих детей! Гавр, Костя, Георг! Они полны жизни. Посмотри на меня! Сколько мне лет? И, поверь, чувствую себя прекрасно.

Ева невольно улыбнулась. Наталья даже не заметила, как спокойно причислила себя к Дому Романовых. Да и в желании доказать князю свою правоту Нарышкина упустила из виду тот факт, что и она сама, и тот же Гавр – оборотни.

Князь на эту речь Натальи лишь пожал плечами.

– Возможно, я поддался самому известному пороку нашей семьи, – сказал он. – Романовы склонны к черной меланхолии. Но... Важно, что я просто решил подготовить свой уход. Наверное... – он чуть задумался, подбирая слова. – Мне стоило бы даже благодарить отравителя. Я многое пересмотрел, передумал. И старался изменить.

Все Романовы теперь смотрели на своего старшего родича с немим удивлением.

– Фонд, – начал он объяснять, – это мое детище. Моя жизнь. Но у меня есть и семья. О которой я неблагодарно забыл. Это надо было исправить. И я старался это сделать. А выставка была поводом все правильно сделать и... Моим прощальным триумфом.

– А я-то думала, это лишь повод посоперничать со мной, – усмехнулась Наталья.

– Нет, – совершенно серьезно ответил Константин-старший. – Но ты сильно мне мешала. Или... помогла? Сколькоким моим детям ты предлагала продать меня?

Несмотря на жестокий смысл фразы, князь улыбался, задавая своей давней сопернице этот вопрос.

– Всем, конечно! – искренне рассмеялась в ответ Нарышкина. – И...

Она развела руками. Даниил, не выдержав, обернулся к ней, с явно ироничным удивлением на лице.

– О да! Мальчик, – ответила Нарышкина кузену, – в других обстоятельствах мне следовало бы наказать тебя за наглость. Но сейчас – да. Я отвечу утвердительно на твой невысказанный вопрос. Я сдаюсь.

Романовы вновь смотрели на нее в немом удивлении.

– Наталья, – князь заставил себя выпрямиться в кресле. – Я не приму твою жалость!

– Жалость? – Нарышкина отошла от окна, встала напротив Романова-старшего, скрестив руки на груди. – К чему это? Я сдаюсь. Я оставляю свои попытки захватить твой фонд, твое положение в Петербурге, отказываюсь подрывать твой авторитет в мире науки. И жалость тут ни при чем. Просто... Вот ты, мальчик, – она резко обернулась к Даниилу, – скажи ему, что ценит наша семья? Что важно для тебя. Как для Нарышкина.

Дознатель не ожидал этого вопроса. Он был в этом доме как Страж. Но ситуация явно вышла из-под контроля. И все же он ответил на вопрос. Только смотрел он при этом лишь на свою напарницу. Потому что с первой встречи он восхищался в Еве именно теми самыми качествами, которые сейчас называл Наталье.

– Я ценю верность, преданность, дружбу.

– Вот! – победно воскликнула Нарышкина, вновь обращая все свое внимание на Романова-старшего. – Это ценит наша ветвь семьи. И твоя тоже. Посмотри на своих детей, Константин. На каждого из них. Ты уже спросил, и я ответила. Каждому из них я предлагала, как ты выразился, продать тебя. Гавру я обещала денег. И он отверг и меня, и мое богатство. Он был первым. И... самым дерзким. – Она метнула на оборотня такой взгляд, что становилось понятно, насколько грубым на самом деле был его ответ. – Теперь Георг... Он просто ушел, даже не закончив разговор. А много ли я просила? Просто возглавить фонд и принять после этого мое покровительство. Константин-младший...

Она посмотрела в угол, где все еще сидел этот представитель Романовых, забытый всеми. При ее словах второй сын князя поник еще больше, весь съежился, стараясь не смотреть ни на кого.

– Я бы сдалась все равно. – Наталья опять повернулась к Константину Константиновичу, тон ее стал почти ласковым, каким-то домашним. – После того, что сделал этот твой сын сегодня... Я бы все равно пришла к тебе. Я поддержу твой фонд. Я окажу любую помощь тебе и твоим

детям. Как уже говорила, чай, не чужие. Мы сделаем выставку. Это не будет твоим прощанием. Но да! Она станет твоим триумфом.

Князь выглядел растроганным. Ева смотрела на него и поражалась. Она помнила его светлость холодным, резким, язвительным. И сильным. А теперь... перед ней был тот, кого так хотели видеть его дети. Это был отец. Ева с благодарностью кивнула Наталье, поймав случайно ее взгляд.

– Я не буду больше мешать вашему разговору. – Нарышкина резко засобиравшись к выходу. Она сыграла свое выступление. Она выиграла по-своему. И теперь она покидала сцену. – Даниил? Дознатель кивнул ей.

– Прости, что задержала ваше расследование. Буду рада видеть тебя у себя, когда все уляжется. Когда ты раскроешь дело. Ева, ты замечательная девочка. Двери моего дома всегда открыты для тебя. До свидания.

И Нарышкина гордо удалилась, оставив за собой потрясение и тишину.

– О Господи, – Гавр, усталый, но в целом уже успокоившийся, встал со своего стула. – События развиваются так быстро, что у меня голова кругом.

– Согласен, – вяло поднял руку Георг. – Отец? Прими мои поздравления. Фонд твой. И мы все горды этим.

– И это ваша заслуга, дети, – Князь на миг устало закрыл глаза, но потом заставил себя собраться. – Даниил, я устал, но хочу продолжить разговор. У вас есть вопросы, как я понимаю?

– Да, ваша светлость, – дознаватель вновь вернулся в рамки своего долга, вернулся к делу. – Гавр прав, происходит слишком много всего. А я хотел бы узнать, с чего все-таки это началось. Но прежде... – Дан не удержался от улыбки. – Простите мое любопытство. Прежде я все же хочу узнать, что же сегодня сделал Константин?

– О да! – Вова позволил себе почти веселую улыбку. – Сегодня твой день, кузен. Мало кто сможет побороть Наталью Нарышкину. Расскажи!

Князь тоже повернулся, чтобы взглянуть на своего второго сына. Но тот, казалось, совсем был не рад такому повышенному интересу.

– Константин, – Ева решила подойти ближе, почти ласково коснулась плеча мага. – Что ты делал сегодня в доме Натальи? И когда ты там был?

Удивительно, но ее участие оживило Константина-младшего, хотя ранее они с Евой никогда не ладили.

– Я был у Софи, – выдавил он, глядя только на мага-артефактора. – Я ходил... прощаться. Час назад. Там меня застал звонок брата. Наталья пришла вслед за мной.

– Что? – Ева удивилась. – Подожди... Сегодня утром, когда Софи говорила с Натальей... прозвучала фраза о том, что у Софи есть кто-то, чье сердце она покорила. Константин? Ты влюблен?

Он жалко кивнул и опять опустил лицо в ладони.

– Ты и Софи? – Гавр улыбнулся почти радостно. – Ну, брат. Неожиданно. Хотя в целом... Тебя нетрудно понять. Она красива и умна. Хотя характер еще тот. Но почему прощался?

– Я не мог так, – сказал Константин-младший, не поднимая лица. – Она... Она говорила о многом, обещала. Мы будем вместе. Объединим фонды. Если я наследую... А я... Я не смог бы. Я бы не предал отца. И я прощался.

– Сын, – князь старался привстать. – Иди ко мне, сын.

Шатаясь, Константин-младший приблизился к креслу отца. Он выглядел таким несчастным, что на него больно было смотреть.

– Я горжусь тобой, мой мальчик, – сказал ему князь. – И прости меня, если... если я... если я опять разрушил любовь... Ты достоин просто быть счастливым.

Его сын закрыл лицо руками, плечи его затряслись.

– Нет, отец, – выдавил Константин-младший. – В этот раз виноват только я.

И он, все так же шатаясь, пошел к дверям. Никто не решался остановить или же проводить его. Очередная семейная сцена вновь выбила всех из колеи.

– Простите, – после некоторого молчания извинился Даниил перед князем. – Я не предполагал, что мое любопытство доставит кому-то боль. Мы можем продолжить?

– Давайте выясним все до конца, молодой человек, – сказал князь, вновь стараясь сесть как можно более прямо.

– Хорошо, – деловито согласился Дан. – Итак, в марте вы почувствовали недомогание, решили, что смертельно больны. Кстати, – дознаватель перевел взгляд на остальных Романовых, – когда его светлость начал принимать яд, если уж быть совсем точными?

– Где-то после Рождества, – ответил ему Георг. – Как только Вова смог определить состав, Гавр рассчитал длительность воздействия зелья почти до дня.

– И тогда, – Страж вновь все свое внимание обратил на князя, – вы решили привести в порядок дела. Так?

– Все верно, – кивнул Константин Константинович. – Выставка была хорошим поводом, как уже было сказано. Я смог бы распределить наследство, как планировал. И позаботиться о своих детях. Обо всех, – тут он чуть лукаво улыбнулся. – Наталья здорово помогла мне, сама того не зная. Волконские сразу поддержали идею выставки. В доме на Мойке много новых экспонатов. А Нарышкиной... я бросил вызов. Что признала даже она сама. Эта выставка должна была казаться ей состязанием. И, как я и ожидал, Наталья использовала ее, чтобы подкупить моих детей. Попробовать подкупить.

Он обвел всех сыновей и племянника веселым взглядом.

– Я знал, что она это сделает, – продолжил князь. – И воспользовался этим, чтобы самому позаботиться о детях, не вызывая их подозрений. Так я передал Гавру право наследования в семье. Он старший сын. Успешный. Он любит свое дело, и долг для него превышает личного. Позже я планировал уговорить его принять деньги на расширение клиники. Вова. Я знал, что он никогда не согласится на работу в фонде. И я придумал новый проект. Для него.

– Благодарить за который я буду еще долго, – откликнулся на это Вова.

– Георгу Брасову я тоже предложил партнерство. А вот моему Георгу я хотел передать фонд, – рассказывал князь дальше. – Так я планировал вначале. Однако... Мой младший сын не готов был принять такое наследство. Я аккуратно завел с ним этот разговор. Но его устремления лежат в другой области. По-прежнему.

Константин Константинович посмотрел на Георга, чуть улыбнулся.

– Всегда фонд был на первом месте, – напомнил он. – Для меня всегда. И я навязал в свое время Георгу работу в фонде. Теперь, как я думал, пришло время это исправить. Но... я такой, каким являюсь. И просто отпустить я, наверное, не в состоянии. Тогда я предложил сыну сделку. Он помогает мне с последней выставкой и получает то, чего он хотел.

Георгий кивнул, подтверждая слова отца.

– Я согласился, – сказал он. – Сначала безо всякого желания. Но когда Наталья пыталась меня подкупить... Наверное, чисто из принципа я взялся за отцовское дело. Однако прости, отец. Когда мы откроем выставку, я все-таки уйду. И, да, я знаю твою хитрость. Ты надеялся, что я так увлекусь, что все-таки останусь. Но нет, этого не будет.

Князь рассмеялся. Натужно, тяжело, но как-то добро.

– Из тебя получится хороший Страж, – ответил он Георгу. – Ты прав. Я до нынешнего дня еще надеялся тебя приручить. Но... Сделка в силе. После выставки ты можешь уходить.

– Ваша светлость, – обратил на себя внимание Даниил. – Я думаю, вы еще будете гордиться сыном. Даже сегодня он показал завидное умение вести дела в любой ситуации. Стража Петербурга обретет одаренного дознавателя в лице Георга.

– Ваше мнение честь для меня. – Младший сын князя чуть поклонился Даниилу.

– Можете рассчитывать на мою рекомендацию, – улыбнулся ему Страж. – Но продолжим. Остался еще один ваш сын. Константин. Уж он-то мог претендовать на наследство в виде руководства фондом.

– Карты, – напомнил Константин Константинович. – Порок моего сына. Отдать ему фонд я не мог. Но все внешние дела дома, вся дипломатическая работа осталась бы за ним. А фонд... Потому я выкупил его долги. Это тоже была сделка. И... Я знал о Софи. Только не думал, что в этом случае Наталья зайдет так далеко. Костя получал хорошую должность и любовь. Должен был получить.

– Но... – робко вмешалась Ева. – Еще есть шанс. Вы закончили ваше соперничество с Нарышкиной. И теперь ничто не мешает...

– Если только Софи этого захочет, – заметил князь. – Что до Натальи, ты права. И, я думаю, теперь она только благословит надежды моего сына.

– Ваша светлость, – вернул разговор к прежней теме дознаватель, – так в конечном итоге вы выбрали Николая своим наследником в фонде. Так?

– Он был идеальной кандидатурой, – грустно заметил князь.

– Разве? – вновь вмешалась Ева. – Ник? Книжный червь? Молчаливый. Оживающий только в компании близких друзей. Почему не Алекс? Как вы решили теперь? Почему, в конце концов, не Мари?

– Мари! – Гавр тоже посмотрел на отца вопросительно. – Вообще, я согласен. Ей это подошло бы больше. И по стараниям, и по степени родства, наконец.

– Мари... – князь вновь тяжело вздохнул. – Тут причин много. Начну, пожалуй, с самой очевидной для меня. Ева? – он посмотрел на мага-артефактора со знакомым ей чуть надменным выражением. – Знаешь ли? Как-то я взял на стажировку одну наглую и дерзкую девчонку. Говорили, она ученица Кира Куракина, она названная дочь Магнуса Скифа... Думаешь, молодая леди, я сделал это лишь из любопытства?

Ева смотрела на князя как зачарованная. Она напряженно выпрямилась, обхватила себя руками, как бы защищаясь, но при этом она держала взгляд, гордо подняла голову. Даниил, помня со слов напарницы, как несладко приходилось ей ранее, аккуратно придвинулся ближе к ней, давая понять остальным, что сейчас девушка под его защитой. Сама же Ева этого не заметила.

– Так вот, – чуть насмешливо продолжал князь. – Моего любопытства хватило бы всего на день. Но я оставил тебя работать у меня. Это мой фонд, Ева. Мои правила. Помнишь, сколько раз я повторял тебе это? Сколько раз я наказывал тебя за непослушание? Но... ты все равно поступала по-своему.

– Да, – твердо и упрямо отозвалась маг.

– А не задумывалась ли ты, девочка, – казалось, Константина Константиновича ситуация развлекает все больше, – почему ты получала эти самые предложения от Эрмитажа? От того же дома на Мойке? Откуда в экспедициях узнавали о молодом мага-артефакторе? Откуда брались эти самые поводы для твоего непослушания?

Глаза Евы потрясенно расширились, она уже знакомым Дану почти детским жестом прижала ладонь к губам.

– Вы? – удивленно охнула она.

– Я, – признался его светлость. – Я, девочка. И... такими ли уж тяжелыми были мои наказания? За такое грубое непослушание? А? А знаешь, что я тебе скажу? Если бы ты провалила хоть одно задание Эрмитажа или вернулась из экспедиции ни с чем... вот тогда бы я вмиг уволил бы тебя, Ева! Но ты оправдала мои надежды. Ты блестящий ученый. Лучший маг-артефактор страны. Почти легенда. Ты шла вперед всегда. Несмотря на обиды, трудности, несмотря на душевную боль, которую я причинил тебе тогда... в случае с твоей подругой и Ником. Ты работала. Я не так добр, девочка. Я делал это больше для себя. Это льстило мне. Что я вывел в свет такую звезду. Но это не меняет и того факта, что в тебе была и есть сейчас эта негасимая искра. В Мари этого нет. Она хороший ученый, но не блестящий. А вот в Нике эта искра была... На миг в комнате воцарилась тишина. Ева явно не знала, что сказать, как справиться со своими чувствами. Гавр лишь тихо улыбался, как и Георг. Но Вова отреагировал иначе.

– Разве? – тем же упрямым тоном спросил он, как до него задавала этот вопрос Ева. – Разве это так, дядя? В нем горела эта искра. Давно. Но... Ты можешь сердиться на меня, но я скажу. Ник был моим другом. И... Ты погасил в нем эту искру много лет назад. И это правда.

– Да, – признал князь, искренне, без игры и без капли раздражения. – Но я же и хотел зажечь ее снова. И это еще одна причина, почему не Мари. Я должен был искупить свою вину перед Ником. Мне нужно было тогда послушать тебя, Ева. А не Мари, с ее обвинениями и ложью! Я хотел вернуть Нику то, что я у него отобрал. Исправить ошибку.

– Простите, – вмешался Дан. – Каким же образом наследование фонда могло что-то изменить в той печальной истории?

– Вот и Ник сначала этого не понял, – грустно заметил его светлость. – Он думал, это очередное задание, в котором он не нуждался. Ведь вы сами заметили, он не слишком любил общаться с людьми, хотя умел это делать. Он погружался в рукописи и книги. А Мари и так все эти годы по сути вела дела фонда. Ник поначалу и отдавал все дела ей. Или Софи. О его отношениях с ней я тоже знаю. Но... Потом все разрешилось. Ведь подготовка к выставке давала ему нечто большее, – князь сосредоточил все свое внимание на Еве. Теперь он говорил только для нее. – Это поездки, переговоры. В других городах. Странах. А главное... в Москве.

– Ли... – поняла Ева. – Он мог быть с ней!

– И ему больше не нужно было бы мое благословение, – дополнил Константин Константинович.

– Вот о какой свободе он говорил! – понял и Вова. – Ник мог все вернуть! Он был прав. Это была его свобода. Свобода быть с любимой! После стольких лет...

– Я зажег его искру снова, – глухо напомнил князь и вновь погрузился в свою усталость. – Я искупил вину, но... Ника больше с нами нет.

Даниил смотрел на его светлость со все нарастающей тревогой.

– Князь, – сказал дознаватель после некоторой паузы. – Я знаю, нам есть что еще обсудить.

Но... вы устали, и это трудно отрицать. Для всех нас сегодня был трудный и полный потрясений день. Давайте продолжим завтра.

На самом деле в тот момент Страж думал еще и о Еве. Девушка выглядела бледной и несчастной. Слишком многое на нее свалилось. Дан очень рассчитывал на нее в этом непростом деле. И сейчас он понимал, что его напарнице тоже необходима передышка.

Константин Константинович кивнул Стражу. Коротко, без лишних слов. Его силы тоже были на исходе.

– Я хотел бы остаться с моими детьми, – сказал князь.

– Конечно. – Ева чуть улыбнулась, засобиравшись к выходу. И уже стоя в шаге от двери, зная, что и Дан идет за ней, девушка все же обернулась, посмотрела на князя так знакомым ему дерзким и гордым взглядом и сказала: – Спасибо. За все. И за всех...

Его светлость лишь усмехнулся в ответ, когда за дознавателем и наглой девчонкой уже закрывалась дверь.

Ева и Дан спустились по лестнице. Открывать портал прямо из холла они постеснялись. Что разрешено хозяевам, не всегда приемлемо для гостей. Дознаватель уже собирался открыть входную дверь перед своей напарницей, когда ее окликнули.

Внизу, справа от лестницы, в тени стоял Константин-младший. Ева никогда с ним не ладила, но после сегодняшних новостей она не могла проигнорировать его.

– Константин? – Она подошла ближе, послав прежде своему напарнику извиняющийся взгляд. – Тебе лучше?

Он по-прежнему выглядел бледным и немного жалким. Но обычная надменность явно к нему уже возвращалась.

– Ты же с ним? – как-то нервно кивнул сын князя на дознавателя.

– Что очевидно, – не удержалась Ева от усмешки. – И мы уже уходим.

– Я знаю. – Константин держал в руках какую-то папку. – Отец сказал потом передать это тебе. Но я отдам лучше сейчас.

– Хорошо. – Она, не глядя, приняла у него папку и собиралась уже уходить, но все-таки задержалась. – Знаешь, мы с тобой друг друга всегда терпеть не могли, но... я желаю тебе счастья. С Софи. Может, у вас еще и получится.

– Не стоит так переживать из-за моих дел, – скривив губы, довольно резко ответил Константин. – И... она уже звонила. Мои дела, возможно, еще и лучше твоих. Займись своими. Найдите уже того, кто сделал это с моим отцом!

– Обязательно, – ядовито усмехнулась Ева. – А ты уж будь поласковее с Софи. Тебе же еще жить... с ее характером. И привычками, симпатиями...

На этот раз девушка собиралась уходить, оставив Константина с его злобными привычками. Но он вдруг удержал ее за руку.

– Стой! – Его волнение или даже страх прорвались наружу. – Не хочу лишних вопросов и домыслов! Скажи своему Стражу, я знал о Нике. Я знал, что он с Софи... И это ничего не значило.

– Знал? – удивилась Ева. – Не значило, что твоя женщина спит с другим?

– Ник всегда с кем-то спал, – торопливо возразил сын князя фразой, какую Ева раньше уже слышала от друзей убитого. – А Софи... ей нравится играть с мужчинами. Но они никогда ничего друг для друга не значили!

– Возможно, – уклончиво заметила маг. – Или просто ты себя сейчас в этом убеждаешь.

– Для Ника никто ничего не значил, кроме этой твоей подружки Ли! – Константин явно начал злиться. – А Софи может спать с кем угодно, но после нашей помолвки... Неважно! Все равно это бы скоро кончилось.

– Не скажи. – Ева знала, что зря его раздражает, но не могла отказать себе в таком удовольствии. – Выставка открывается в феврале. До этого еще несколько месяцев.

– И что? – Константин повысил голос, но, заметив, что дознаватель с тревогой посматривает в их сторону, опять сбавил тон. – И что? Вот только я по-прежнему планирую все встречи, касающиеся фонда. И Ника уже на следующей неделе ждали в Москве! Понимаешь? Командировка на две недели туда, где есть эта его Ли!

– Ах, вот как... – Эта информация могла пригодиться в расследовании. И Ева была рада, что выудила из Романова-младшего сведения. – Ладно. Приглядывай за Софи. А мне пора.

– Приглядывай за своим Стражем, – язвительно кинул ей вслед Константин.

2 сентября, 17.30. Гостиница в Санкт-Петербурге

Они вернулись в номер просто эмоционально измотанными. Ева упала на диван, отбросив папку, которую дал ей Константин-младший.

– Это ужасно, – пожаловалась она напарнику, потирая виски. – Дан, у вас все дела такие запутанные и нервные?

– К счастью, нет, – устало улыбнувшись, признался он, усаживаясь в кресло напротив нее. – Такого дела мне еще не попадалось.

– Что ни день, так куча происшествий! – продолжала маг. – И с каждым новым преступлением вопросов становится все больше!

– А вот тут, дорогая, – чуть иронично возразил Страж, – я с вами не согласен. Картина, наоборот, стала яснее.

– У вас есть версия? – Ева казалась заинтригованной, что дознавателю явно польстило.

– Есть, – признался он. – Во многом благодаря вам. Давайте подумаем, какие из случившихся преступлений на самом деле выглядят серьезными?

– Преступление – это всегда серьезно, – заметила маг.

– Конечно, и все же... – продолжал рассуждать Дан. – Убийство Ника. Это более серьезно, чем остальные. Несомненно. И... вы сами сказали, кража колец Пушкина. Единственные значимые артефакты из всех, что были похищены. И вот я думаю, картина выглядит так. Николай должен был благодаря наследству князя получить свободу.

– Получить Ли, – уточнила Ева.

– Для каждого у свободы есть свое имя, – усмехнулся дознаватель. – Ник сам говорил всем именно о свободе. И в этом причина его смерти. Просто потому, что кто-то другой надеялся стать наследником и получить свою свободу. Когда же надежды убийцы не оправдались, он избавился от соперника, а кольца прихватил как гарантию, как несомненный второй шанс.

– Я понимаю вашу идею, – подумав, призналась Ева. – Наследство и его последствия – лакомый кусок, убийство из-за соперничества плюс кража именно этого артефакта как дополнительная гарантия успеха. Но как в эту схему вписывается отравление князя?

– Но именно скорая кончина его светлости и должна была привести к получению желаемого наследства, – напомнил Дан. – Кто-то спланировал все заранее. Ошибка была лишь в том, что наш преступник почему-то очень верил, что именно он и станет наследником.

– В целом верно, – согласилась девушка. – А кольца Пушкина нужны были лишь для того, чтобы запутать следствие. Да и вообще, не случись так, что я оказалась сегодня в доме на Мойке, кражи колец Пушкина вообще еще долго никто бы не заметил.

– Возможно, – высказал еще одну догадку Страж, – кольца поэта должны были указать на мою кузину, или Софи, или даже на Алекса как еще одного возможного соперника в деле о наследстве.

– Да, – с жаром подхватила его напарница. – Все было очень хорошо продумано. Игры князя и Нарышкиной преступник тоже использовал в своих целях. – Тут девушка нахмурилась. – Хорошо, Дан. Версия случившегося у нас есть. И даже круг подозреваемых значительно сузился. Когда стало известно об отравлении князя, сразу были сняты подозрения с Натальи, Софи или тех же Волконских с Шереметевым. Добавлять зелье в чай мог лишь член семьи. Но все равно мы не можем четко выделить хоть одного подозреваемого!

– Ну, – дознаватель улыбнулся, – это точно не Гавр и не Вова. Я бы вычеркнул из списков и Георга, младшего сына его светлости. Хотя... Вы правы, здесь как минимум у троих есть мотивы.

– Верно, – грустно заметила Ева. – Вы уже сказали, что для каждого под словом «свобода» подразумевается что-то свое. И это невыносимо!

– Вы просто голодны, – возразил мягко Страж. – Кстати, как и я. Мы же сегодня практически не ели. Давайте я закажу ужин из ресторана внизу. А потом мы еще раз рассмотрим все кандидатуры.

– Это отличная идея, – поддержала его напарница. – Пока вы будете звонить, я все-таки посмотрю, что передал князь через Константина-младшего.

Дан направился к телефону, стоящему на небольшой тумбочке в прихожей их номера. Ева между тем пододвинула к себе папку...

Дознатель не знал, что его заставило вдруг прервать разговор с рестораном и срочно вернуться в комнату. Возможно, идеальная интуиция Стража, возможно, то, что во время разговора он думал о Еве. Просто в какой-то момент Дан понял, что с девушкой что-то не так. Извинившись, он бросил трубку и поспешил обратно в гостиную.

Ева сидела там же, на том же диване. Папка валялась открытой на полу. Сама же девушка плакала, тихо, горько, закрыв лицо ладонями. Дознатель сел рядом, почти силой оторвал ее руки от заплаканного лица, прижал напарницу к себе. Он не знал причины слез, а потому просто молча гладил Еву по волосам, по плечам, надеясь как-то ее успокоить.

Конечно, Стражу было нетрудно догадаться, что причина ее горя скрыта в той самой папке. Но бумаги валялись на полу, и Дан не хотел сейчас отпускать девушку. Она успокаивалась, понемногу приходила в себя. Рыдания затихли, перешли в легкие всхлипывания. И лишь спустя еще минут пять Ева осторожно отодвинулась от Стража, вытерла ладонью щеки.

– Простите меня, Дан, – прошептала она. – Просто... Я не знала...

Девушка указывала на папку. Теперь и дознаватель смог дотянуться до бумаг, аккуратно вложенных в целлофановые файлы. Ему хватило минуты, чтобы пробежаться глазами по первым строчкам.

От руки красивым ровным почерком там было написано: «Здравствуй, Ли. Любимая, прошло уже десять лет с нашей последней встречи. И остается еще десять дней до того момента, как я снова смогу тебя увидеть. Ли! Я приеду к тебе, и больше никто и ничто не сможет помешать нам быть вместе...»

Дальше Даниил читать не стал. Все и так было понятно. И очень-очень грустно.

– Он любил ее все эти годы, – сказала Ева, глядя на отложенные письма. – Он писал ей... Но не посылал ни строчки. Он просто складывал их... И мечтал. Как я смогу сказать об этом Ли?

– Ева, – Дан опять погладил ее по плечу, – Ли уже знает, что его нет. Она... она справится. Она сильная. А еще у нее есть вы, есть Марси.

– Справится... – Девушка чуть покачала головой. – Вы просто не видели этого, Дан. Тогда, после ее возвращения из Петербурга. Мне казалось, что мою любимую и лучшую подругу, всегда веселую, смелую, дерзкую и упрямую, подменили мертвой куклой. От нее осталась лишь оболочка. Два года Ли училась жить заново. И то ей это удалось лишь потому, что Ник приезжал. Хоть на время, хоть на одну ночь.

– И это длилось много лет, как я понял. – Дознатель указал на папку. – И он всегда думал о ней. Ведь это что-то вроде его дневника.

– Да. – Ева нагнулась и подобрала папку, бережно закрыла ее. – Видимо, после его гибели кто-то из членов семьи нашел эти письма. И решил передать Ли.

– Иногда, – тихо и немного смущенно начал дознаватель, – я завидую таким, как Ли и Ник.

Настоящая любовь – это редкость. Как в мире людей, так и у Избранных.

– Но и там и здесь почему-то это всегда печальные истории, – грустно улыбнулась ему девушка. – Как Ромео и Джульетта. Хотя да, все-таки это красиво.

– У ваших друзей это тоже была любовь с первого взгляда? – Страж хотел отвлечь ее, заставить вспоминать что-то романтическое, теплое, чтобы горе скорее переросло в тихую грусть, как это всегда и бывает после потери близких.

– О! – Ева чуть ожила, на ее лице теперь появилась уже не жалкая и робкая, а настоящая теплая и искренняя улыбка. – Да! И даже, как у Шекспира, они встретились на балу. Вернее, на очередном торжественном ужине. Ли тогда смеялась, уверяла, что это все старомодно, несовременно и что в этих скучных толканиях у столов нет ничего романтического. А потом они просто встретились взглядами в зале. И все! Это было очень романтично. Мы все так

завидовали им. И в то же время и я, и Вова, и Гавр – мы все чувствовали себя в их компании уютно. А главное, весело!

– Я мало знаком с Ли, – заметил Дан. – Но могу себе представить, как это было с ее-то характером и энергией!

– Конечно! – Ева совсем ожила, теперь девушка вспоминала прошлые шалости с явным удовольствием. – Что мы только не вытворяли! И ночные вылазки, и всякие безумные вечеринки в самых неожиданных местах! Но... Иногда мы были очень даже степенны. Ник любил показывать Ли свои рукописи. А она в лаборатории Вовы делала для нас всякие зелья. Иногда они с Вовой соревновались. И я всегда болела за него, а Ник за Ли. Еще мы ходили по музеям, по фондам. Ли так восхищало все, что связано было с работой ее любимого!

– Вот не могу я представить Ли в научных кругах, – весело заметил дознаватель, рассказ увлек его, заставил на время отвлечься от расследования, к тому же его радовало, что и Ева понемногу приходит в себя, к ней возвращаются ее сила духа и обычный оптимизм. – Ваша подруга в тех залах, в Пушкинском Доме, среди этих мрачных артефактов...

– Верно, – Ева рассмеялась. – Больше она любила, как, впрочем, и я, бывать в доме на Мойке. Вы же видели, как там уютно. О! Я же им проводила такую же экскурсию! В том же зале! Только там были немного другие экспонаты. Несколько других. Там же были Петр и Григорий, и даже Мари была. Ли тогда смотрела на кольца Пушина. Ник еще заметил, что они парные. Как обручальные. Это так прозвучало, будто предложение... Но я рассмеялась тогда, сказала, что трудно принимать символ свободы за оковы брака. А Ник ответил, что любовь – это и есть свобода...

Маг-артефактор вдруг погрузтел.

– Мари тогда была вне себя, – продолжала Ева. – И... вечером как раз случилась эта ужасная сцена у князя. Когда он оскорбил Ли...

Вдруг девушка выпрямилась, глаза ее расширились. Она уставилась на Дана.

– Что? – встревожился он. – Что не так, Ева?

– Дан... – Она продолжала смотреть на него очень внимательно, с каким-то потрясенным выражением на лице. – Кажется, я знаю, кто убийца...

Как ни странно, Страж сразу понял смысл ее догадки.

– Почему мы вообще забыли о ней?! – возмущенный собственной рассеянностью, воскликнул Дан.

– Потому что о ней всегда и все забывают. – Теперь голос Евы звучал сухо и деловито, она отпустила руку Стража, встала с дивана, начала размеренно мерить шагами гостиную. – И мы почти не ошиблись в мотивах. Мари чужая в этой семье, как я уже вам говорила. Тогда Ник сопровождал Константина Константиновича в Париж. Мари жила там, отходя от второго развода. И увидела там молодого мага... Вскоре она объявилась здесь. Князь знал, что Мари хороший ученый. Но... он взял ее на стажировку. Она же с первого дня безмолвно ему подчинялась. И преследовала Ника. Но вот молодому Романову было не до нее. Мари готова была на все, лишь бы Ник был с ней. Она могла давно возглавить фонд, но упростила князя работать с Ником в отделе рукописей, где от нее было мало толку. Тогда-то его светлость и стал относиться к ней с пренебрежением.

– Он это четко объяснил сегодня, – напомнил Страж. – В ней нет искры. Она готова была зарыть свой истинный талант в землю взамен на близость к тому, кого полюбила.

– Это не была любовь, – покачала Ева головой. – Скорее одержимость. Мари вымаливала малейшие знаки внимания, унижалась. Ник не мог на это ответить, он даже пожалеть ее не мог. Она на самом деле была очень жалкой. А князь злился все больше. Тогда Мари стала выполнять любые прихоти князя. Чтобы задобрить, чтобы он не запретил ей видеться с Ником. Я думаю, в результате его светлость просто привык терпеть ее рядом. Она стала незаменимой служанкой. – И потому в той истории с Ли князь поверил Мари, – дополнил Дан.

– Конечно, – рассеянно согласилась маг. – Ли исчезла из жизни Мари. Ник работал в фонде, у ведьмы была возможность всегда быть рядом, как она и желала. Но вот отношение к ней князя уже не менялось.

– А потому Мари не могла возвыситься и в глазах Ника, – продолжил логическую цепочку Страж. – Но никто не способен терпеть униженное положение постоянно. Тогда Мари решила как-то повлиять на события. Мари просчитывает все варианты, понимает, что в случае смерти князя шансы получить наследство есть именно у Ника. Тогда она начинает травить князя.

– Ей было легко это сделать, – заметила напарница Стража. – Мари практически живет в имении. Так как приучила князя звать ее, как служанку, когда нужно выполнить его какую-нибудь очередную прихоть.

– И вот план сработал, – предположил Дан. – Князь чувствует себя все хуже, он приводит свои дела в порядок, находит повод передать Нику фонд...

– Но тут-то все и пошло не так! – Ева хлопнула в ладоши. – Тут ее план потерпел фиаско! Потому что Ник не собирался оставаться с Мари. Более того... Константин-младший сказал, что уже на следующей неделе Ник должен был лететь в Москву! То есть до воссоединения с Ли оставалось всего несколько дней!

– Потому он нервничал, подгонял всех и так часто говорил о свободе, – вспомнил показания друзей и близких погибшего Страж. – Представляете, что чувствовала Мари. Она пошла ради него на преступление. А Ник вместо благодарности готов был покинуть ее навсегда!

– И Мари его убила, – твердо и уверенно заключила Ева. – И вновь у нас почти Шекспир. «Не доставайся же ты никому...» Только тут в нашей истории уже нет страсти. Только холодный яростный расчет. Нет ничего страшнее обиженной женщины. Уж не знаю, как она заманила его в тот зал... но это был ничего не значащий повод. Просто ей надо было, чтоб он погиб там. И как все обставлено! Она ушла через иную реальность. А ведь Мари ничего бы не стоило открыть портал и вернуться тем же путем.

– Только ее след бы запомнили, – возразил Дан. – Да и кто бывал в том зале чаще всего? Именно она! Слишком рискованно. Зато как красиво можно было сыграть! Мари находит труп любимого...

– Да, при таких обстоятельствах ее трудно было бы заподозрить, – согласилась маг. – Кто-то неизвестный пришел с Ником, потом исчез. Уж точно убийцей не может быть Мари, которая знает все пароли и тайные места для открытия порталов.

– Вспомните вчерашний вечер! – воскликнул Дан. – Вы сами искали ее в зале! У князя, вечером!

– Но она появилась позже всех! – Ева тут же поняла его мысль. – И если она в тот день была в Лицее...

– Это легко проверить, – напомнил Страж.

– Конечно! – девушка кивнула. – Как же хитро она все придумала! Возле Ника нашли кольцо Пушкина. Мари просто не положила его на место, чтобы не оставлять след. Зато потом она инсценирует продолжение охоты за украшениями поэта, чтобы все еще больше запутать.

– А заодно, чтобы навести подозрение на Наталью и Софи, – рассудил Дан.

– Последний этап плана просто виртуозен, – с невеселой улыбкой признала Ева. – Сегодняшнее утро. Дом на Мойке. Она была там. Да она практически у нас на глазах совершила кражу!

– Точно. – Такая новость заставила дознавателя нахмуриться. Он был рядом с преступницей и даже не подозревал об этом. Это ущемляло его амбиции и злило. – Какая же у нее выдержка. Мари даже пошла с нами на экскурсию в зал. И как она изображала переживания из-за пропажи перстня с сердоликом.

– И красиво исчезла, когда я заметила пропажу колец Пуштина, – напомнила Ева. – Все поверили, что наша тихая мышка Мари просто не вынесла таких известий.

– Вот только одно непонятно, – заметил Дан. – Мари спокойно переживает похороны Ника. Потом ссылается на потрясение и горе, получает разрешение выздоравливающего князя, которому не до нее, улететь в Париж развлекаться. И все! Больше никто и никогда бы ее не нашел! Вот она, ее свобода. И зачем же ей тогда так нужны кольца Пуштина? Как-то после всего этого не верится, что эта ведьма может быть не уверена в себе или своих силах.

– Неужели вы не поняли, мой дорогой напарник? – чуть иронично и при этом как-то нервно усмехнулась маг-артефактор. – Вспомните утро. Вспомните экскурсию и мой рассказ об этих кольцах. Что я сказала тогда? Давайте представим, что узник Подземелий получит такие кольца...

– И случится настоящее чудо, он обретет свободу, – вспомнил Дан. – О Боже... Это страховка! Мари останется безнаказанной?

– Нет. – Теперь Ева улыбалась открыто и уверенно. – Ни Мари, ни вы, Дан, не знаете всех нюансов легенды об этом артефакте. Давайте просто поймем Мари. И, клянусь памятью Ника и любовью к моей лучшей подруге Ли, я лично упеку ее в Подземелья!

2 сентября, 18.30. Усадьба Лопухинка, Ломоносовский район, Ленинградская область

Они перенесли обратно, портал вынес их прямо к воротам усадьбы. Двери в дом им открыл Алекс, что заставило Еву страдальчески поморщиться. Сейчас и этот потомок Романовых и Пушкиных не слишком горел желанием общаться с гостями.

– Ева? Нарышкин? – чуть надменно приветствовал он их. – Его светлости нездоровится, он лег. Так что сейчас не время для визитов.

– Кто еще в имении? – проигнорировав и слова Алекса, и его тон, коротко и властно спросил Дан. – Мне нужны Гавр и Георг.

– Но... – казалось, Алекс растерялся.

– Ведется расследование, – так же твердо перебила его Ева. – Слово дознавателя – закон. Алекс, кто еще есть в усадьбе?

– Гавр уехал с Вовой, – нехотя сообщил молодой человек. – Георг где-то здесь. И Константин-младший. Они в кабинете князя.

– А Мари? – тут же спросила маг-артефактор.

– Не знаю, – пожал Алекс плечами. – Не видел ее со вчерашнего дня.

– Я в кабинет. – Дан тут же отправился по коридору, вспоминая путь, по которому их с Евой провожали в нужное помещение накануне вечером.

– Где ты видел Мари? – вспомнив кое-что из их сегодняшних размышлений, решила уточнить маг. – Только здесь? Вечером?

– А она была? – По чуть брезгливому выражению лица было понятно отношение Алекса к ведьме. – Тут я ее и не заметил. И как она сюда успела? Она же была в Лицее.

– Что? – Ева нахмурилась. – Когда Мари была в Лицее?

– Мари... Не знаю, что вы привязались к этой вечно хнычущей ведьме, – раздраженно выпалил маг. – Я уходил из Лицея в семь вечера. А эта ведьма была там. Все, как обычно, копалась в этих мелких артефактах, которым даже ты не придаешь значения. Я ей напомнил, что в восемь мы обязаны быть в доме. Она, как всегда, расплакалась по своему Нику, сказала, что, как закончит, приедет, очень боялась опоздать.

Он хотел сказать еще что-то, но Ева спешила. Кивнув ему на прощание, девушка начала подниматься по лестнице, все ускоряя шаг. Ей надо было попасть в комнату Мари.

– Опоздали, – огорченно известил ее Георг, когда Ева добралась до дверей комнаты ведьмы. – Она ушла через параллель.

– Буквально только что, – известил ее Дан.

Дознаватель снимал заклятие, указывающее на след от недавно открытого портала.

– Она может спешить в свою квартиру в городе, – предположил Георг. – Константин знает адрес. Я могу вернуться к нему в кабинет и...

– Там ее уже ждет ваша Петербургская Стража, – ответил ему Дан. – Ева, у нас нет времени на обыск. Вы как-то могли бы помочь? Можете быстро обнаружить артефакты, если они есть здесь?

– Да, – как-то неожиданно рассеянно отозвалась маг. Девушка все продолжала смотреть на то место, где совсем недавно, всего несколько минут назад, потух портал в иную реальность. – Сейчас проверю.

Даниил посмотрел на нее вопросительно. Он уже хорошо изучил свою напарницу, тем более ему нравилось быть внимательным к ней. С Евой было что-то не так. Она что-то задумала.

– Георг, – Страж кивнул Романову, – можете позвонить вот по этому номеру? Это дознаватель из Петербурга. Пусть сообщат результаты осмотра квартиры Мари...

Георг, польщенный доверием Дана, тут же поспешил выполнить задание.

– В чем дело? – дознаватель обернулся к Еве.

– Тсс, – девушка приложила палец к губам, но сама тут же довольно громко произнесла: – Я проверяю комнату.

Она на самом деле сделала пару пассов руками, видимо, мысленно проговорив еще и формулу заклятия. Маленький зеленоватый шарик силы начал метаться по комнате.

– Давайте выйдем, – так же нарочито громко предложила маг. – Нужно еще пару минут...

Она за руку вытащила Дана в коридор.

– Что? – обеспокоенно спросил он.

– Она никуда не уйдет, – зашептала ему Ева. – Дан, обратили внимание? Все ее вещи здесь. Драгоценности, деньги... Платья и косметика, в конце концов. Она просто увидела наш приход и спряталась. Куда ей идти? Мари сидит в иной параллели и ждет нашего ухода.

– С чего вы взяли? – искренне изумился дознаватель.

– У нее нет друзей, нет никого, к кому она могла бы пойти, – торопливо заговорила Ева. – Мари может полагаться только на себя и свои способности. Она отлично листает реальности. Мари чувствует там себя уверенно. А еще она хитра. Сейчас бы мы отправились искать ее в аэропорт или по вокзалам. Когда дом опустеет, Мари сможет спокойно выйти, собраться и исчезнуть по-настоящему.

– Логично, – вынужден был согласиться Страж. – Но возможно, у нее огромный счет в банке. Мари просто могла в очередной раз ускользнуть отсюда через иную реальность и пойти туда.

– И Стража не учтет такой поворот? – иронично переспросила Ева. – Там ее тоже будут ждать. Нет, Дан. Она здесь. И... я просто знаю, поверьте. Однажды, тогда, пятьдесят лет назад, мы сидели в гостиной этого дома. Я, Ли и Ник, Вова, Гавр, были даже Георг и Константин. А заодно и Мари. Я вернулась из экспедиции. И конечно, рассказывала о приключении. В Египте мне пришлось сутки прятаться в иной реальности, пока расхитители могил фараонов, оставшиеся без добычи, искали меня в этих ужасных лабиринтах. Мари помнит все. В этом я давно убедилась. Так что, считайте, тогда я сама подсказала ей выход из любой ловушки.

– Что будем делать? – подумав, деловито спросил Дан.

– Ждать, – в очередной раз усмехнулась Ева. А потом зашла в комнату и продолжила уже совсем другим, разочарованным тоном: – Здесь пусто! Мари успела сбежать! Надо проверить аэропорт и вокзалы! А еще банки, наверняка у нее где-то огромный счет! Дан, вы же распорядитесь?

– Уже, – ответил ей напарник. – Ее везде будут ждать Стражи. Давайте сами поедem в аэропорт! Мари ведь из Парижа? Значит, она соберется туда!

Они вышли из комнаты. В коридоре Ева обернулась к напарнику и весело, но очень тихо рассмеялась. Их спектакль напоминал детскую шалость. Как это ни было неуместно, но Дан не смог сдержать ответной веселой улыбки.

2 сентября, 20.30. Усадьба Лопухинка, Ломоносовский район, Ленинградская область

Дом выглядел пустым и заснувшим. В комнатах и залах было тихо. Обитатели дома давно разошлись по своим комнатам или разъехались, надеясь где-то найти развлечения, отвлечься от болезни князя и всех потрясений дня. Последним отбыл Константин-младший. Он долго о чем-то говорил с Софи, оживленно, радостно, потом собрался к ней. Георг уехал раньше помогать Страже. Ведь еще немного, и он станет одним из боевых магов. Его светлость давно уснул под воздействием лекарств и зелий своего сына и племянника. Сами Гавр с Вовой так и не возвращались.

Мари спешила к выходу, по пути навсегда прощаясь с громадиной усадьбы, где столько лет жила, как птица в клетке. Уходила ведьма налегке. Лишь спортивная сумка с самыми ценными вещами и небольшой клатч, где лежали банковские карты, немного наличных, а самое главное – гарантия ее независимости и неуязвимости.

Коридор кончился, вот небольшой холл и наконец-то лестница. Всего сорок ступеней и еще несколько шагов, а там уже свобода.

– Мари? – Гавр окликнул ее со спины. От неожиданности ведьма споткнулась и чуть не упала, пройдя всего пару ступеней, пришлось быстро ухватиться за перила. – Надо же! Тебя и не узнать...

Оборотень появился будто бы ниоткуда, ступал тихо, плавно и хищно, как настоящий волк, в которого он и перекидывался. А следом за старшим братом Романовым на лестницу сверху вступил и Георг. Собранный, серьезный, готовый к любым неожиданностям.

– А ты и правда выглядишь иначе, – заметил он. – Намного лучше, чем обычно... Даже жаль, что ты показалась такой только сейчас.

Исчезли траурные одежды, несурзные юбки, исчез вечно несчастный сторбленный вид. На Мари был брючный костюм цвета молодых оливок из тонкой шерсти, сидящий точно по фигуре. Высокая прическа, открывающая изгиб шеи, лоб, искусный макияж.

– Вот такой, – чуть повернувшись к своим родственникам, с некоторым укором сказала Мари, – я приехала сюда пятьдесят лет назад. Я была свободна, счастлива и полна надежд. Такой же я уеду отсюда. Навсегда.

– Не уверен, что ты можешь вот так просто уйти, – возразил ей Георг. – После того, что ты сделала. Ты же не собираешься отпираться, отнекиваться, так?

– Нет, не собираюсь, – усмехнулась ведьма. – Я вообще не собираюсь говорить с вами. Не о чем.

– Можно подумать, это мы совершили кражи и убийство, – раздался из-за ее спины голос Константина-младшего.

Мари обернулась. Второй сын князя практически поравнялся с ней, стоял всего двумя ступеньками ниже. Но еще... за его спиной, на небольшой площадке между лестничными пролетами ее ждали этот московский Страж и Ева Куракина.

– Мне неизвестно, что вы совершали или нет. – Ведьма чуть заметно занервничала, поняв, что ее окружили. Но резкая манера ответов не изменилась, не расталась Мари и с верой, что уйдет отсюда живой и невредимой, а главное, свободной. – Я ненавижу вас всех. Вы жалкие. Вы все прыгали вокруг князя, на что-то надеясь, за что-то боролись. И все равно ждали от него подачки.

– Они хотя бы боролись, – тихо, но как-то очень недружелюбно заметила Ева.

– А я нет? – Конечно, именно ее слов ведьма пропустить не могла. Накопленная годами злость и зависть выплеснулись наружу. – Я увидела его в Париже. Молодой, веселый, какой-то всегда легкий, а еще и талантливый. Он бы подошел мне идеально! Я хотела его. А я всегда получаю, что хочу!

Ведьма еще раз окинула всех своих преследователей яростным взглядом.

– Я намного родовитее каждого из вас! – кинула она Романовым. – И умнее. А что я должна была терпеть ради него? А ведь не так многого я и хотела! Просто Ник стал бы моим. Я помогла бы ему, мы спокойно управляли бы фондом, жили в роскоши и славе. Но... Ты! – Мари указала на Еву. – Вот тебя я ненавижу больше их всех!

– Я у тебя роскошь и славу не отнимала, – почти весело напомнила маг-артефактор. – Да и не принадлежал тебе Ник никогда.

– Я была так близка... – Ведьма чуть покачала головой. – Я могла бы его получить, но тут приехала ты! Талантливая, подающая надежды... И все думали лишь о тебе! А потом еще ты привезла эту шлюху!

Ева дернулась вперед, вскинула руку, готовая кинуть боевое заклятие. Дан мягко удержал ее, погладил по предплечью, будто успокаивая. Сейчас именно от выдержки мага зависело все.

– Он всегда выбирал шлюх, – пробормотала между тем Мари и в этот момент сразу стала похожа на себя прежнюю, жалкую и тихую. – А эта была хуже всех. Но я смогла! – Казалось, ведьма уговорила саму себя, вновь распрямилась, упрямо подняла подбородок. – Я прогнала ее отсюда. И тебя! Да-да! Я осталась с ним. Конечно, он переживал из-за своей Ли. Но время шло! У меня было много времени! И вновь он поверил мне. Мы были рядом, мы работали, общались... Все должно было получиться!

– По-моему, – своим обычным надменно-насмешливым тоном заметил Константин-младший, – ты одна в это веришь. Сама себя уговариваешь. Ник тебя никогда бы не простил. Как и все мы. Даже отец, он и то давно уже понял, кто ты такая на самом деле. Ты врешь сама себе.

– Нет! – Мари отшатнулась, чуть опять не споткнувшись о ступеньку.

– А он прав, – демонстративно не глядя на ведьму, сказала Ева Дану. – Все-то у нее около. Уже почти чуть-чуть, почти получилось, еще бы немного... Вот только кончилось все иначе. Одно непонятно, зачем надо было убивать его светлость. Он терпел тебя здесь все пятьдесят лет.

– Терпел? – Ведьма опять взъелась. – Да! Я всегда была рядом. Я умею быть удобной. Князь многое бы не сделал без меня. Кто руководил его детищем все эти годы? Кто исполнял любую его прихоть? – Тут она чуть помолчала, а потом заговорила уже спокойнее, холоднее. – Вам так нужна исповедь? Что ж... Он стал опасен. Ваш князь. Он мог мне помешать. Тогда... Это было под католическое Рождество... Князь ссорился с Ником. Нужно было куда-то ехать. Ник хотел взять это на себя, а поехал ты, – она указала на Константина-младшего. – Они ругались в

кабинете, Ник вылетел такой несчастный. А я пошла все улаживать, я сказала князю, что надо бы иногда его отпускать, что Ник гениален, и... – Она нахмурилась, вспоминая тот день. – Князь посмотрел на меня так, будто я собака бездомная. Я! Кто помогал ему все эти годы! Он сказал, что лучшее для его племянника, что он может сделать – это отослать меня от дома... – И в тот же вечер ты добавила отраву в его чай, – почти весело закончил за ведьму Гавр. – Из-за пары слов, сказанных в плохом настроении? Угроза? Мари, ты сумасшедшая.

– Нет, – возразила она. – Я потом узнала, Ник хотел ехать в Москву. Он всегда туда ездил. А князь... Он готов был отпустить его навсегда. Вот этого я допустить не могла. И я стала действовать. Да, я добавляла яд в чай. Пока он не готов был умереть. Потом я же помогла ему выбрать наследника. Все шло правильно. Его светлость поручил Нику подготовку к выставке. А что Ник сможет сделать сам? Нет, не может он ничего. Но у него была я! Я стала его тенью, его верной помощницей, тем, кто всегда рядом и на кого можно положиться. Оставалось дожидаться, пока умрет князь. А потом... – она жестко усмехнулась. – Ник такой мягкий... Достаточно было бы намекнуть, что это я отравила его светлость ради самого Ника, и все! Мы наконец-то поженились бы. И он уже не смог бы от меня сбежать.

– Тут ты и ошиблась, – напомнила Ева. – Ник сбежал бы раньше. Туда, в Москву. Потому что и князь, и сам Ник уже все решили иначе. Этого ты предвидеть не могла.

– Он меня предал, – угрюмо сообщила ведьма. – И я его убила. Это было легко. Заманить его просьбами сделать кольцо экспонатом на выставке. Заставить его показать мне перстень и доказать, что это подделка, хотя я сама это прекрасно знала. И все. Один простой удар. Потом просто замести следы.

– А чуть раньше ты узнала у него тайники Лицея, – подсказала Ева. – Вот только дом на Мойке...

– Петр сам сказал мне заклęcia сегодня с утра, – с победной улыбкой объяснила ведьма. – Ведь я так страдала... А работа так облегчает горе. Вообще, если бы не ты, Ева, все прошло бы хорошо. Но... Я уже тогда знала, что мне остаются считанные часы. Ты поймешь, ведь ты рассказала о кольцах Пущина. И... ты меня выследила. Но они у меня. А потому разговор окончен. Теперь я ухожу.

– Не думаю, что это получится, – серьезно сообщил ей Дан. – Кольца вам не помогут.

– Мы можем попробовать, – нагло улыбнулась Мари. – Но легенда не врет. Это признает даже Ева.

– Не совсем, – тихо и как-то весело возразила маг. – Легенда не врет, но... Самое интересное, в тот вечер, перед смертью, Ник сказал Георгу Брасову одну вещь. Он сказал: магией свободу не купишь. А ведь это часто бывает, да? И у смертных, и у Избранных. Прощальное пророчество. Как это ни странно, Мари, но его слова были о тебе.

– Что? – Ведьма смотрела на нее с каким-то суеверным испугом.

– Все просто. – Маг пожала плечами. – Иван Пущин был благородным человеком. И человеком долга. Верность делу и слову, своим друзьям и соратникам – вот что он ценил. Пущин – создатель этих колец, он сделал из них символ свободы, но... – Ева сделала паузу, чуть пожала плечами. – Это как в каждой детской сказке. Кому попадет в руки артефакт? Если герою, мир спасен, если злодею... все пойдет прахом. И обычно сам артефакт способен защититься от злодея. Так и здесь. Эти кольца не действуют, Мари. Иван Пущин никогда и никого не предавал. Кольца не слушают предателя. Посчитай, Мари, скольких предала ты!

– Это они меня предали! – закричала Мари. – И Ник, ради какой-то... И князь...

– Ты врала, обливала грязью, ты убила, – твердо, как приговор, перечислил Георг. – И ради чего? Своей прихоти? Мари... ты чудовище. Ничто на свете не сможет тебе помочь.

– Поэтому ты никогда не освободишься, – тихо закончила Ева.

– Нет. – Ведьма прижала клатч, где были спрятаны кольца, к себе. – У меня в руках то, что сможет мне помочь. Никто не остановит меня теперь. Вы все жалкие, ничтожные...

– Вспомни, – перебила ее маг-артефактор. – Я знаю, у тебя отличная память. Ты уже доказала это сегодня, когда пряталась в иной реальности, как в истории, что я рассказала когда-то. И про эти кольца ты все помнишь. Тогда, в первый раз, когда я рассказывала о них Ли и Нику, я сказала, что этот артефакт способен помочь лишь тому, кто страдал за истинное дело, за веру, долг, за любовь. В ином случае... Кольцо становится символом правосудия. Таким задумал его сам Пущин.

– Хватит! – Мари нервно дернула спортивную сумку, клатч по-прежнему был прижат к ее груди. – Это все лишь легенды. Я уйду. И никто и ничто меня не остановит!

– Хорошо, – обманчиво легко согласился дознаватель. – Вот лестница, Мари. Выход там. Всего несколько десятков шагов. Иди, и посмотрим, кто был прав. Убийца и предательница или маг-артефактор.

– Только помни, – вкрадчиво заметила Ева. – Свободу не купишь магией. Это говорил Ник. Для тебя. В день своей смерти.

Мари кинула на Еву почти безумный взгляд, ведьма боялась, но... у нее не было выбора. Романовы, как по команде, отступили назад. Страж и Ева тоже отошли в сторону.

Мари глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, вновь поправила спортивную сумку на плече, а потом быстро побежала вниз...

Ведьма давно не носила каблуки. Ей следовало подождать еще час, прежде чем отмечать свою свободу, менять облик, оставлять позади привычки. В какой-то миг шпилька, от которых ведьма отвыкла, зацепилась за край ковра, покрывающего лестницы. Мари прижимала к себе клатч, она думала лишь о том, что она права, что кольца помогут, и... Нога чуть подвернулась, поехала по мрамору. Ведьма кубарем покатилась вниз, успев только раз вскрикнуть.

Романовы, Страж, Ева, все поспешил вниз.

– Гавр, – отдавал на ходу распоряжения Дан, – ты врач. Осмотри ее. Ева?

– Сумочка тут! – Маг-артефактор уже подняла отлетевший в сторону клатч. – Кольца здесь. Все четыре. И Пушина, и поэта.

– Я вызову Стражей. – Георг набирал номер на телефоне.

– Она жива, – между тем сообщил всем оборотень. – Только ногу сломала и ударилась головой.

– Избранные не умирают, скатившись с лестницы, – с каким-то совершенно детским ожесточением заметила Ева.

Гавр, Даниил и даже Константин-младший посмотрели на нее, а потом переглянулись и одновременно усмехнулись.

2 сентября, 23.00. Гостиница в Санкт-Петербурге

Они опять, усталые, эмоционально измотанные, но на этот раз довольные, вернулись в свой номер. Ева уже привычно расположилась на диване. Дан присел в кресло напротив нее.

– Я до последнего боялась, что она мне не поверит, – призналась Ева.

– К счастью, ваша репутация сослужила нам свою службу, – благожелательно ответил ей дознаватель. – Я все думаю, как вы были правы. Она не любила Николая. И это была даже не одержимость. Просто ей не удавалось получить то, что собой олицетворял Ник. От этого как-то совсем неприятно.

– Да, – согласилась девушка. – Я еще смогла бы понять, если бы Мари убила любимого, чтобы он не достался другой.

– Тогда это было бы просто, – пожал Страж плечами. – Ни колец, ни всех этих странных и запутанных обстоятельств.

– И его светлость, возможно бы, не пострадал, – согласилась его напарница немного грустно. – Но все равно я рада, что все закончилось.

– Я тоже. – Даниил потер виски. – После похорон Николая я вылетаю в Москву. Вы, наверное, захотите побыть здесь еще? С друзьями?

– Нет, – решительно возразила Ева. – Я сыта Романовыми по горло. Приеду на открытие выставки. А сейчас я нужна в Москве. Лекция, Марси. А главное, я нужна Ли.

– Тогда поедem вместе, – обрадовался дознаватель. – Но... Я никак не могу понять. Неужели в каждом артефакте и правда заложено некое условие? Некий обратный механизм действия?

– Конечно, нет, – рассмеялась Ева. – Вы плохо слушали мою лекцию, Дан. Это только кусок металла, получивший форму, куда один человек что-то заложил, а другие в это поверили. Отнимите веру, заставьте хотя бы сомневаться в ней, и...

– Получим просто кусок металла, – понял Дан. – Вы правы, мне хотелось бы получить разрешение и впредь посещать ваши лекции, Ева. Они крайне познавательны. Не только как история артефактов. Вы позволите?

- Ну... – Она сделала вид, что задумалась. – При одном условии.
– И? – Дознатель смотрел на нее с некоторой опаской и любопытством одновременно.
– Если вы наконец накормите меня, Дан! – выдала Ева, улыбаясь....

/9j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAoHBwgHBgoICAgLCgoLDhgQDg0NDh0VFhEYl8lJCifliEmKzcvJik0KSEiMEExNDk7Pj4+JS5ESUM8SDc9Pjv/2wBDAQoLCw4NDhwQEBw7KCIoOzs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozs7Ozv/wAARCALQAdIDASIAAhEBAxEB/8QAHAAAgMBAQEBAQAAAAAAAAAAAwQBAgUGAAAcI/8QAVBAAAgEDAgMFBQYEAwUDCQUJAQIDAAQREiEFMUEGEyJRYRQycYGRIOKhscHRFVLh8Adi8RYkm3KSNUNT
FyU0RFRZgpSyRVVjdJOiwmSDhOIms8P/xAAaAQEBAQEBAQAAAAAAAAAABAAIDBAUG/8QA
MxEBAQACAgIABAMHAWUBAQAAAAECEQMhEjEEQVFhBRNxIjKBobHB8DSR4RUjQILRFGL/2gA
M AwEAAhEDEQA/APnahrwA5bThSR+FGtVjliaJ9i3hOeh6GqrGLW8CqMq/u56Va6jZL1XX/vh
nbz6/jXoepNhGrs8Mq7+6fhQ0sy7SQn/AIkZx8RRcab+NtX/ABFzz68v0osi/wDnJS4x3q8/
7+FQUhgvrDClPrgc1PT60VZOIEkmCMn1A/erXd1cR3CxxYdZEBAY775/Kq+3XgB/wB1jJ9B
/WpDI3FGACrHEPQCrewu51XUzN86XW8vAue6RMb7iiS3dy9lqkYFsE8sfCrcW0W7IkktYiBV
XwRjP4/T86S9saW8aYjI90dM9KuVdLFd8DBP1pfR3duD6Z/as2s2j+2PdTBHb7JDlt+dMz8
QkOmOEDbYY5KKzVXu4eW5Gf2otuPsSW5nf5Ubo2MWiQh3OticnfbNamuEwfAnyWoKFhluXQU
KQLy2+tgxao0+G1odDA8xTcPF3CFJfFtg56is+RccuVUI2+VW1tqR8U7liFOVO49KFJfZIZ1
+9zrOx4c1ccs1bq3TXtJaQMfnTCSHjseE0ggosZIO9G1toBHKE4DY6UKRHjbIAXUSNsFNMN
F3xxy23rXk15M/vT3pbO1NRxpcMBnehtaNI5ii2y9xIrkZHUcs0eVWzAssRIQeXLFJT2xik
zj+ta0bwSHvO+CKDsrncCrzQxSLiZFI6YrXlGtudkzq1DaiKhZQx5jy50zcQDvNlx8ahAFbR
ijyg2DEXR8NYPKnI1QnBqJbbVkpQMkVWNXjXGc+hq84TRiBBK+VLSWzkhlgw3NHw6CrpK7E
Yq3tJ04QL9KfKLCUjTMe3Mb4o5GuH1pQXMkZ8OPpUC4kHKryg8oJodgY51GmVWBDZxQhM4PS
rGV+fp5VeUXIDC6pdyAGqpBG1DSaTJJxyog119RV5RbiCMihNITkbUXUSCaG+WFXIF5RHTNS
km9QqnG9VIwaPJbM6tW1T3YH9aXUkCiBmAYt9aZVsULdkFtJ8tqrJAUIkgfSQPdPWqa+8G2P
lQvGjgOxKHITbMrdRyRaHHx9D50WylDmCQ7jlnqPKIXi0sJAOfMVMselkkHQ4NW6Nn7dVg
u3hLEqx1J6/3+IUe3iW/dCCFkGpf8v8Ae4pK4aSlpIrkaTiiG5laaEsRhG54+dPkdmTBPCpN
tIdHPBHOH+034A7yGI5wM4FPXUssMaMhABJBXG1KG7uVv3tEPqFP71pp4y3+kGOJEyflfvVG
h4k+z3OjPRdvyohu7rYm0VRjmVO341Ed3dPfpA5VFO7KqipFwx6GNXacs5Uajvig8OtRi8lx
pGiL3Rn739Kd4ipaHYnMjbbk9AP7FFQR2lrGmOSF2Hx3o0GvEu00qwRoS7kas8yfkMxAGxt+6
VScbswO7tUcOyzT3bKSScKOUtZpW6D3N2kC5BBxuPx+ICKNcMWJwBvy8q9W0PY0AXuc42ziv
VaTMljdbaOQqRpkIH50e/wA6Ld0HJyOfwqk5DcPurv4IP4Gi3h12EbgcCTJx6ipK3Q0y2mwD
av1FEuxi422QMx9Oo/eh3+O5jcDJvt/z/SpuiWtYHY7RueW+x3H5VJ65bXc2rqG3BHx3/rV
rm5WAqoi1Bhz1Y61N4iCGKaIhx2ceanrV/90vkUEbruMHBFSUYg2veFcZQELn1qbx9PD1xt
4VqLoKlsVjBCoAN984NTcDXw+N5sGhTjFACuhpt1B5aVql4gWDABGAvL4Ua7DGxRvJVPKq3J
1WoYfyqc/KgBXYMQGdxjb5VSTC7A43xRbnDRiQYxgH8KFOokGtBts2SKyEzDbSPhQGiGMdR
1osmqRQw260BpSD4hvnegUFVJyD8KoV6UVGBY4GTmvYB5g8+VQLoDjerKCV23qyEDIX1q0Y2
5VJC5AoqHNeCjFSqgGhDoCBkHFMRf+rc6XQkjT0phSVxURyutdvepd8oc1dH2zyOaqzZ96ov
EBxnHOhle7YEbgc8VcIxHhNURmDENyqSX+2C/aFdJzlmq95LE504NWnwwGkYxVIzkbihGo7
5y2Cg38jXnkAkBwTq2wOIBGlzirtqjAPOg7QxBaoL+tXJD5OkA0tKCDkb0iiLuwycZpmOLPI
glInq5+QpqcTDFkKqW1sW5DFe9lbH9KajdJBkHlVsY2ztUdEu4ZN+leXY02SBsaFLHqO1ICw
AKhgCOVXGFGUgmowKkFggbcvMMijDGkA0PHi9KdNAkkMBVhl8LV3TDBqkxsCGUcq1o6R3QXcZ
GN6KY9duTz61TvBpIKncYo9sQ1sRnoadJTSTbb9BUsmq1z1wKKqg2rb8galF1Wh3zgf1TpaL
yrm1y3pVSn2at8KNiuuzYjfb8jVVAa0JXmFz9KNLRY8INkDg5LAn6GjTSi3i7zuo81NgDOMb
UFCLvh+IdkgAj4jpV4ZlrmDu5ee2RnBz5ittJikaeEyLHplfGxJ9aTs9T8TmZwSQrYz8a0I1
hhjOQrxGrVktmkLNVHF5kGTqDDGfnUgeISv30KFgF0IHqab4sSI5NPLTjfpypP4oCrRv3fl
Y36U/fDvLeVwclBAX050AG2RY+GREb5kJPtS/Dx3I/O7qSUvmBjo/DpSLBgqKSHHn17Nj
HxaSM5HeBh9d6kbA790TmvVBYgkb/WvVBjRlpLdog+BpyQeuOlNwuJuHNBZYL4fiNxSkaPb
yhip2PWixD2e70D3H3Q+nT9qGhocXVp3IwGIwpz1HL+/Wos3E8bW8xIAGls8xvsflVGHsdz3
gGIZevl/pRbmF5JTc26eMDLDo3qKgH38li/s8igjmG5gg/pVltbaYsy6l3+4RiiC5iuYhHKi
lv5T5+hocdjAGJ714x8AakkcNj30yuo8yAaZMGLRYjIGKgiI+ooJshHtFeMDnky4H4VBA9t8
MVEsfVl3oAkCiWwAHMZx9qpBGstmUJ3GVP6VSznPtLxqMLJ7o8jUiUW1yQ+0cmx9DQkQp3kd
RsfcBHhyqYAzCeYzpz1HIV7gtBN3yjO2HX0qkmmVBKjZHqjMPsgBsHhOy5U7kVRpIyuAD8Kn
vnUgSAnbnyqDLHnO9DIWE3wSD54qpXDnG40+aNmNtgR89qppIblyMUIsU8TdM71K5U0VKGgE